

ВЫХОДИТ 4 РАЗА В ГОД 1(9)/2006

МОСТЫ

Журнал переводчиков

Читайте в этом номере:

М. Берди, В.К. Ланчиков

Успех и успешность.

**Русская классика в переводах
Р.Пивера и Л.Волохонской**

П.Р. Палажченко

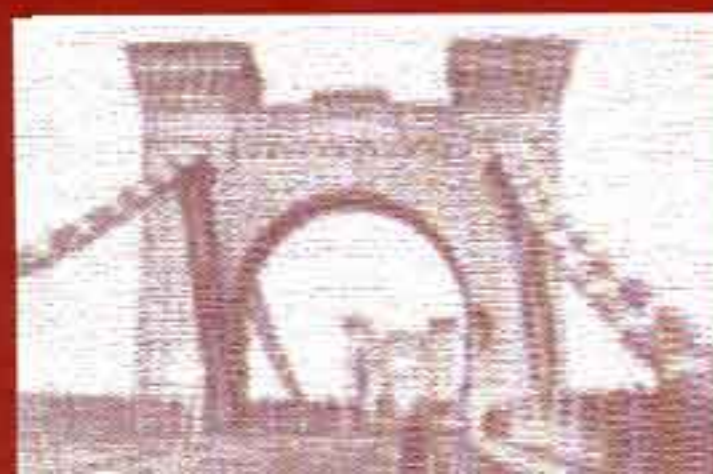
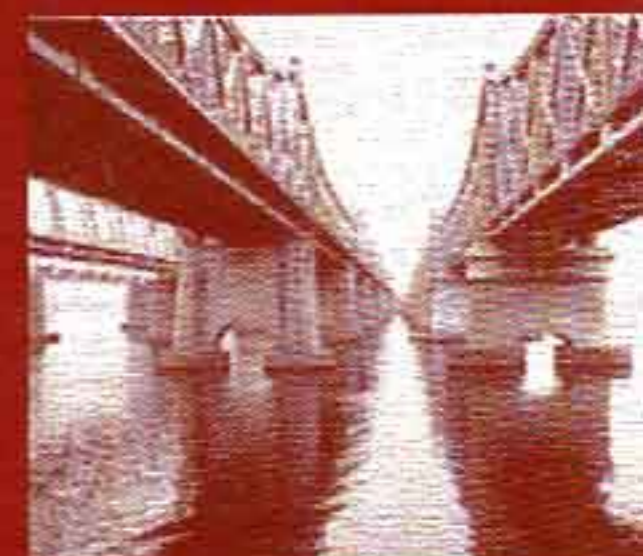
Семь смертных грехов (и семь даров святого духа), или о Пользе дискуссий в Интернете

В.В. Гусев

Переводчик – автор перевода

Т.П. Некрасова

**Что бы это значило,
или Туманные звезды
российского законодательства**

МОСТЫ

журнал переводчиков
№ 1(9)/2006

выходит 4 раза в год

Издатель:
ООО «Р.Валент»

Главный редактор:
З.В. Зарубина

Редакционная коллегия:
Мишель Берди

Линн Виссон
Д.И. Ермолович

М.А. Загот

И.В. Зубанова

Б.Н. Климзо

В.К. Ланчиков

А.И. Никольская

П.Р. Палажченко

К.В. Петренко

И.И. Убин

М.Я. Цвиллинг

Н.Г. Шахова

Зав. редакцией:
В.Р. Колесниченко

Редакторы:
Н.Г. Богомолова
В.П. Кочин

Корректор
А.И. Никифорова

Подготовка макета
Т.И. Родионова

Адрес редакции:
105062, Москва,
ул. Покровка, д. 38а
105062, Москва,
Подсосенский пер., д. 23
Тел./факс: 916-67-03
e-mail: rvalent@online.ru
www.rvalent.ru

ISBN 5-93439-195-X

Номер подписан в печать 22.12.05

Цена свободная
Тираж 1000 экз.
Заказ № 725

Отпечатано в ОАО «КТС»
Калуга, ул. Московская, 256

Перепечатка материалов – только
с разрешения «Р.Валент»

© ООО «Р.Валент» 2006

В номере:

И.В. Зубанова. Гелий, от слова «солнечный», или Воспоминания о переводческой молодости рядом с Г.В. Черновым	3
Д.И. Ермолович. Ответы на вопросы читателей	11
М. Берди, В.К. Ланчиков. Успех и успешность. Русская классика в переводах Р. Пивера и Л. Волохонской	18
Т.П. Некрасова. Что бы это значило, или Туманные звезды российского законодательства в переводе на английский	32
П.Р. Палажченко. Семь смертных грехов (и семь даров святого духа), или О пользе дискуссий в Интернете	38
Д.М. Бузаджи. Норма ненормативного. Ругаемся адекватно	43
Е.К. Масловский. Никто не виноват... Но что делать?	56
В.В. Гусев. Переводчик – автор перевода	62
Д.И. Ермолович, М.Ю. Бродский. Мой адрес – не «хаус» и не «стрит»	69
В.К. Ланчиков. Василий Иванович, именуемый «заказчик»	76
А.И. Никольская. Как я «удаляла простату»	81
М.Я. Цвиллинг. Лоция в море словарей. (В.Д. Девкин «Немецкая лексикография»)	85
И.А. Пушнов, И.И. Убин. Кадры решают все	89
В.В. Гусев. Ответы на вопросы читателей	92

От редакции

«Мостам» пошёл третий год. Два года назад новоиспечённые члены редколлегии на первом заседании обсуждали программу журнала, придумывали название, спорили об оформлении. О многом спорили, но сходились в одном: журнал должен помочь перебросить мосты не только между культурами – это само собой разумеется, профессия у нас такая, – но и между теорией и практикой перевода.

За два года журнал обзавёлся всем, что положено иметь подобному изданию: у него есть свой круг авторов, свои читатели (число и тех и других растёт от номера к номеру), появились постоянные рубрики, наметились сквозные темы. И, что немаловажно, у него есть своё лицо, своя стилистика, которую во многом задало то самое изначальное желание – свести вместе теорию и практику. Так свести, чтобы не впасть ни в легковесную популярищину, ни в далёкое от повседневных переводческих забот теоретизирование.

Насколько это удаётся, судить читателям, и, честное слово, нам бы удавалось выполнять эту задачу намного лучше, если бы мы почаще получали их отзывы.

Давайте и дальше вместе размышлять, делиться открытиями большими и малыми, посмеиваться над самоуверенным дилетантизмом, с уважением вспоминать тех, кто уважения заслуживает, сравнивать языки и культуры, говорить о наблевшем, учить и учиться.

We try to bridge the communication gap!

Гелий, от слова «солнечный», или Воспоминания о переводческой молодости рядом с Г.В. Черновым

И.В. Зубанова

Мне довелось знать Гелия Васильевича Чернова в последние десять лет его жизни. Началось все с того, что в 1983 году меня, выпускницу-краснодипломницу английского педагогического факультета МГИИЯ тогда еще имени М.Тореза, распределили на работу преподавателем в своем же инъязе, но на переводческий факультет. Как говорили те, кто был знаком с чрезвычайно непростой топографией здания на Остоженке, «за гору» — чтобы добраться от деканата английского факультета до деканата переводческого, надо было подняться на семнадцать ступенек непонятно почему возникающей лестницы и через двадцать шагов снова спуститься на такие же семнадцать ступенек, чтобы продолжить путь по коридору третьего этажа. Нравы за горой, на кафедре лексикологии и стилистики английского языка переводческого факультета, оказались во многом похожими на то, что мне было привычно в педагогической, почти стопроцентно женской части родного вуза. Те же раз и навсегда утвержденные учебные планы, тот же неизменный Голсуорси по домашнему чтению, такие же строгие старшие коллеги по кафедре, посещавшие занятия молодого преподавателя, чтобы убедиться, что никакой крамолы на уроке не происходит (а впрочем, дававшие и реальные ценные советы), те же запреты женщинам-преподавателям приходить на работу в брюках, то же заклинание «Мы — идеологический вуз!», звучавшее по любому поводу.

Впрочем, было и существенное отличие: студенты на переводческом факультете ровно на девяносто процентов были мужского пола (на оставшиеся десять процентов существовала «женская» квота, с огромным отдельным конкурсом). Это был, пожалуй, самый страшный год моей профессиональной жизни. Молодой, застенчивой девушке, почти без опыта работы — за плечами были только пара лет преподавания на рабфаке, практика и немного частного репетиторства — противостояли сплоченные группы парней, почти моих ровесников. Большинство из них были довольны собой и жизнью, имели «в тылу» влиятельных родителей, некоторые успели пожить за границей. Если учесть, что мы, «педагогички», в лучшем случае учились языку Диккенса и Теккерея у преподавателей, которые сами учились у своих преподавателей, лишь некоторые из которых в жизни общались с живыми иностранцами (редкие «преподаватели по обмену» из Англии и Америки, которых народу показывали издали пару раз в месяц, не в счет), то понятно, почему я шла на уроки практики английского языка к своим «продвинутым» студентам как укротитель в клетку со львами. Тогда мы еще не понимали, что каким-то непостижимым образом наши преподаватели, несмотря на все объективные и субъективные трудности, вплоть до запрета на прослушивание передач «вражеского» радио Би-Би-Си, сумели дать нам без преувеличения лучшее языковое

Лицо профессии

образование не только в стране, но и, возможно, в мире. В «пробирке», казалось бы, наглухо запечатанной холодной войной и идеологическими ограничениями, они научили нас не только понимать устройство и законы чужого языка, но и говорить и писать на нем, хотя и не рассчитывали всерьез, что нам придется общаться на нем с кем-то, кроме наших собственных учеников. Напомню, это были 1980-е годы, и обучение языкам в инъязе в шутку называли «самоучитель игры на органе» — в том смысле, что теорию выучить можно, а к органу тебя все равно никто не допустит...

Высшие курсы переводчиков

Помимо работы со студентами старших курсов переводческого факультета наша кафедра обслуживала преподаванием практики английского языка и смежное подразделение — Высшие курсы переводчиков (ВКП). Через некоторое время на этот участок бросили и меня. Так и впервые попала на кафедру, которую возглавлял Гелий Васильевич Чернов, совмещая это с должностью декана ВКП.

Я не сразу поняла, чем народ на этой кафедре отличался от привычного мне общества преподавателей. Ну, положим, чуть больше мужчин, чем женщин. Чуть больше смеха, чуть быстрее движение. Меньше разговора о календарных планах, часах, контрольных. Все спешат куда-то — да, вот в чем разница! Они спешат не домой, а куда-то еще. И когда они говорят «я завтра работаю», это скорее всего не о преподавании. Это переводчики, то есть люди, которые не просто знают иностранный язык и не просто учат ему других — они им пользуются! То есть выходят один на один с иноязычным текстом или, страшно подумать, с живым иностранцем, и делают что-то такое, чего в этой ситуации никто другой сделать не может.

Опыт перевода, изучения перевода или хотя бы наблюдения за реальными переводчиками при исполнении ими служебных обязанностей был у меня на тот момент минимальным. Ну, был у нас на педфакультете то ли семестр, то ли два письменного англо-русского перевода, из занятий по кото-

рому не удалось вынести ничего полезного, кроме запомнившейся заповеди нашей преподавательницы И.Д. Суходрев: «Если вам внезапно показалось, что вполне здравый до сих пор автор оригинала несет какую-то чепуху, посмотрите лишний раз в словарь — скорее всего, вы просто не знаете нужных значений употребленных им слов». Ну, привлекали нас к работе с гостями Олимпиады-80 и Фестиваля молодежи и студентов в Москве в 1985 году, даже готовили и учили кое-чему перед этим. Но учили не переводу, а начаткам работы гида, или рассказывали о международных молодежных организациях. Еще удавалось летом устроиться запасным (часто неоплачиваемым) переводчиком куда-нибудь в Дамский комитет Кардиологического конгресса или на Московский международный кинофестиваль, но либо работы там не было совсем, либо она относилась к разряду того, что сегодня называется эскорт-переводом (тогда говорили «линейный перевод»). Помню, с каким восхищением на кинофестивале мы смотрели на старших коллег, захоливших в штабной номер после синхронного перевода конкурсного фильма и с напускной небрежностью говоривших что-то непонятное про «скверную гарнитуру» и «монтажный лист», и про то, что надо идти переводить пресс-конференцию знаменитого режиссера. Нам они казались небожителями. Через много лет в синхронной кабине я столкнулась с одним из тех, перед кем я тогда не смела поднять глаз. Ничего особенного, и в тематике того мероприятия, где мы с ним работали, он разобрался не очень...

На кафедре теории и практики перевода Высших курсов переводчиков было достаточно многолюдно, но сейчас мне трудно вспомнить, кто из встречавшихся мне там людей был штатным преподавателем кафедры, а кто числился в других подразделениях — на Курсах переводчиков ООН, на общепедagogической кафедре общей теории перевода, на кафедрах переводческого факультета. Зато сразу стало ясно, что на кафедре есть свой «домовой», человек, который во многом задавал на ней дружелюбный и какой-то уютный тон —

Александр Артемович Тамазов. Этот замечательный человек, фронтовик, отставной морской офицер, занимал должность заведующего ВКП, то есть координировал всю учебно-организационную работу кафедры, составлял расписание, готовил заседания кафедры, отвечал за все бумажки, без которых невозможна деятельность никакой организации — и делал это с таким вниманием, четкостью и одновременно симпатией к каждому преподавателю и слушателю, что невозможно было не проникнуться к нему огромным уважением и теплым чувством. На работу в институт Александр Артемович попал уже молодым человеком. Когда он ушел в отставку после многих лет службы на флоте и работы в штабе ВМФ, его деятельная натура не выдержала пенсионного прозябания, и в 1976 году он устроился на работу в инъяз. В разные годы он работал на военной кафедре инъяза, в отделе кадров, а в то время, о котором я пишу, он занимал административную должность заведующего ВКП. А.А. Тамазов оставался неразлучным с Гелием Васильевичем Черновым в течение всей его дальнейшей жизни: он последовал за профессором Черновым, когда тот стал одним из основателей Московской международной школы переводчиков; так же вместе они перешли впоследствии в Институт иностранных языков г. Москвы, где Александр Артемович унаследовал осиротевший со смертью Гелия Васильевича в 2000 году факультет перевода и возглавлял его до самой своей смерти годом позже.

На кафедре теории и практики перевода я, со своей скромной должностью внештатного преподавателя-языковика, поначалу не общалась с гражданами, а их в те годы там было немало, и в первую очередь профессора Г.В. Чернов и А.Д. Швейцер, а также американка по рождению Наталья Серафимовна Стрелкова (я называю только некоторых из тех, чьим рабочим языком был английский). Моими ближайшими знакомыми там стали Анастасия Леонидовна Коралова и Ольга Александровна Тарханова, преподававшие соответственно письменный перевод и реферирование. Именно к ним я и обратилась за

советом, когда в 1988 году стала подумывать об аспирантуре. Дело в том, что мне почему-то очень не хотелось углубляться в готский язык и тому подобные вещи, обязательные для аспирантов лингвистических специальностей, а потом много лет корпеть над теоретическим трудом, имеющим ценность только для себя самой; к тому же в институте только что ввели новую специальность аспирантуры — «перевод и межкультурная коммуникация». Мои коллеги поддержали меня, и вот, собравшись с духом, я отправилась к Гелию Васильевичу Чернову — проситься в аспирантуру.

Он выслушал меня внимательно и любезно, хотя, как мне показалось, и без большого энтузиазма. И предложил в качестве первого испытательного шага написать небольшой реферат — как сейчас помню, на тему о пресуппозициях и импликациях в переводе. Не знаю уж, насколько успешно я справилась с заданием, но результат оказался довольно неожиданным. Отведя меня в сторонку, подальше от чужих ушей, Гелий Васильевич сообщил, что он намерен вскоре уйти из инъяза, и поэтому участь любого аспиранта, у которого он был бы научным руководителем, стала бы незавидной. И что поэтому он передаст меня другому руководителю — Александру Давыдовичу Швейцеру. Я действительно стала аспиранткой профессора Швейцера, и несколько лет сдавала всевозможные экзамены и писала статьи, хотя и не довела это дело до конца; но это уже другая история.

А Гелий Васильевич действительно ушел из института (позже, в 1994 году, он вернулся в МГЛУ). Точных причин, по которым это произошло, я тогда не знала; не стану на них останавливаться и сейчас. Должности декана ВКП и заведующего кафедрой разделили между двумя разными руководителями. В институте и на кафедре происходили и другие кадровые и организационные изменения, но меня они не касались: я все так же преподавала практику английского языка и домашнее чтение, и казалось, что это будет продолжаться всю жизнь. И вдруг в один зимний день в начале 1991 года в моем доме раздался телефонный звонок: звонил Гелий Васильевич Чернов.

Лицо профессии

Он рассказал, что вместе с профессором Леонорой Александровной Черняховской он организовал небывалое прежде учебное заведение — частный вуз под названием Московская международная школа переводчиков, и что он предлагает мне работать там преподавателем практики английского. Я согласилась, не колеблясь ни минуты.

Московская международная школа переводчиков

Среди преподавателей «маленького, но гордого» вуза оказалось много знакомых лиц, среди них моя коллега ещё по кафедре лексикологии А.Д. Цигельная, О.А. Тарханова, преподаватель страноведения В.Н. Беляков и многие другие. На торжественных мероприятиях, вроде выпускных экзаменов, появлялись профессор А.Д. Швейцер и В.Н. Комиссаров. Со многими другими коллегами, как иньязовскими, так и нет, я познакомилась в самой школе. Самое занятное, что почти все продолжали параллельно работать и в иньязе, но старались в его стенах не афишировать принадлежность к школе (ее сокращенное название было решено слегка облагородить — получилось ММПШ). Полностью на работу в ММПШ перешёл А.А. Тамазов.

Г.В. Чернов и Л.А. Черняховская с головой ушли в организацию работы школы. Дело было новое — частных вузов в стране до тех пор практически не было; ММПШ была зарегистрирована в Министерстве высшего образования под номером 3. Оказалось, что пройти все требующиеся аттестации, аккредитации и лицензирования — дело непомерно трудное, поэтому на первом этапе было решено, что школа не будет замахиваться на полное высшее образование, а ограничится «дополнительным к высшему» последипломным образованием, то есть повышением квалификации переводчиков и годичным курсом обучения переводу. Отдельную трудность представляло то, что у школы не было абсолютно никакого помещения, более того, обзавестись им даже на правах аренды поначалу не представлялось возможным: рыночные отношения в сфере недвижимости находи-

лись в стране в самом зачаточном состоянии. Решение, найденное на первых порах, было поистине творческим: весной 1991 года школа переводчиков открылась на экскурсионном теплоходе «Славянов», стоявшем пришвартованным в Южном речном порту в районе Нагатино. Теплоход пребывал в состоянии ремонта, на нем всё время что-то стучало, шипело и пыхтело, но тем не менее в каютах шли групповые занятия, в салонах читались лекции, а в трюме расположился компьютерный класс. Однажды, в середине учебного дня, теплоход вместе со всеми преподавателями и студентами вдруг отошел от причальной стенки и направился в затон... К счастью, оказалось, что он просто разворачивается, чтобы встать к стенке другим бортом, но легкую панику этот эпизод все же произвел. В дальнейшем Школа переводчиков сменила несколько адресов: пару лет мы работали в помещении Института русского языка им. Пушкина на юго-западе Москвы, потом несколько лет в Свиблове. В последнее время ММПШ находится в Сокольниках.

Когда ММПШ только встала на твердую почву (в отличие от палубы теплохода) в Институте русского языка. Гелий Васильевич смог, наконец, осуществить свой главный замысел: начать преподавать в школе синхронный перевод. Первым делом были заказаны кабины для синхронистов: массивные деревянные «домики» со стенами, крышей и большим окном, в каждую из которых могли сесть, при необходимости, по два человека. Я помню, как их привезли в виде сборных щитов и монтировали в учебном классе и как счастливо хлопотал над ними Гелий Васильевич вместе с Александром Артемовичем. Смонтировали электроаппаратуру, наладили синхронный класс — и в ММПШ, наряду с обычными слушателями, обучавшимися «коммерческому» переводу (немногого лисьменного, немногого устного, финансово-экономического, деловая корреспонденция, страноведение, практика языка), появилась элита — «синхронисты». Их было немного, человека по 4 в группе; на такую низкую материю как практика языка они времени

не трагично (зато у них была очень интересная фонетика, с упором на фоностилистику, которую преподавала Г.В. Бершадская), а сам Гелий Васильевич учил их собственно синхронному переводу. Среди них было несколько иностранцев: помню девушку из Югославии, а также европейскую даму русского происхождения, носившую по мужу аристократическую фамилию Корсини, и удивительно милую англичанку Энн Майлс, которая работала синхронным переводчиком в Европейском Парламенте, переводя на английский с французского, немецкого, испанского и ещё нескольких языков. Свой русский язык, очень неплохой, Энн Майлс относила к категории «С» (пассивное владение, по классификации Международной ассоциации переводчиков конференций) и решила повысить свою в нём квалификацию. Все они оставались очень довольны уровнем преподавания в школе, присылали потом благодарственные письма. А я им втайне завидовала.

К этому времени я уже не только преподавала английский, но и работала помощницей Г.В. Чернова как президента школы, вела международную переписку. Планы были обширные: к нам просились на учёбу иностранные слушатели, мы долго переписывались с известной швейцарской переводчицей и преподавателем перевода Б. Мозер-Мерсер о приезде к нам с лекциями... К сожалению, большая часть этого не осуществилась. Приходилось помогать Гелию Васильевичу и в других организационных делах. Помню, как мы с ним вместе едва сумели договориться с необычайно активным юношей, который пришёл посмотреть, что это за школа, и достойна ли она того, чтобы он в ней стал учиться, настаивая на том, что он желает обучаться переводу в области химической технологии. Гелий Васильевич ему тогда ответил: «Мы здесь учим переводить — как учат плавать. А вы хотите, чтобы мы вас научили плавать с юго-запада на северо-восток...»

Моя учёба в ММПШ

Всё это время, наблюдая за набором всё новых групп, обучающихся синхронному переводу, я в шутку (а может, и не в шутку) повторяла: «Гелий Васильевич, возьмите меня учиться! Я хорошая, я английский язык знаю...» Мы оба прекрасно понимали, что я не смогу бросить работу в школе, а тем более в инъязе, на целый год или даже на полгода — а таков был обычный срок обучения. И вот, ранней весной 1993 года, Гелий Васильевич объявил, что набирается группа повышения квалификации синхронистов, которая будет работать всего четыре недели, и что я могу к ней присоединиться. Легко сказать — повышения квалификации! Я ведь не сидела в синхронной кабине ни разу. К счастью, в группе оказались, кроме прежде мне незнакомого Алексея Шилова, две мои однокашницы по инъязу, Галина Ермакова и Елена Митряева (одна закончила институт на год раньше меня, другая — на год позже). Все они были уже более-менее опытными переводчиками; могу добавить, что сейчас все они известны как профессиональные переводчики самого высокого класса. Помимо самого Г.В. Чернова, который вёл с нами занятия по синхронному переводу с русского языка на английский, с нами занимались Лев Елиссевич Ляпин (англо-русский синхрон), Татьяна Николаевна Жукова (последовательный персвод), Марина Владимировна Фролова (финансово-экономический перевод) и Галина Николаевна Иванова (русский язык). Эти четыре недели были одними из самых напряжённых и счастливых в моей жизни. Всем преподавателям я благодарна за то, что за такой смехотворно короткий срок они смогли научить меня чему-то полезному: тому, как важна постановка голоса, и использованию интонации для передачи смысла; пользе записи в устном переводе и некоторым практическим приёмам; начаткам знаний о структуре баланса компании — одновременно на двух языках... Л.Е. Ляпин произвел неизгладимое впечатление на всех неистощимой эрудицией, знанием русской и английской литературы и, конечно, списками эффектных переводов стандартных

Лицо профессии

ораторских приёмов и оборотов, накопленными за долгие годы работы в системе ООН и преподавания на Курсах переводчиков ООН (эти, как мы их прозвали, «ляпинизмы» потом не раз выручали в кабине и на сцене).

Однако самое интересное для меня было на занятиях с Гелием Васильевичем Черновым. Он учил нас не просто, как перевести тот или иной текст или пассаж, а как переводить вообще. Именно он показывал, что нужно пытаться воспроизвести на английском языке не то, что произнес русский оратор, а то, что он хотел сказать (у многих русскоязычных ораторов это иногда совершенно разные вещи). Его профессиональным лозунгом была любимая строка из Льюиса Кэрролла: *Take care of the sense, and the sounds will take care of themselves* (то есть, был бы смысл — а форма найдётся). Он учил нас видеть «сквозь текст», применяя вероятностное прогнозирование, и активно пользоваться экономными средствами английского языка, даже если русский оригинал подталкивает к более сходной с ним английской конструкции. Например, именно Гелий Васильевич впервые обратил моё внимание на такие полезные вещи, как английский неопределённый артикль «сильного эпитета», а также на роль артиклей как маркеров времени и реальности (*the* — прошедшего и реального, а — будущего и нереального). Гелий Васильевич учил нас и более практическим вещам: тому, например, как синхронисты, работающие в паре, могут помочь друг другу, дублируя записи цифрового материала, и тому, что для записей этих надо непременно иметь при себе в кабине два (!) отточенных карандаша.

Четыре недели пролетели очень быстро, нам выдали сертификаты (по-моему, не было даже зачётов в конце, не говоря уже об экзаменах), и жизнь снова вошла в привычную колею. Я вернулась к своим студентам, которые как-то обходились без меня это время, и старалась не думать, что полученные навыки надо каким-то образом применять на практике. Как их применишь? Как вообще может начинающий синхронист получить свою самую первую работу? Ведь никто его не ждёт, никто даже не знает о его существовании.

Первые опыты работы синхронным переводчиком

И снова меня выручил Гелий Васильевич. В мае того же года он пригласил меня пойти переводить вместе с ним одно «подходящее» (то есть, по его мнению, не слишком трудное и не слишком ответственное) мероприятие: что-то по поводу российско-арабской дружбы и сотрудничества. Материалов к конференции нет и не будет, место проведения — здание Российской академии государственной службы на Юго-Западной. С замирающим сердцем я согласилась. У меня оставалось три дня на подготовку. А как, скажите, пожалуйста, готовиться? Интернета, между прочим, ещё нет. Сколько-нибудь существенных знаний про арабский мир тоже; нет и знакомых арабистов. Наиболее близкое по тематике — сказки «1001 ночи» и любимая с детства книга «Приключения Ходжи Насреддина» — хотя это и не про арабские страны, но тоже вроде бы Восток. Ну, с разговорами про экономическое сотрудничество я, пожалуй, ещё управляюсь, но как быть со спецификой? В газетах и по телевизору арабские страны упоминались тогда только в связи с борьбой против израильской агрессии. Ни про какие зинданы, хеджабы и шарнаты и слуху не было, не то, что сейчас. Ну, хорошо, что у нас есть? «Советский энциклопедический словарь» 1953 года издания в трёх томах. Русско-английский словарь Смирницкого, славящийся своими советизмами. И ещё учебник по истории средних веков для советской спецшколы на английском языке, купленный в своё время просто так, на всякий случай в магазине «Прогресс». Вот и пригодился. Смотрим: «Арабы. Группа народностей, населяющих Переднюю Азию и Сев. Африку. Говорят на весьма различных наречиях арабского яз. (семитической яз. группы): аравийском, сирийском, иракском, египетском, магрибском. Большая часть А. — крестьяне-земледельцы и садоводы, угнетаемые англ., амер., и франц. империалистами, а также местными феодалами». Ну ладно, аллах с ними, с садоводами, угнетаемыми империалистами. А вот что такое Магриб? И, кстати, как по-английски

Передняя Азия? А арабский и аравийский — это одно слово?

В дело пошли географические справочники, атласы мира, переводные словари, произносительный словарь Джоунза. В итоге я явилась в кабину с целой пачкой исписанных листочков, где в русском и английском варианте с транскрипцией были и медресе, и мулла, и паранджа, и интифада; а также с контурной картой арабского мира, перерисованной на кальку из атласа, где были подписаны и протранскрибированы все страны и столицы. Коллеги, и в первую очередь Гелий Васильевич, хвалили меня за старательность, всячески скрывая усмешки в адрес паникующего новичка. Вместо «взрослого» режима работы по полчаса силами двух переводчиков на кабину решили работать вдвоем по 20 минут. Открыл перевод заседания, как это принято, старший из переводчиков — Гелий Васильевич, потом свои двадцать минут отработала Ирина Сергеева. А в президиуме конференции — Руслан Хасбулатов (в ту пору спикер парламента), члены правительства, депутаты, кто-то в чалме... И вот, наконец, моя очередь. Объявляют следующего выступающего: Имам-хатгыб московской соборной мечети. И говорить он будет о религиозном сотрудничестве. Выходит, не зря я все-таки готовилась!

Гелий Васильевич страховал меня, сидя рядом в кабине в полной готовности «взять микрофон на себя» в случае, если бы я не справилась, но спасать меня не пришлось. Через 20 минут меня сменили, а там подоспел и перерыв, и коллеги поздравили меня с боевым крещением. Наверное, мне пришлось отработать в тот день ещё одну или две двадцатиминутки, но, честно говоря, не помню. Помню только, что я шла одна от здания Академии госслужбы к метро через огромный пустырь, на котором теперь парк: коллеги остались переводить секционные заседания во второй половине дня, а я была свободна. Был май месяц, но вдруг набежала темная туча, ударил гром, и мне на голову посыпался снег! До сих пор не знаю, была ли это и вправду погодная аномалия, или просто моя личная психологическая разрядка, но точно знаю, что дома я,

не раздеваясь, рухнула на диван и проспала сутки. Да здравствует переводческая профессия!

С тех пор мне ещё не раз приходилось сидеть с Гелием Васильевичем в кабине, и могу сказать, что он тщательно и очень творчески готовился к каждому мероприятию. Помню его штудирующим книгу доктора Спока перед симпозиумом о пользе грудного вскармливания. Помню, как на конференции об электрохимической защите трубопроводов в Газпроме всех нас (а там мы уже были с нашими общими учениками, выпускниками ММПШ следующего поколения) выручил иллюстрированный словарь по сопрамату, принесённый Гелием Васильевичем. Дело в том, что в 1990-х годах ещё не вошло в повсеместную практику, чтобы едва ли не каждое выступление на любом мероприятии готовилось в виде слайд-презентации в PowerPoint, что позволяет организаторам сегодня снабжать переводчиков материалами к выступлениям хотя бы за несколько дней или часов до работы. Самым обычным делом было, а впрочем, и сейчас иной раз бывает, встретить оратора, располагающего одним-единственным, нередко рукописным экземпляром своей речи, с которым он не согласится расстаться ни за какие деньги, даже для того, чтобы просто позволить его скопировать.

Именно с такими вдохновенными энтузиастами Гелию Васильевичу и мне пришлось столкнуться на самом, пожалуй, удивительном мероприятии, которое нам довелось переводить вместе. В Институте мировой литературы им. Горького проходил двухдневный международный симпозиум, посвящённый жизни и творчеству шведского драматурга, писателя, художника и вообще большого оригинала Августа Стриндберга. За свою бурную жизнь Стриндберг увлекался всем, чем только возможно: символизмом, фрейдизмом, эротизмом, мифотворчеством, расширением сознания при помощи наркотиков, поисками прародины арийцев и изучением иврита как их праязыка и ещё многим другим. Не отстают от своего героя в разнообразии и широте интересов и стриндберговеды разных стран. В своих выступлениях (а тексты половины из них

Лицо профессии

не были предоставлены переводчикам даже в день заседания) они свободно цитировали Фрейда по-немецки, Данте по-итальянски, Бодлера по-французски, обсуждали тонкости иврита и малоизвестные сюжеты греческой и скандинавской мифологии, не говоря уже о том, что пространные пассажи из самого Стриндберга приводились на языке оригинала. Параллельно с английской переводческой кабиной работала также шведская, но она переводила с листа исключительно представленные заранее доклады дисциплинированных шведских делегатов, а ведь были ещё и другие... Нам приходилось проявлять чудеса обаяния и находчивости, чтобы в перерывах и перед началом заседаний заглянуть в тексты еще не прозвучавших выступлений, которые участники не выпускали из рук, и по возможности выявить такие «мины замедленного действия». Смысл и хотя бы примерный

перевод наиболее экзотических терминов и иноязычных вставок приходилось выяснять тут же, в кулуарах, путём консенсуса, или прибегая к помощи многоязычных стриндберговедов и коллег из шведской кабины. Помогло и то, что за недели, предшествовавшие этому мероприятию (к счастью, известно нам о нём стало заранее), и Гелий Васильевич, и я проштудировали едва ли не полное собрание сочинений плодовитого шведского автора. Закончился симпозиум удивительным эпизодом: в конце последнего дня заседаний участники преподнесли переводчикам огромные букеты цветов. Помню, как искренне растроган был Гелий Васильевич. «Мне цветы часто дарят как председателю Учёного совета института или экзаменатору, но как переводчику — впервые», — говорил он.

(Продолжение читайте в следующем номере.)

Таланты и поклонники

У каждого переводчика, наверное, есть своя коллекция случаев из опыта взаимодействия с клиентами и заказчиками/организаторами переводческого процесса, из которых ясно, насколько смутное и странное представление внешний мир имеет о самой природе работы переводчика. Вот несколько «перлов», запомнившихся мне и моим коллегам. Честное слово, каждый эпизод — чистая правда!

Это загадочное слово «синхрон»

Участник конференции (за несколько минут до начала подходит к кабине): Девочки, вы синхронные переводчицы?

Мы: Да, а что?

Участник: Значит, вы обе сейчас будете одновременно синхронно говорить?

Мы: Да нет, что вы, мы работаем по очереди.

Участник: То есть одна говорит одно предложение, а другая следующее?

Еще раз про синхрон

Представитель организаторов конференции: Нам на нашем мероприятии на следующей неделе нужен синхронный перевод.

Переводчик: Очень хорошо, а аппаратура у вас есть?

Представитель организаторов: Какая вам нужна аппаратура? Просто будете переводить синхронно, быстренько, как только оратор что-то скажет, так и вы сразу же!

Переводчик: Простите, но это называется последовательный перевод.

Представитель организаторов: Последовательный — это то, что мы впоследствии опубликуем в материалах конференции.

Д. Толмачева-Драгоманова

Отвечает Дмитрий Иванович Ермолович

1. Считаете ли вы закономерным, что стали переводчиком?

— Да, какая-то закономерность тут наверняка есть, потому что в этой профессии я нашёл себя. Но это стало очевидным далеко не сразу. Например, мои родители хотели, чтобы я стал художником, и с первого же класса я посещал художественную школу. Впрочем, у меня было множество интересов: я с одинаковым увлечением и рисовал, и изучал со словарём английские книжки, и читал, как художественную литературу, учебники по интегральному исчислению. По окончании школы я не знал, в какой вуз поступать, и перебирал варианты из художественных, гуманитарных и технических вузов.

«Пирькой» на чаше весов стало то, что в инъязе училась моя сестра Валя. К тому же тогда там было отделение математической лингвистики, учёба на котором показалась мне неплохой возможностью совместить мою любовь к языку и к математике, несмотря на то что туда был гораздо более высокий конкурс среди поступающих, чем на переводческий факультет. Вот я и отнёс туда документы, при этом хладнокровно рассуждая, что если я не пройду в инъяз, то подам бумаги в химико-технологический институт, находившийся недалеко от дома, где экзамены проводились позже и куда мальчиков брали безоговорочно, лишь бы они знали, что дважды два четыре, а не пять. Но химиком стать не довелось, потому что на матлингвистику я всё-таки поступил.

Уже со второго курса института у меня началась переводческая работа — студентов нередко привлекали к сопровождению иностранных, в основном молодёжных, делегаций. И всё-таки осознание того, что перевод — это моя профессия, пришло только на третьем курсе, когда у нас начались занятия по практике и теории перевода. К тому же я почувствовал, что с изучением всё более и более абстрактных разделов Её Величества Математика стала отвечать на мою любовь к ней всё с меньшей взаимностью. Проще говоря, стала даваться труднее, хотя я и продолжал получать пятёрки. Тогда я и перешёл с матлингвистики на основное отделение переводческого факультета инъяза.

Все свои разнообразные детские увлечения я считаю кардинально важными для моего становления как переводчика. Немного найдётся профессий, которые требуют такой же, как наша, широты знаний и кругозора. И подавляющая часть этих знаний закладывается в детстве. Я постоянно читал и детские, и взрослые книги и просил родителей выписывать мне всё новые журналы — не только «Пионер» и «Костёр», но и «Науку и жизнь», «Знание — сила», «Техника молодёжи», «Вокруг света» — и они, спасибо им, никогда мне в этом не отказывали. Без этих книг и журналов, «проглоченных» в детстве, я никогда бы не стал приличным переводчиком. Сегодня я понимаю это как никогда отчётливо: тем, кто я есть сегодня, я в огромной мере обязан этому детскому багажу.

Восемь вопросов профессионалу

2. Кто были вашими учителями в профессии?

– С учителями мне исключительно повезло. Я горжусь, что учился у признанных корифеев: Леонида Степановича Бархударова, Александра Давыдовича Швейцера, Юрия Анатольевича Денисенко и в первую очередь Якова Иосифовича Рещкера и Вилена Наумовича Комиссарова. Последние двое стали для меня и старшими друзьями, с которыми я поддерживал связь до конца их жизни.

Благодаря Якову Иосифовичу Рещкеру я полюбил профессию переводчика и увлёкся наукой о переводе. Он преподавал в нашей группе письменный перевод с английского языка на русский, а на потоке читал лекции по теории перевода. Однако уроков одного только Якова Иосифовича было мне мало. Мне повезло: на другом потоке Швейцер читал теорию перевода не одновременно с Рещкером, а на следующей «паре». И я, прослушав лекцию Рещкера, бежал потом на другой поток слушать Швейцера. Читали они свои курсы совершенно по-разному: каждый на основе собственной книги, да и, кроме того, если Рещкер читал по-русски и мне было интересно прежде всего следить за оригинальным ходом его мысли, то Швейцер говорил на великолепном американском английском, воспринимавшимся словно музыка, от которой можно было получать наслаждение, даже не вникая особо в смысл произносимого.

В своих статьях и заметках о Я.И. Рещкере я уже рассказывал о том, какой это был потрясающе эрудированный и при этом совершенно не заносчивый, а открытый и доброжелательный человек. Это был старый русский интеллигент, о каких я читал в романах девятнадцатого века, но каких в современной мне действительности не встречал. Ещё во время моего студенчества он стал приглашать меня в гости к себе домой, я познакомился и подружился с членами его семьи, а также другими его учениками, друзьями и коллегами. За обильно накрытым столом всегда шёл интереснейший разговор о переводах и словарях, о литературе и искусстве. Яков Иосифович любил предаваться воспоминаниям, чаще всего о событиях дореволюционного и довоенного прошлого. Эти вечера тоже были воспитанием отношения к жизни, к профессии, к людям и к книгам.

Ну, а Вилен Наумович Комиссаров стал сначала рецензентом моей дипломной работы, потом руководителем моей кандидатской диссертации. Он-то и определил мой научный интерес к переводоведческой ономастике, которой я занимаюсь по сей день. Докторскую диссертацию по этой же теме я писал без официального научного консультанта, но Вилен Наумович был рядом, помогая мне и советом, и делом так, как никто другой. В общении с ним я ощущал столь же мощную ауру доброты и человеческой порядочности, как и у Якова Иосифовича, хотя внешне он вёл себя гораздо сдержаннее и строже. Впрочем, и он иногда раскрывался как восхитительно раскрепощённый человек с блестящим чувством юмора. Однажды мы с ним сидели рядышком на нудной защите чьей-то диссертации, и Вилен Наумович не очень тихим полусёпотом читал мне свои шуточные переводы на английский язык солёных русских частушек. Это было так здорово и остроумно, что я едва сдерживался, чтобы не захохотать в голос.

У меня были и другие прекрасные учителя. Многому я учился и учусь у коллег. А главным моим наставником в синхронном переводе стала для меня сестра – Валентина Ивановна Ермолович. Она брала меня с собой на синхроны, где работала сама, давая возможность и послушать, и иногда попробовать свои силы самому. Можно сказать, приобщила меня к кабине. А сейчас она мой самый предпочтительный напарник по синхрону, мы часто работаем одной бригадой.

3. Что вам дала профессия переводчика?

– Во-первых, кусок хлеба. С маслом и даже иногда с некоторым количеством чёрной икры. Наша профессия – одна из самых рыночно ориентированных. Даже в глухую социалистическую эпоху, когда о рынке нельзя было и заикаться, работа синхронных (и в какой-то степени письменных) переводчиков распределялась и оплачивалась на основе вполне рыночных отношений. Да и в те недавние времена, когда были потрясены самые основы общественного устройства и

многие люди потеряли работу и были вынуждены (но не все смогли) приспособиваться и переучиваться, наша профессия позволила более или менее благополучно пережить переходный период и остаться «на плаву».

Если я сейчас имею возможность писать статьи, книги и словари (а эта трудоёмкая деятельность не приносит практически никакого дохода), то только благодаря тому, что перевод обеспечивает меня хлебом насущным. (Кто думает, что я сижу на миллионах, выпустив свои словари, жестоко ошибается.) Хотя подчеркну, что и работа переводчика никому не сулит золотые горы и каждый рубль, доллар или евро, который за неё платят, зарабатывается напряжённым трудом, большими затратами нервов и здоровья.

Зато наша профессия прекрасно тренирует мозг. Это её второе преимущество. Она сопряжена, можно сказать, с интеллектуальным бодибилдингом — или, выражаясь терминологически точнее, с «брейнбилдингом». Так же как спортсмен может держать себя в форме, лишь постоянно тренируя мышцы, переводчик поддерживает свою квалификацию, регулярно подвергая мозг интеллектуальной нагрузке. Иначе у атлета дрябнут мускулы, а у переводчика — скудеет и деградирует ум, снижается качество работы.

Третье преимущество нашей профессии вытекает из второго. Это общение с уникальными, талантливыми людьми. В компании коллег-синхронистов редко бывает скучно. Собратья по профессии восхищают меня своей разносторонностью: многие из них не только остроумны, начитаны и эрудированы, но пишут и читают стихи, сочиняют и поют песни, играют на музыкальных инструментах. С ними можно обсуждать любую тему из области истории, философии, искусства — и это всегда интересно, а иной раз и обещает настоящие откровения. Разговор с переводчиком бывает не менее поучительным, чем просмотр познавательной перелачи по каналу «Дискавери». Я уже не говорю о том, каким неисчерпаемым источником баек и историй является наша профессиональная среда.

4. Какие книги у вас всегда под рукой?

У меня домашняя библиотека из трёх тысяч томов. И любая из этих книг может пригодиться, когда делаешь перевод или пишешь книгу, словарь, статью. Так что «под рукой» у меня ничего не лежит: все книги стоят на своих местах.

А если меня спросят, что я читаю, то в последние годы мне более всего интересна мемуарная и биографическая литература. Наверное потому что из неё вырисовываются реальные личности, а не рождённые фантазией автора. Так, я с удовольствием прочитал недавно воспоминания актрис Лидии Смирновой, Татьяны Окуневской, Ольги Аросевой; биографию Петра Ильича Чайковского, написанную Энтони Холденом. Сейчас читаю дневники драматурга Евгения Шварца.

Но художественную литературу я тоже иногда беру в руки, хотя бы для того, чтобы познакомиться с произведениями, которые «на слуху». Сильное впечатление произвели на меня повесть Патрика Зюскинда «Парфюмер», рассказ Владимира Сорокина «Чёрная лошадь с белым глазом». А вот книжки о Гарри Поттере пытался почитать, но скучно стало. Наверное, они только для детей.

Иногда в интервью спрашивают: а если бы вас сослали на необитаемый остров и разрешили взять только одну книгу, какую бы вы взяли? Пожалуй, Библию. Чтобы прочитать её более внимательно и полно, потому что знаю эту книгу только в отрывках и сюжетах. Но я не стесняюсь заявить о том, что Библия — книга очень разношёрстная. Есть в ней пассажи, не очень интересные ни с художественной, ни с философской точки зрения. А есть места, гениальные по глубине мысли и красоте поэтического слога. Ну вот, например, эти любимые мною изречения из книги пророка Исаии: «Голос говорит: возвещай! И сказал: что мне возвещать? Всякая плоть — трава, и вся красота её — как цвет полевой»; «Кто исчерпал воды горстью своею, и пядью измерил небеса, и вместил в меру прах земли, и взвесил на весах горы и на чашах весовых холмы?».

Восемь вопросов профессионалу

4. Какие словари у вас всегда под рукой?

— В моей библиотеке несколько сотен словарей. Из тех, которыми я чаще всего пользуюсь, назову прежде всего The Random House Unabridged Dictionary. Это очень полный и, на мой взгляд, наиболее толково составленный словарь английского языка. Правда, он у меня не в книжной версии (она насчитывает около трёх тысяч страниц и неудобна в пользовании), а в электронной. Этим словарём я пользуюсь каждый день, постоянно проверяя себя в правильности употребления английских слов и выражений или уточняя их значения. Среди англо-английских словарей я считаю полезными также почти все издания серии Longman, особенно The Longman Dictionary of English Language and Culture.

Если говорить о словарях русского языка, то часто обращаюсь к «Большому толковому словарю» под редакцией Б.С. Кузнецова — это самая, на мой взгляд, большая лексикографическая удача последних лет (чего не могу сказать, например, о современных изданиях «Словаря русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой, остающегося в устаревшей системе координат).

Назову и словари, которые я просто люблю, хотя и пользуюсь ими не очень часто: «Толковый словарь русского языка» под редакцией профессора Д.Н. Ушакова, «Этимологический словарь русского языка» М. Фасмера, «Русско-английский фразеологический словарь» С.И. Лубенской, «Латинско-русский словарь» И.Х. Дворецкого, «Греческо-русский словарь» А.Д. Вейсмана.

Ещё у меня, как у лексикографа, постоянно под рукой мои собственные словари, потому что я продолжаю над ними работать. Во-первых, «Новый Большой русско-английский словарь». Этим словарём, выпущенным в 2004 году и ставшим итогом десятилетнего труда, я в основном доволен, потому что в нём удалось заполнить многие пробелы в лексикографическом ограждении русской лексики, которые уже стали вопиющими. Но, читая и переводя, я нахожу всё новый и новый материал для этого словаря, вижу, где можно что-то добавить, уточнить, исправить. Со временем эти поправки будут внесены в новое издание.

Кроме того, у меня под рукой мой «Англо-русский словарь персоналий», третье издание которого вышло в 2000 году. Сейчас я вместе с научным редактором готовлю его новое, значительно дополненное и обновлённое издание. Главное новшество — это то, что словарь будет снабжён почти полутысячами иллюстраций. Подбор и вёрстка этих иллюстраций отнимает очень много времени.

5. Какой самый трудный случай в переводческой практике вы можете припомнить?

Трудности в переводе бывают самые разные. У меня наиболее трудные эпизоды были связаны с последовательным переводом, когда возникала некая психологическая несовместимость с «клиентом». Например, очень тяжёлым оказался для меня один семинар в Дании, во время которого я переводил последовательно для русских инженеров большой цикл лекций приглашённого эксперта по компьютерной технике, англичанина. Вроде не на что было жаловаться: англичанин был воспитанный, с хорошо поставленной речью, внятно излагал курс. Но была у него какая-то аура или, может быть, биополе, которое каким-то мистическим образом вышибало меня из колеи. Через пять минут после начала его лекции у меня начинали туманиться мозги, и я с огромным трудом удерживал нить мысли. Как в фантазмагии или во сне, смысл сказанного извращался у меня в голове. Например, он говорит: “These rows of pins...” («эти ряды контактов»), а мой мозг воспринимает слово rows («ряды») как rose («роза»), и я мучительно пытаюсь сообразить, причём тут какие-то розы. Мне приходилось удваивать, утраивать напряжение своих умственных сил, чтобы пробиваться сквозь это марево и обеспечивать сплосный перевод.

Как только этого оратора сменял другой, муки непонимания тут же исчезали, и я мог работать в обычном режиме. Очевидно, между мной и этим англичанином устанавливалось какое-то неуправляемое, но явно неблагоприятное для меня психическое взаимодействие. Может, он был моим энергетическим вампиром? Хотя другие переводчики, работавшие с этим же оратором, ничего подобного не отмечали.

Выход из этой ситуации нашёлся случайно. В зале семинара стояли ящики с разнообразными безалкогольными напитками. Наобум взяв оттуда бутылочку и отпив её содержимого, я с удивлением обнаружил, что через минуту голова моя проясняется и никаких трудностей в переводе я не испытываю. Посмотрев на этикетку «волшебного эликсира», я увидел, что это так называемый энергетический напиток, предназначенный в основном для восполнения сил спортсменов и посетителей дискотек. Увы, действие нескольких глотков этого напитка продолжалось всего десять-пятнадцать минут, а потом голова начинала туманиться снова, и «дозу» приходилось повторять. Так я и пропереводил весь курс лекций на этом допинге, что явно не могло пойти на пользу моему здоровью.

Подобных случаев в моей практике было всего два, но из-за них я теперь очень редко соглашаюсь на последовательный перевод. В кабине же синхрониста ничего подобного со мной не случалось — должно быть, вредное биополе не способно пробить её стенки. Правда, синхрон сам по себе связан с огромным стрессом, но в отличие от последовательного перевода в нём предусмотрены регулярные паузы для отдыха.

6. Случалось ли вам допускать досадные ошибки?

Конечно, случалось и случается, как и у всех переводчиков, хотя не все любят об этом рассказывать. Но ошибка ошибке рознь. Одни ошибки объясняются особенностями материала или речи оратора, общим стрессом, помехами, случайным смещением внимания; другие — безответственным, шапкозакидательским подходом, убогим знанием языка или даже халтурным отношением переводчика к своей работе. Смею думать, что ошибок второго рода в моей практике не было.

Кроме того, степень досады от допущенной ошибки зависит ещё и от её последствий. Некоторые ошибки остаются незамеченными никем, кроме самого переводчика, и это для него просто урок на будущее; другие удаётся вовремя заметить и исправить, что может быть даже предметом гордости переводчика; а третьи вдруг вызывают всеобщее замешательство или, того хуже, конфликт и способны подмочить репутацию переводчика или даже опозорить его. Тут уж кому как повезёт, но в моей практике, к счастью, не было таких крайних ситуаций (тьфу-тьфу, чтоб не сглазить!).

Однако расскажу об одном своём ляпе, из которого с трудом удалось выпутаться. Где-то в начале девяностых годов я сопровождал делегацию российских чиновников в США. Пришли мы в один ресторан пообедать: я оглашаю меню по-русски, переводя его на ходу. Заказали напитки и салаты, перешли к перечню вторых блюд. Среди них значился sole, то есть палтус или камбала, но из-за какого-то заскока в голове я решил, что это угорь. Так и перевёл название этой рыбы. Все дружно захотели поесть угря, и я заказал официанту двенадцать порций "sole". Официант отправился на кухню передавать заказ повару, а мои подопечные занялись напитками и салатом.

Спустя минут пятнадцать в моей голове зашевелились сомнения, и я вдруг осознал свой промах и его причину. Дело в том, что в кэрролловской сказке об Алисе есть забавный каламбур: сочетание 'eels and soles получает там двойной смысл — с одной стороны, «каблуки и подмётки», а с другой — «угри и палтусы». Эта игра слов мне очень нравилась. Видимо, соседство угрей с палтусами отложилось у меня в подсознании и привело к тому, что я их перепутал (привет Фрейду!). Боже мой, думаю, ведь когда этих палтусов принесут, ни за что не удастся выдать их за угрей, и я стану объектом всеобщего гнева. Что делать?

На моё счастье, в эту минуту ко мне подошёл официант и поинтересовался, будем ли мы заказывать десерт. Этим я и воспользовался. Обращаясь к русским, говорю им: «Официант сообщает, что угорь, к сожалению, закончился. Вместо него вам могут предложить палтуса. Можно также заказать бифштекс». Как я и ожидал, все негодуя отказались от палтуса и предпочли бифштекс. Я обернулся к официанту: «Мне очень жаль, но наша группа передумала насчёт палтуса и хочет вместо него бифштекс. А какой десерт заказывать, мы решим чуть позже».

Восемь вопросов профессионалу

Бедный официант в буквальном смысле схватился за голову и бросился на кухню, чтобы остановить массовую порчу продуктов. Так за счёт американского ресторана, ценою двенадцати загубленных тушек палтуса, вероятно, уже выложенных поварами на сковородки, мне удалось выйти сухим из воды.

7. Каков был самый поучительный случай в вашей практике?

Почительных случаев было немало. Я расскажу о двух. Первый относится к самому раннему периоду моего становления как переводчика. Я был ещё студентом, когда наш преподаватель перевода Юрий Анатольевич Денисенко пригласил меня поработать с ним вместе – сопровождать небольшую американскую делегацию. Делегация выезжала из Москвы в другой город (не помню сейчас, какой); её сопровождал ответственный советский чиновник. Вечером после посадки в поезд этот чиновник пригласил главу американской делегации в своё купе для беседы. Позвали и нас с Юрием Анатольевичем как переводчиков. Точнее, переводил этому чиновнику Юрий Анатольевич, а я только слушал и учился.

В ходе этой беседы советский представитель произнёс слово *pipетка*. Я внутренне съёжился, потому что не знал, как назвать пипетку по-английски и как бы я выкрутился, если бы переводить пришлось мне. Однако выяснилось, что и Юрию Анатольевичу это слово неизвестно. Я, по своей тогдашней глупости, на секунду испытал разочарование в своём педагоге: как же так, опытный переводчик да ещё и преподаватель перевода, а не знает довольно частотного слова! Тем не менее Денисенко показал свой класс не в знании слов, а в том, как изящно он вышел из положения. Без тени смущения Юрий Анатольевич спросил американца: “What do you call that thing to make drops with?” («Как называется та штука, с помощью которой делают капли?»). Американец ответил: “Do you mean a pipette?”

Bingo! Нужное слово было найдено, и Денисенко ровным и уверенным тоном продолжал свой перевод. Мне же открылась важная истина: хороший переводчик определяется отнюдь не только количеством слов, которые он знает.

Другой случай – из недавнего прошлого. Я работал синхронно вместе с Валентиной на семинаре медиков, посвящённом протоколу клинических испытаний одного лекарственного средства. Выступающий рассказывал российским врачам, как следует документировать наблюдение за больными. Много говорилось о правилах цифрового фотографирования конечностей больных. А в какой-то момент лектор заявил о необходимости измерять “interdigital space”.

Это выражение вызвало у меня замешательство. После разговоров о цифровых снимках (digital pictures) я воспринял interdigital space как термин того же лексико-семантического поля, и в дословной передаче получалось что-то вроде «межцифрового пространства». Абсурд какой-то! Не решаясь произнести эту нелепицу, я в растерянности посмотрел на Валию. Она мгновенно поняла ситуацию и стала щипать большим и указательным пальцами одной руки те места, в которых соединяются пальцы, на другой руке. Тогда меня осенило: ведь digit – не только *цифра*, но и *палец*. Таким образом, interdigital space – это *межпальцевое расстояние*.

В чём поучительность этого случая, я думаю, понятно. Он лишний раз продемонстрировал, как важны для синхронистов взаимопонимание и взаимопомощь, ибо даже опытный переводчик может оказаться в неожиданно трудной ситуации. И как здорово, когда ты на такую помощь можешь рассчитывать.

8. Ваши пожелания молодым?

Я желаю не только молодым, но и всем переводчикам – в том числе себе самому – побольше такого качества, как смирение. Не впадать в самодовольство. Никогда не рассказывать другим переводчикам, как лихо вы перевели то или это. Как восторженно вас хвалили и благодарили заказчики. Как они бегают за вами, чтобы заполучить себе.

Если дела у вас идут успешно и в мозгу иногда проносится мысль, что вы стали классным переводчиком, советую немедленно припомнить свою самую грубую ошибку (а они у вас были,

были, признайтесь) и потом произнести про себя двадцать пять раз: «Мне стыдно за себя. Я ничего не знаю. Я самый неспособный переводчик на свете. С такими ошибками, как эта, впору бежать в брянские леса, спрятаться там в самой тёмной берлоге и не высовывать оттуда носа на свет божий».

А потом подумайте, какой очередной пробел в знаниях вам необходимо восполнить. И восполните его. Пусть хоть маленький пробел каждый день. Хотя бы выучите какое-то словечко. Ведь чем выше поднимаешься по ступенькам мастерства и успеха, тем шире раскрывается перед тобой горизонт твоего незнания. У того, кто этого горизонта не видит, на глазах повязка самолюбования и самообольщения. Падать будет больно!

Для иллюстрации этого тезиса расскажу ещё один поучительный случай. Я был молодым синхронистом, когда мне выпало работать в паре с переводчиком намного более опытным. Он считал себя асом и вёл себя со мной покровительственно в духе «учись, пока я жив». Конгресс проходил в Ленинграде, и туда мы отправились из Москвы ночным поездом. Полночи мой напарник решил посвятить моему просвещению, заставляя изучать материалы конгресса. А конгресс был по животноводству — теме, в которой я был далеко не силен, поэтому подготовка действительно оказалась нужна.

Изучая термины животноводства, мы сделали вот какое открытие: английское слово *pregnant* (*беременная*) переводится на русский по-разному в зависимости от животного, к которому применяется. О корове говорят *стельная*, о лошади — *жерёбая*, о свинье — *суноросая*, о собаке — *щенная*, об овце — *суягная*. Все эти термины мы извлекли из материалов конгресса, но в англо-русском биологическом словаре, который мой коллега вёз с собой, почему-то было приведено только одно из этих соответствий, а именно *суягная*. Нас это позабавило, и мы немного посмаковали этот курьёз.

А когда мы приехали в Питер, нас поставили на секцию коневодства. Доклады были сложными, и мы оба изрядно попотели. Мой коллега продолжал вести себя как ментор, что, впрочем, меня нисколько не обижало. В конце концов, если я всего лишь незрелый ученик, то с меня и взятки гладки. А если ты выступаешь себя асом, то вроде как не имешь права на ошибку.

И вот в одном из докладов прозвучало: "And that sign means that the mare is pregnant". В кабинете в это время работал мой старший коллега. И из уст его вылетело: «Данный признак означает, что кобыла... суягная!» (опять привет Фрейду).

После секундной паузы, в течение которой все слушатели обернулись на переводчика, зал взорвался хохотом. Это и в самом деле смешно: серьёзный учёный муж заявляет, что кобыла может родить ягнёнка. Делегаты смеялись так, что чуть не валились в проходы. Их смех был слышен даже в соседних залах, и из коридора в нашу аудиторию начали заглядывать любопытные лица. А с моим ментором произошла разительная перемена. Маска строгого учителя сменилась у него выражением детской растерянности. Когда заседание закончилось, коллега обратился ко мне: «Дима, прошу тебя, не говори никому из ребят, что я такое ляпнул».

Я не обмолвился об этой истории никому из переводчиков, работавших на других секциях конгресса. И стал рассказывать о ней лишь много лет спустя, не называя имён. Хочу завершить свой рассказ напоминанием: в таком положении может оказаться каждый из нас. Поэтому будьте снисходительны к коллегам.

Успех и успешность Русская классика в переводах Р. Пивера и Л. Волохонской М. Берди, В.К. Ланчиков

Трудно оспаривать справедливость правила: “Don’t judge a book by its cover” – «Не суди о книге по обложке». Но и неукоснительно следовать ему тоже не так-то просто. Мало кому удаётся, не взглянув на обложку, сразу оценить то, что под ней.

Западные издатели это знают и, конечно, уснащают обложку самыми лестными аннотациями и отзывами. Судя по ним, каждая книга вот-вот попадёт в список бестселлеров, а автор того и гляди получит Нобелевскую премию.

Но пиар пиаром, а отзывы и аннотации на обложках изданий русской классики в переводах Ричарда Пивера и Ларисы Волохонской отличаются поразительным единодушием. Поражает уже то, что качество перевода вообще удостоивается упоминания – честь, которой могут похвастаться лишь немногие переводчики (в российской издательской практике такое и вовсе не принято). Рецензенты в один голос отмечают, что переводы Р Пивера и Л. Волохонской исключительно точно передают все особенности оригинала: “Absolutely faithful...” – “An especially faithful recreation...” – “A capital job of reconstruction...” – “Fidelity to the original...” – “True to the verbal inventiveness of Dostoyevsky...” Переводы эти объявляются, ни много ни мало, классическими: “This *Anna Karenina* will be the definitive rendition for generations to come.” – “...Destined to become the definitive edition of Gogol’s short fiction.” – “Every page of the new *Karamazov* [is] a permanent standard.” – “The Pevear and Volokhonsky translation will become the standard version”.

Правда, человек, мало-мальски разбирающийся в переводе, может углядеть в некоторых похвалах противоречие: с одной стороны, переводчикам ставят в заслугу идиоматичность английского языка (“Lively, idiomatic version”), с другой – сохранение языковых особенностей подлинника (“As close to Dostoyevsky’s Russian as it is possible”), то есть передачу русской идиоматики. Но, может быть, в этом-то и состоит главное достоинство переводов Р. Пивера и Л. Волохонской – может, переводчикам удалось на практике разрешить одну из знаменитых антиномий английского переводоведца Т. Сэвори: «Перевод должен читаться как оригинал» – «Перевод должен читаться как перевод»?

И ещё одно обстоятельство не даёт покоя, когда просматриваешь эти восторженные отзывы. В 1961 году, в письме в газету «Интернешнл Геральд Трибьюн» В.В. Набоков, процитировав отзыв Т. Кертисса о переводе «Дяди Вани», выполненном Роуз Кейлор («лучший, по моим представлениям, перевод» этой пьесы, писал Кертисс), осведомился, имеет ли критик заодно какие-нибудь представления о чеховском подлиннике, чтобы делать такие выводы¹.

Самый известный рецензент переводов Р/В (как обозначают этот творческий союз в академических журналах) точно не знает русского и дал отзыв, даже не прочитав перевод. Этот рецензент – ведущая знаменитого ток-шоу Опра Уинфри, включившая «Анну Каре-

¹ V.Nabokov, *Selected Letters, 1940-1977* (Harcourt Brace Jovanovich, San Diego, New York, London, 1989) p. 326.

нину» в переводе P/V в число книг своего «книжного клуба» (объявив роман Л. Толстого «дамским романом» — “a Harlequin romance” — XIX века). Её веб-сайт извещал: «Опра делает то, чего никогда не делала: она читает эту книгу впервые вместе с вами!» Почему Опра выбрала именно этот перевод, не сообщалось, и, похоже, никто этим вопросом не задавался. Но после этого перевод вышел на первое место в списке бестселлеров «Нью-Йорк Таймс» и стал сенсацией: бестселлер-перевод, да ещё перевод классика столетней давности — явление на американском книжном рынке неслыханное.

Впрочем, до появления «Анны Карениной» P/V их переводами восхищались и рецензенты, знающие русский язык и знакомые с оригиналами. — в частности, Андрей Наврозов и Джон Бейли. Два перевода P/V — та же «Анна Каренина» и «Братья Карамазовы» — удостоились премии престижного американского ПЕН-клуба. А Дэвид Ремник, главный редактор влиятельного журнала «Нью-Йоркер» в пространной статье на страницах этого журнала даже утверждает, что в области перевода русской литературы на английский язык P/V сегодня, возможно, «переводчики номер один». Правда, судя по этой же статье, отношение Ремника к P/V не так уж однозначно. Звучала в адрес P/V и прямая критика — звучала, но тонула в шуме аплодисментов.

Успех? В чём-то — да. Можно хотя бы порадоваться тому, что кто-то из переводчиков художественной литературы в США получил признание (обычно их просто не замечают). И чтобы разгадать загадку этого успеха, к творческим методам прославленных мастеров стоит следует присмотреться повнимательнее.

Путь, которым P/V пришли в перевод, не совсем обычен для людей этой профессии, будь то в США или в России. Этот путь можно восстановить по упомянутой статье Д. Ремника (“The New Yorker”, Nov. 7, 2005), интервью с обоими переводчиками, опубликованному в газете «Иностранец» 28 января 2003 года, и сведениям, имеющимся на сайте Американского университета в Париже (AUP), где преподаёт Пивер.

Какова была академическая специальность Пивера, мы не знаем. Сайт Американского университета в Париже лаконично сообщает, что Пивер закончил Аллеганский колледж (Allegheny College) и затем получил степень магистра в Университете Виргинии (University of Virginia). Корреспонденту «Иностранца» Пивер рассказал, что учился в Гарвардском университете, где «посещал летние курсы русской литературы в переводах». После окончания университета Пивер сменил несколько профессий: работал мебельщиком, мастером по починке яхт, подрабатывал в оранжерее (срезал цветы на продажу). Одновременно писал стихи (публиковавшиеся в журнале «Хадсон Ревью» и других изданиях) и переводил с французского, итальянского и испанского (стихотворения Г. Аполлинера и И. Бонфуа, философский трактат Алена «Боги»).

Его супруга Лариса Волохонская рассказывает о себе так: «Я родилась в Ленинграде, училась в университете. Занималась лингвистикой. Была в литературных кругах, мой брат Анри — поэт. Кругом были одни литераторы. Путь у меня и в России, и в эмиграции был довольно извилистым. На Западе я четыре года изучала богословие. Я уехала в 1973-м, сперва в Израиль, потом попала в Америку, довольно случайно. Но сейчас, ретроспективно, я ощущаю, что во всём этом был какой-то план (...) Английскому меня учили с детства. Так что перед отъездом в 1973 я уже неплохо знала язык».

Раз уж речь зашла о знании языков, стоит добавить, что, по словам Л. Волохонской, «Ричард-то русского не знает как следует». В других статьях тоже отмечается его слабое знание русского языка, особенно в период работы над первыми переводами русских классиков. В России он побывал, но провёл здесь всего три недели. К явному неудовольствию жены, он признавался Ремнику: «Меня никогда не тянуло увидеть Россию. Никогда не тянуло посмотреть Москву. Зачем?»

Как пишет Д. Ремник, к мысли о переводе русской литературы супруги пришли так. Однажды Ричард читал «Братьев Карамазовых» в переводе Д. Магаршака. Заглянув в книгу,

Анализ практики

Лариса возмущилась: это же совсем не то! В этом переводе Достоевский на себя не похож! Просмотрев и забравовав ещё два перевода (Э. Макэндрию и К. Гарнетт), супруги решили создать свой вариант. Сначала Лариса написала предельно точный подстрочник с комментариями о стиле и синтаксисе каждого предложения, а потом Ричард, советуясь с супругой насчёт той или иной тонкости оригинала, переработал текст так, чтобы получился полноценный, по их представлениям, перевод. Затем супруги несколько раз вместе редактировали получившееся.

Так выработался метод, которым была переведена значительная часть произведений Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского, Н.В. Гоголя, А.П. Чехова, «Мастер и Маргарита» М.А. Булгакова.

Метод этот не нов. Переводчики старшего поколения, должно быть, не без схиства вспомнят, что перевод с подстрочника кормил в советское время многих поэтов и прозаиков, переводивших произведения Джабула Джабаева, Сулеймана Стальского и других тогдашних классиков. Известно шугливое обращение О. Мандельштама к поэте-есе М. Петровых:

Марья Сергеевна, мне ужасно хочется
Увидеть вас старушкой-переводчицей,
Неутомимо с головой трясающейся
К народом СССР влекущейся.
И чтобы вы без всякого предательства
Вошли к Шенгели в кабинет издательства
И вышли, нагружённая гостинцами –
Полурифмованными украинцами.

В подобных случаях всё зависело от собственного литературного таланта переводчика. Счастье «полурифмованных украинцев», если за них брались А. Ахматова, Н. Заболоцкий, Н. Клычков, А. Тарковский, та же М. Петровых. Кстати, используется этот метод и в Соединённых Штатах (особенно при переводе поэзии) – например, поэты Р. Уилбур и У. Мервин переводили Мандельштама и Вознесенского при содействии русскоязычных специалистов. Но в какой мере получившиеся произведения, при всех их литературных достоинствах, можно назвать переводом в полном смысле слова, это ещё вопрос.

Стоит также заметить, что, в отличие от других переводчиков, работающих этим способом, Пивер не ограничивается подстрочником Волохонской. Р. Вечслер в своей книге о художественном переводе приводит следующий рассказ Пивера о своей работе: «Жена карандашом пишет мне дословный перевод и подробнейшие пояснения к нему. Получается страшный сумбур, но это-то и хорошо. А потом я начинаю печатать. *А чтобы разобраться, что к чему, сверяюсь с другими переводами, потому что только по этим записям ничего не поймёшь*»². (Курсив наш – М.Б., В.Л.)

Метод, мягко выражаясь, сомнительный. И всё же повременим с выводами и обратимся к практическим результатам и переводческой программе Р/У.

Есть в статье Д. Ремника несущественная на первый взгляд фраза, которая, казалось бы, ни к Толстому ни к Гоголю отношения не имеет. Рассказывая о своём переезде во Францию, Л. Волохонская поясняет: “We moved to France illegally on a tourist visa, and it was finally a policeman who told us that we needed ‘to regularize our situation,’ as he put it.”

На каком языке говорил полицейский? Если на английском, то его фраза, звучащая довольно неукложе, выдаёт его неуверенное владение этим языком. А если по-французски, то получается, что Л. Волохонская даёт буквальный перевод вполне употребительной французской фразы “régulariser notre statut” Так выразится не один отдельно взятый французский полицейский, а любой француз, так что в уточнении “as he put it” нет нужды.

Налицо неразличение индивидуальных особенностей речи и общезыкового – черта, свойственная практически всем переводам Р/У. Показать это можно хотя бы на таком отрывке из «Мастера и Маргариты»:

– Третий год вношу денежки, чтобы больную базедовой болезнью жену отправить в этот рай, да что-то ничего в волнах не видно, – ядовито и горько сказал новеллист Иероним Поприхин.

² Robert Wechsler. *Performing Without a Stage: The Art of Literary Translation* (Catbird Press, North Haven, CT, 1998) p. 201-202.

В переводе P/V:

"It's the third year I've paid in so as to send my wife with goiter to this paradise, but there is nothing to be spied amidst the waves," the novelist Ieronim Poprikhin said venomously and bitterly.

Не станем цепляться к тому, что в переводе Поприхин из новеллиста превратился в романиста (novelist) — такой конфуз может приключиться со всяким переводчиком. А вот на буквальной передаче «ничего в волнах не видно» стоит остановиться подробнее. Во-первых, "there is nothing to be spied amidst the waves" — выражение просто непонятное. Во-вторых, англоязычный читатель, разумеется, расценит этот оборот как собственное авторское изобретение и не сегодня завтра какой-нибудь американский журналист может написать: "There is nothing to be spied amidst the waves, as Bulgakov put it."

Только выражение-то не булгаковское. Эта ставшая крылатой строка из народной песни «Вниз по матушке по Волге»: «Ничего в волнах не видно — / Одна лодочка чернеет, / Никого в лодке не видно — / Только паруса белеют». И в качестве почти пословичного оно не раз употреблялось в русской литературе и публицистике. Например, у М.Е. Салтыкова-Щедрина в книге «За рубежом»:

Вы уже тем одним счастливы, что видите перед собой прочное положение вещей. Каторга так каторга, припеваючи так припеваючи. А вот беда, как ни каторга, ни припеваючи — ничего в волнах не видно.

Во избежание подобных недоразумений считаем своим долгом уведомить англоязычных читателей,

✦ что при всём уважении к таланту М.А. Булгакова, было бы неверно приписывать именно ему встречающиеся в упомянутом переводе обороты "the man was no gift" («человек этот не подарочек»), "that's the whole salt of it" («в этом-то вся и соль») и "sit there stiller than water, lower than grass" («сиди там тише воды ниже травы»);

✦ что выражения "That's from another opera," "A dog's death for a dog" и "Its song has been sung" принадлежат не Чехову (так P/V в своих переводах рассказов «Человек в

футляре», «Бабы» и «Скучная история» передают «Это вы из другой оперы», «Собаке собачья смерть» и «Её песня уже спета»);

✦ что употреблённые в переводе «Мёртвых душ» обороты: "It's simply devil-knows-what!", "God loves trinity" и "For you a human soul is the same as stewed turnip" («Просто чёрт знает что такое!», «Бог любит трицу» и «У вас душа человеческая всё равно что пареная репа») придуманы не Гоголем;

✦ что в премированном ПЕН-клубом переводе «Анны Карениной» сочетание "to drink up one's trousers" — не авторский неологизм Льва Николаевича Толстого:

"How dare he say I ordered his trousers stolen! He drank them up, I suppose. I spit on him and his princely rank. He daren't say that, it's swinishness!

(— Как он смеет говорить, что я велел украсть у него брюки! Он их пропил, я думаю. Мне плевать на него с его княжеством. Он не смеет говорить, это свинство!)

А ведь действительно авторские выражения в «Анне Карениной» встречаются. В том числе то, которое впоследствии стало общепотребительным — полюбившееся Стиве Облонскому словцо его камердинера Матвея: «Ничего, сударь, образуется»³.

«А может быть, и образуется! Хорошее словечко: образуется, — подумал он. Это надо рассказать».

Степан Аркадьич (...) мог надеяться, что всё образуется, по выражению Матвея (...)

Однако P/V, при помощи буквальной передачи приписывающие авторам расхожие русские идиомы, воспроизводят этот оборот, придуманный или введённый в широкий обиход Толстым, посредством общепотребительного "to shape up": "Never mind, sir, it'll shape up". Какое уж тут «по выражению Матвея»!

Мало того, что переводчики заставляют Стиву восхищаться заурядным выражением, они ещё и подбирают для перевода не самый

³ Об авторском характере этого выражения — по крайней мере, в сознании современников — говорит хотя бы фраза из повести Чехова «Три года»: «— Это, я думаю, само собой уладится или, как говорит лакей у Толстого, образуется».

Анализ практики

точный эквивалент. "To shape up", как отмечается в Оксфордском словаре английского языка, имеет значения "to assume a shape or form; to develop or progress" или — когда речь идёт о людях — "to pull oneself together or meet a required standard; to show one's capabilities. Also, to get oneself into good physical condition". Но "it" ("it'll shape up"), понятно, относится не к человеку — значит, остаётся первое значение: развитие, становление чего-либо, приобретение законченной формы. Русское же «образуется», как видно даже из приведённой чеховской цитаты, означает именно «уладится», «обойдётся». В первом случае — уверенность в том, что неопределённое приобретёт отчётливые очертания, во втором — надежда на то, что жизнь расставит всё по своим местам.

Как же англоязычному читателю догадаться, что "to drink up one's trousers" придумал не Толстой, а за хорошо известным "to shape up" скрывается как раз толстовское выражение? Или что выражение «пошла писать» существовало задолго до Гоголя (P/V переводят: «Пошла писать губерния!» как: "There the province goes scrawling!", что не очень-то вяжется со сценой бала), а, например, «изменины сердца» ("a heart's feast") из тех же «Мёртвых душ» как раз придуманы Гоголем?

Исключительную заботу о формальной точности можно считать одним из самых характерных признаков творческого почерка P/V. Она проявляется и в том, как переводчики передают устойчивые формулы и синтаксические особенности устной речи:

• «Здравствуйте! — рывкнул кто-то в голову у Степы. — Этого еще не доставало!» (М.А. Булгаков, «Мастер и Маргарита»)

'Hel-lo!' someone barked in Styopa's head. 'Just what we needed!'

• — А что это у вас, великолепная Солоха? — И, сказавши это, отскочил он несколько назад.

— Как что? Рука, Осип Никифорович! — отвечала Солоха. (Н.В. Гоголь, «Ночь перед Рождеством»)

"And what have you got here, magnificent Solokha?" — And having said it, he jumped back slightly.

"How — what? An arm, Osip Nikiforovich!" replied Solokha.

• — Необходимо кончить ту ложь, в которой мы живём.

— Кончить? Как же кончить, Алексей? (Л.Н. Толстой, «Анна Каренина»)

"It's necessary to end the lie we live in."

"End it? But end it how, Alexei?"

• — Да, хороша, — проговорила она, наконец. — Очень даже. (Ф.М. Достоевский, «Идиот»)

"Yes, good-looking," she said at last. "Even very."

• — Я никому никогда не рассказывал, тебе первому сейчас расскажу, конечно, Ивана исключая, Иван всё знает. Раньше тебя всё знает. Но Иван — могила. (Ф.М. Достоевский, «Братья Карамазовы»)

"I've never told anyone, you'll be the first, except for Ivan, of course, Ivan knows everything. He's known it for a long time before you. But Ivan's a grave."

• — Голубчик мой, — бормотала она, дрожа от радости, — Владимир Платоныч! Откуда Бог принёс? (А.П. Чехов, «Душечка»)

"My little dove!" she murmured, trembling with joy. "Vladimir Platonych! Where did God bring you from?"

«Голубчик мой» как "my little dove" — интересное решение. Но будем надеяться, оно никого не вдохновит перевести обращение «лапочка» как "my little paw".

Герой рассказа Чехова «Моя жизнь» в переводе P/V начинает свой монолог так: "What has the new literature not invented!" — как легко догадается читатель, постигший творческий метод P/V, в оригинале было: «Мало ли чего не выдумала новая литература!». И зря собеседница отвечает ему: «Вы сегодня Бог знает какой скучный» ("You're God knows how boring today"): как можно назвать «скучным» человека с такой своеобразной речью (в смысле, английской речью)?

Порой это добросовестное копирование синтаксиса приводит к ещё более занятым последствиям. Попробуем, например, разобраться, какое чувство выражает вопрос Стивы Облонского: "What, you didn't expect me?" Скорее всего, удивление: если перевести эту реплику с английского на русский, получится: «Как, вы меня не ждали?» На самом же деле — у Толстого — неожиданно прибывший Стива всего лишь интересуется: «Что, не ждали?»

Такое же не предусмотренное оригиналом удивление проявляют герои и других произведений русской классики в переводах Р/У:

• – Здравствуй, Ганька, подлец! Что, не ждал Парфёна Рогожина? (Ф.М. Достоевский, «Идиот»)

"Greetings, Ganka, you scoundrel! What, you weren't expecting Parfyon Rogozhin?"

• – Что, готов мой сундук? (Н.В. Гоголь, «Ночь перед Рождеством»)

"What, is my chest ready?"

• – Вы что, были у врача? (М.А. Булгаков, «Мастер и Маргарита»)

"You've, what, been to the doctor?"

При таком подходе чудеса случаются не только с интонацией и коммуникативным намерением персонажа, но и с его образом в целом. Кто, например, мог бы произнести реплику, которая в переводе Р/У звучит так: "Good-bye, brothers, God be with you!"? В романе Дж. Элиот "Felix Holt, the Radical" подобным образом священник Руфус Лайон прощается с дьяконом: "God be with you, brother. We shall meet to-morrow, and we will see what can be done to subdue these refractory spirits".

Но Р/У переводили текст не об особах духовного звания: так они передали слова куница Кузмичёва из чеховской «Стени» при расставании с подводчиками: «Прощайте, братцы! С Богом!». (В переводе «Стени», выполненном Р. Хингли: "Good bye, lads, and good luck").

А что получается в связном тексте, видно по переводу сцены из «Братьев Карамазовых», где Коля Красоткин прощается со случайно повстречавшимся ему мужиком:

- Прощай, Матвей.
- Прощай.
- А ты разве Матвей?
- Матвей. А ты не знал?
- Не знал; я наугад сказал.
- Ишь ведь. В школьниках небось?
- В школьниках.
- Что ж тебя, порют?
- Не то чтобы, а так.
- Больно?
- Не без того!
- Эх, жисть! – вздохнул мужик от всего сердца.

"Good-bye, Matvey."

"Good-bye."

"Are you really Matvey?"

"I am. Didn't you know?"

"No, I just said it."

"Well, I declare. You must be one of them schoolboys."

"One of them schoolboys."

"And what, do they whip you?"

"Not really, so-so."

"Does it hurt?"

"It can."

"E-eh, that's life!" the peasant sighed from the bottom of his heart.

Как можно заключить по этому переводу, в России во времена Достоевского попадались удивительные мужики. Изъяснялись они как благовоспитанная мисс XIX века откуда-нибудь из Южных штатов ("Well, I declare")⁴, но тут же сбивались на слог полуграмотного ковбоя ("You must be one of them schoolboys"). К тому же, словно читая мысли собеседника, они удивлялись фактам, о которых тот ещё ничего не говорил: "And what, do they whip you?" Но, как и положено русским мужикам, они были склонны к покорности и фатализму: "E-eh, that's life!" – что-то вроде французского: "C'est la vie"⁵. Правда, у Достоевского Матвей не утешает Колю, а сокрушается («Эх, жисть!»), но зато почти каждое слово реплики передано с изумительной бережностью. К сожалению, понятие «наугад» из диалога пропало полностью, а уклончивое «Не без того» заменилось бледным "It can".

Если прибавить сочетания вроде "unclean powers" (нечистая сила), "freedom of person" (свобода личности), "to look one's eyes out" (все глаза проглядеть), "to pour buckets" (лить как из ведра), "to enter into the situation" (входить в чьё-то положение), "the woman question" (женский вопрос) и тому подобные

⁴ Так же выражается в переводе «Мёртвых душ», выполненном Р/У, дама приятная во всех отношениях: "Now that's just: I declare!" («Ну уж это просто: признаюсь!»)

⁵ Согласно словарному определению, выражение "That's life" означает: "Life isn't fair, what happened to you isn't fair, but you need to accept it and go on. It is used to soften one's disappointment". (G. Titelman, *America's Popular Sayings* – Random House, N.Y., 2003, p. 313).

Анализ практики

кальки, диагноз, как будто бы, ясен: хронический буквализм. И можно было бы не ломиться в открытую дверь, а просто-напросто вспомнить полувековой давности статьи И.А. Кашкина, где он громит провозглашённый Е.Л. Ланном «принцип технологической точности» (тогдашнюю попытку теоретического обоснования буквализма)⁶ – и дело с концом. Но, во-первых, P/V далеко не так последовательны в своём буквализме, как Лани: одни русские идиомы они передают буквально, а другим находят английские аналоги (например, в их переводе «Бесов» это же самое «тише воды ниже травы» передано как “meek as lambs”), где-то сохраняют синтаксический рисунок оригинала, а где-то изменяют в соответствии с нормой английского языка, что, видимо, и дало повод для противоречия в похвалах рецензентов, превозносящих переводы P/V то за богатство английской идиоматики, то за «верность» стилю переводимого автора. А во-вторых, повторение доводов Кашкина не поможет ответить на вопрос, что же стало причиной шумных восторгов, о которых говорилось в начале статьи. Чтобы во всём этом разобраться, стоит обратить внимание на теоретические взгляды P/V.

Как отмечает Д. Ремник: «Пивер читал кое-какие работы по теории перевода: Вальтера Беньямина, Хосе Ортеги-и-Гассета. Романа Jakobson и, конечно, Набокова». В статье есть сцена, где Пивер сочувственно цитирует молитву французского поэта и переводчика Валери Ларбо, обращённую к святому Иерониму, покровителю переводчиков.

Знаком ли Пивер с переводческими взглядами того, к кому обращал молитву Ларбо? Достаточно прочесть хрестоматийное иеронимово «Письмо к Паммахию о наилучшем способе перевода», чтобы убедиться, что его автор оправдывает буквализм лишь применительно к переводу Библии: «В переводах с греческого (исключая Священное Писание, где даже порядок слов есть некая тайна), я передавал не слово словом, а смысл смыслом». В подкрепление своей позиции Иероним

ссылается на предисловие Евгария Антиохийского к переводу Жития святого Антония Великого: «Дословный перевод с одного языка на другой скрадывает смысл, подобно тому, как буйные плевелы заглушают посевы (...) Пусть другие занимаются охотой за буквами и слогами, ты же взыскуй мыслью».⁷

Вот Ортега-и-Гассет – тот действительно мог вдохновить на кальки вроде “The unclean one beguiled me” («Нечистый попутал») или “How not get excited?” («Как же не взволноваться?»):

Читателям какой-либо страны не доставляет удовольствия перевод, сделанный в стиле их собственного языка. Для этого им с излишком хватает произведений своих писателей. Им нравится обратное: чтобы, доведя возможности языка до предела понимания, в нём просвечивала манера говорить, свойственная переводимому автору. Хорошим примером служат переводы моих книг на немецкий. За несколько лет вышло более пятнадцати их изданий. Это было бы непостижимо, если бы на четыре пятых не объяснялось удачным переводом. Моя переводчица до предела использовала грамматическую терпимость немецкого языка, чтобы точно передать то, что не является немецким в моей манере говорить. Таким образом, читатель без усилия воспроизводит испанский ход мысли. Так он немного отдыхает от самого себя, и ему доставляет удовольствие на время стать кем-то другим. («Нищета и блеск перевода»)⁸

Мы с такой уверенностью указываем, какую статью Ортеги читал Р. Пивер, потому что это едва ли не единственная работа испанского философа, целиком посвящённая переводу. Тем не менее составители американских хрестоматий по теории перевода любят включать её туда наряду с работами крупных переводоведов. В связи с этим можно вспомнить, что автор известной в своё время поваренной книги «Подарок молодой хозяйке» Е.И. Молоховец писала и издавала многочисленные брошюры: «Опыт истолкования пророчества Исаяи», «Значение обрядностей таинств крещения и миропомазания», «Монархизм, национализм и православие» и т.п.

⁷ «Памятники средневековой латинской литературы IV-VII веков» – М.: Наследие, 1998 с. 107-108.

⁸ Х. Ортега-и-Гассет, ««Дегуманизация искусства» и другие работы» – М.: Радуга, 1991, с. 542.

⁶ И.А. Кашкин, «Для читателя-современника» – М.: Сов. писатель, 1977.

Однако у богословов и политологов, очевидно, относящихся к предмету своей науки с большей серьёзностью, не принято ссылаться на труды Елены Ивановны — что никак не умаляет её кулинарных заслуг.

Кроме того, Ортега писал о переводе не художественной литературы, а философских трудов. Так что даже если согласиться с рекомендациями философа переводчикам, следует непременно оговорить, что распространяются эти рекомендации лишь на перевод вполне определённых текстов. (В журнале для переводчиков нет нужды повторять известное всякому профессионалу положение о зависимости способа перевода от жанра, коммуникативной направленности и функции переводимого текста).

Если же Р. Пивер всё же руководствуется при переводе мнением философа, то непонятно, отчего Л. Волохонская пренебрегает мнением богослова — о. Александра Шмемана, фотография которого, как рассказывает Ремник, висит у неё над письменным столом:

Принцип перевода: писать так на этом языке (на который переводишь), как писал бы на нём писатель, которого переводишь, если бы именно этот язык был его языком⁹.

Едва ли М.А. Булгаков, пиши он по-английски, стал бы повергать читателей в изумление фразами вроде: "Here the second oddity occurred, touching Berlioz alone" («Тут приключилась вторая странность, касающаяся одного Берлиоза») или "Not only not to get up, it seemed to him that he could not open his eyes" («Не то что встать, — ему казалось, что он не может открыть глаз»). По крайней мере, в подлиннике соответствующие предложения выглядят вполне нормативно.

Что же до того, насколько воспроизводятся при буквальном переводе национальные черты (тут мы возвращаемся к рассуждениям Ортеги-и-Гассета), это хорошо видно опять-таки по передаче прямой речи. В переводах P/V русские персонажи то восклицают: "Ai-yai-yai!" (буквально переведённое «Ай-йай-йай!»: в английском — характерная черта еврейской речи), то обращаются друг к другу:

"Brother" («брат», «братец»: в английском — обращение, распространённое в негритянской среде и некоторых религиозных общинах), то вдруг выпаливают: "Ah, so?!" («Ах так?!»: в английском оборот "ah so" — стереотипный признак речи китайцев, причём имеет совсем иной смысл, чем «Ах, так?»). Какие русские национальные черты знаменует этот разгул мультикультурализма, сказать трудно.

Однако, по словам Пивера, буквализм этот вызван стремлением во что бы то ни стало передать авторский стиль, который все их предшественники злостно искажали. В доказательство он ссылается на неправильности слога Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского, сглаженную в предыдущих переводах. Других конкретных подтверждений того, что стиль указанных авторов искажался, Пивер не приводит. Правда, Л. Волохонская добавляет, что в прежних переводах утрачен трагический комизм Достоевского, но примеры этого трагического комизма сводятся к тем же неправильностям.

Итак, передача неправильностей, выразительных шероховатостей слога. Что и говорить, намерение благое. Л.Н. Толстой и сам подчёркивал: «Я люблю то, что называется неправильностью, что есть характерность» (письмо к Ф.Ф. Тищенко, 18 апреля 1887).

И поэтому, когда в «Анне Карениной» встречается плеоназм «вдруг неожиданно» («— Стива! — *вдруг неожиданно* сказал Левин, — что ж ты мне не скажешь, вышла твоя свояченица замуж или когда выходит?»), P/V, как и следовало ожидать, переводят: "'Stiva!' Levin said *suddenly and unexpectedly*. 'Why don't you tell me whether your sister-in-law got married or when's she going to?'"

Но позвольте! Разве это «характерность» исключительно Л.Н. Толстого?

• — Милые вы мои! — *вдруг неожиданно* улыбнулся Вернер и сразу потерял всю внушительность своей позы, снова стал арестантом, (Л.Н. Андреев, «Рассказ о семи повешенных»)

• Но после сегодняшнего обещания, данного знакомым Зарудину по другим женщинам странным зрявающимся и безвольным голосом, он *вдруг неожиданно* почувствовал свою силу и внезапную близость цели. (М.П. Арцыбашев, «Санин»)

⁹ Протоиерей Александр Шмеман. Дневники. 1973-1983 — М.: Русский путь, 2005, с.87.

Анализ практики

• – Руку поцелуй, – вдруг неожиданно сказал отец. (М.А. Булгаков, «Полотенце с петухом»)

Пожалуй, с точки зрения пуристских представлений, «вдруг неожиданно» действительно сочетание не вполне правильное, однако в живой речи и в художественной литературе оно не такая уж редкость. Похоже, Р/У оценивают его с тех же позиций, что и педанты-редакторы, которых они упрекают в стремлении придать тексту перевода стерильную правильность – разница только в практических выводах. Точки зрения сторон выглядят следующим образом. Редакторы говорят: «Погрешность. Надо исправить» – Р/У: «Погрешность. Поэтому исправлять не надо». А чья погрешность – автора или огромного множества людей, говорящих по-русски, – этим вопросом ни редакторы, ни супруги-переводчики не задаются.

Или – встречающийся в «Мастере и Маргарите» тавтологический оборот «сегодняшний день», споры о правильности которого напоминают споры англоязычных стилистов о правильности «расщеплённого инфинитива» (split infinitive) вроде “to aggressively seek”:

Вчерашний день, таким образом, помаленьку высветлялся, но Стелу сейчас гораздо более интересовал день сегодняшний.

The previous day was thus coming gradually into focus, but right now Styopa was much more interested in today's day.

И опять-таки, этим оборотом грешил не только Булгаков:

• – Сегодняшний день меня состарел... (И.С. Тургенев, «Месяц в деревне»)

• – Не окажете ли вы нам внимание и не согласитесь ли стать на сегодняшний день нашим проводником? (В.Я. Брюсов, «Огненный ангел»)

• Весь сегодняшний день был занят тем, чтобы посредством нечеловеческих усилий выжать откуда-нибудь хоть несколько копеек на лекарство Машутке. (А.И. Куприн, «Чудесный доктор»)

В своём подходе Р/У не видят разницы между языковой нормой, реальной речевой практикой (узусом) и индивидуальным стилем писателя. Но – как и в случае с буквальным переводом русских фразеологизмов –

возникает вопрос: как англоязычному читателю разобраться, где «характерность» переводимого автора, где «неправильность», свойственная русскому узусу, а где корявость, созданная дословным переводом вполне нормативного и узуального оборота или конструкции? И читатель невольно приписывает всё стилю автора.

В переводоведческих исследованиях этот вопрос уже затрагивался:

При переводе художественной или публицистической прозы воспроизведение оригинала узуально неравноценными средствами искажает стилистические характеристики текста, создавая иллюзию индивидуального (авторского) стилистического приёма там, где его нет¹⁰.

Для художественного перевода вопрос этот имеет первостепенную важность. Коль скоро переводчик ставит себе целью передать индивидуальный стиль автора, он обязан в первую очередь определить, что для этого стиля характерно. Но, как говорила великая английская актриса Эллен Терри: «Чтобы быть эксцентричным, надо знать, где находитесь центр». Индивидуальное осознаётся как таковое лишь на фоне общего, следовательно, без основательного знакомства с общезыковым фоном невозможно распознать и воспроизвести при переводе авторское начало.

Если этого не учитывать – если бездумно копировать формальные элементы исходного текста, – недолго и распоследнего бульварщика в переводе превратить в самобытного стилиста, невольно приписав ему те обороты, синтаксические конструкции, эпитеты и т.п., которые в языке подлинника считались общим достоянием, но для носителей языка перевода оказываются свежи и неожиданны.

Но, как видно из интервью, Пивер ставит во главу угла иное. «Главное в переводе – интуиция (...) В конечном счёте важным оказывается не лингвистическое мастерство, а чувство языка» Как можно чувствовать язык, которого как следует не знаешь, Пивер в интервью не уточняет.

¹⁰ Л.К. Латышев, «Перевод: Проблемы теории, практики и методики преподавания» – М.: Просвещение, 1988, с. 89.

А уж когда переводишь автора, писавшего сто с лишним лет назад, недурно бы для начала познакомиться хотя бы с особенностями языка того времени. В этом смысле Л. Волохонская оказалась неважной помощницей своему супругу. Их переводы пестрят ошибками, говорящими о незнании языка эпохи, когда создавалось переводимое произведение.

Такие ошибки есть даже в самом близком к нам по времени произведении из числа переведённых Р/В — «Мастере и Маргарите». Например:

– Вот этих бы врунов, которые распространяют гадкие слухи, (...) вот их бы следовало разьяснить!

Ср. угрозу Шарика в «Собачьем сердце»: «А сову мы эту разьясним...» Читавшие повесть Булгакова помнят, каким образом Шарик «разьяснил» сову.

Приведём пример, из которого значение этого глагола (в тогдашней разговорной речи) становится ещё понятнее:

В 476 году Римский сенат окончательно признал падение Западной империи или, выражаясь по-современному, «разьяснил» Римскую империю. (О. Дымов, «Всеобщая история, обработанная "Сатириконом"», 1911)

Р/В, не мудрствуя лукаво, переводят ренлику из «Мастера и Маргариты» так:

'It's the liars that spread these vile rumours (...) they're the ones that ought to be explained!

отчего зловещий оттенок слова и комизм, конечно, пропадают. (Здесь наилучшим решением был бы, пожалуй, оборот "to sort smth. out", сочетающий значения: "to set a matter straight, make something clear" и "to punish someone by attacking him").

Или — отрывок из гоголевской «Шинсли»:

Теперь уже всякий частный человек считает в лице своем оскорбленным все общество. Говорят, весьма недавно поступила просьба от одного капитан-исправника, не помню какого-то города, в которой он излагает ясно, что гибнут государственные постановления и что священное имя его произносится решительно всуе. А в доказательство приложил к просьбе преогромнейший том какого-то романтического сочинения, где чрез каждые десять страниц является капитан-исправник, местами даже совершенно в пьяном виде.

Nowadays every private individual considers the whole of the society insulted in his person. They say a petition came quite recently from some police chief, I don't remember of what town, in which he states clearly that the government's decrees are perishing and his own sacred name is decidedly being take in vain. And as proof he attached to his petition a most enormous tome of some novelistic work in which a police chief appears on every tenth page, in some places even in a totally drunken state.

Подобно тому, как в переводе Булгакова «новелист» превратился в «романиста», здесь «романтическое произведение» сделалось «романом». А ведь Гоголь имел в виду не просто жанр или общий тон, но литературное направление, в пору написания «Шинели» уже переживавшее закат (современники причисляли к этому направлению поначалу и самого Гоголя, сравнивая его с Гофманом).

Ещё показательнее перевод сочинения «государственные постановления»: "government's decrees". Р/В не известно, что в то время слово «постановление», если верить словарю В.И. Даля, означало не только «закон, узаконение», как сейчас, но и «положение, порядок»:

- Конечно, уничтожение чинов (по крайней мере, гражданских) представляет великие выгоды; но сия мера влечёт за собою и беспорядки бесчисленные, как и вообще всякое изменение постановлений, освящённых временем и привычкою. (А.С. Пушкин, «О народном воспитании», 1826)

- Церковь не облекала характером церковности мирских устройств, подобных рыцарско-монашеским орденам, инквизиционным судилищам и другим светско-духовным постановлениям Запада (И.В. Киреевский, «О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России», 1852)

- — Ну, а как насчёт других, в людском быту принятых постановлений, вы придерживаетесь такого же отрицательного направления? (И.С. Тургенев, «Отцы и дети», 1862)

И Пушкин, и Киреевский, и Тургенев, разумеется, писали не об указах правительства, и предшественники Р/В поняли значение злополучного оборота у Гоголя правильнее, чем сторонники «интуитивного» подхода: например, А. Хэпгуд в своём переводе «Шинели»

Анализ практики

перевела его как: “all the *imperial institutions* were going to the dogs”, а Г. Макдугал — “all the *state’s institutions* were going to the dogs”.

В переводе этого отрывка заметно не только слабое знание языка эпохи, проявленное Волохонской, но и неумение Пивера взглянуть на текст глазами англоязычных читателей. Обороты “insulted in his person”, “of what town”, “decidedly taken in vain”, “a most enormous tome”, “even in a drunken state” не только не соответствуют языковым нормам — они попросту невразумительны. Нарушение традиционного грамматического согласования времён (“a petition came... in which he states”) выглядит чересчур уж современно. Лукавое простодушие Гоголя убито неуклюжими синтаксическими кальками, а неожиданная «развязка» — «даже в совершенно пьяном виде» (вот он, подлинный повод для жалобы!) — в переводе не имеет и десятой доли того комизма, которым наделил её Гоголь¹¹. Ещё один пример — из романа «Братья Карамазовы»:

Председатель [суда] был плотный, коренастый человек ниже среднего роста, с геморроидальным лицом, лет пятидесяти, с тёмными с проседью волосами, коротко обстриженными, и в красной ленте — не помню уже какого ордена.

The presiding judge was a stocky, thick-set man of less than average height, with a hemorrhoidal face, about fifty years old, his gray-streaked hair cut short, wearing a red ribbon — I don’t remember of what order.

Какие именно особенности человеческого лица позволяют наделить его эпитетом “hemorrhoidal”, англоязычный читатель вряд ли разберётся, но, наверно, подобные непонятности и натолкнули рецензентов на

¹¹ Гораздо большую чуткость к любимому гоголевскому «даже» проявил Э. Уилсон, в своё время писавший: «По-моему, “даже” у Гоголя означает не совсем “even”, а скорее “in fact” или “as a matter of fact”» (*The Nabokov-Wilson Letters. Correspondence between Vladimir Nabokov and Edmund Wilson. 1940-1971* — Harper & Row, N.Y., 1979, p. 115). В цитируемом отрывке именно это «даже» во многом и создаёт комизм развязки. Перефразируя Уилсона, можно сказать, что в данном случае «даже» означает не совсем “even”, а скорее “to top it all off” или “on top of everything”.

мысль, что переводы P/V “[are] true to the verbal inventiveness of Dostoyevsky”. Правда, если рецензенты почитают «Шинель» в переводе P/V, они обнаружат, что точь-в-точь такая же точно «словесная изобретательность» свойственна и Гоголю: описывая внешность Акакия Акакиевича, он упоминает “a complexion that is known as hemorrhoidal... No help for it! the Petersburg climate is to blame” («...и цветом лица что называется геморроидальным... Что ж делать! виноват петербургский климат»).

А кроме Гоголя с Достоевским подобную изобретательность проявляли А.Ф. Писемский (сказавший о своём герое: «ещё молодой человек, но уже с геморроидальным цветом лица»), А.Н. Островский (сказавший о своём герое: «мясистая, бледная, геморроидальная физиономия») и многие другие русские писатели XIX — начала XX вв. И чтобы разобраться, откуда у Достоевского и Гоголя такой интерес к упомянутому заболеванию, англоязычным читателям придётся сделать то, что следовало бы сделать уповающим на интуицию переводчикам: обратиться хотя бы к Толковому словарю русского языка Д.Н. Ушакова, где «геморроидальный цвет лица» определяется как «серо-жёлтый, измождённый». Потому-то Гоголь и сетует не на сидячий образ жизни Башмачкина, а на петербургский климат. Как воспринимают этот эпитет носители английского языка, можно судить по тому, что некоторые переводчики «Шинели» ошибочно переводили сочетание «геморроидальный цвет» как “sanguine complexion”.

Если продолжать перечень подобных недоразумений, получится том, не уступающий по объёму премированному ПЕН-клубом переводу «Анны Карениной». Это не отдельные огрехи, о которых можно было бы сказать: «И на старуху бывает проруха», но целая система ошибок, порождённых бессистемностью переводческой программы.

И всё же нельзя сказать, что P/V не соотносят употребляемую лексику с эпохой. Только забота здесь проявляется исключительно о лексике английского языка. Пивер подчёркивает, что в их переводах используются лишь

те слова, которые появились в английском языке до времени создания переводимого произведения (тут переводчики опираются на данные Оксфордского словаря английского языка). Это вам не С. Монас, который в переводе «Преступления и наказания» употребил чересчур современное словечко “pal” вместо более близкого ко времени Достоевского “old boy”. «Мы так никогда не переведем», — и Пивер кривится, как ребёнок, который нечаянно попробовал брюссельскую капусту» — рассказывает Ремник.

Для справки: один из самых ранних случаев употребления слова “pal” (в значении “a comrade, mate, partner, associate, ‘chum’”), зафиксированный в Оксфордском словаре, относится к 1681 году. В одном только «Оливере Твисте» это слово встречается по меньшей мере дважды.

Зато выражение “fifty-fifty”, употреблённое Пивером и Волохонской в переводе «Идиота» («Я беру половину на половину» — “I’m considering a fifty-fifty proposition”), по сведениям того же Оксфордского словаря, появилось лишь в начале XX века (первый зафиксированный в словаре случай — 1913 год).

А уж реплика главного героя «Шинели» при посещении портного: “I’ve come to you, Petrovich, sort of...” («А я вот к тебе, Петрович, того...»), хоть и состоит из слов, без сомнения, появившихся до гоголевского времени, звучит так, что обратно на русский точнее всего переводится: «Я, Петрович, как бы, к тебе...» То же все слова — по отдельности — старые-престарые.

И жаль, что интуиция не подсказала P/V, как поймут современные англоязычные читатели сочетание “insulted and fantastic woman” («оскорблённая и фантастическая женщина», как сказано о Настасье Филипповне, героине «Идиота»). Для читающих по-английски “fantastic woman” — это явно не то, что имел в виду Достоевский.

Но все странности переводов P/V — чересполосица буквализмов и английской идиоматики, смещение авторского и общеязыкового, недоучёт стиля эпохи — становятся понятны, если обратить внимание на ещё одну часть

переводческой программы Пивера. Несмотря на все заверения в своей верности оригиналу, он ставит перед собой ещё одну цель помимо перевода:

Я начинал не как переводчик, а как писатель, как поэт, и у меня были свои задачи. Мне казалось, что английская проза стала монотонной, водянистой, плоской, наивной — какой-то занудёж от первого лица: «Я проснулся. Увидел окно. Мне нездоровилось. Над холмами вставало солнце». Достоевский вон тоже часто пишет от первого лица, но получается такое богатство оттенков, мысли, голосов. Так что когда я начинал заниматься переводом, то подсознательно стремился зарядить энергией сам английский язык.

Это — из статьи в «Нью-Йоркере». Из интервью газете «Иностранец» явствует, что подсознательное стремление стало вполне осознанным:

Я надеюсь, что своим творческим трудом приношу пользу американцам. Надеюсь, что наши переводы в какой-то степени обогащают их культуру и отношение к возможностям языка. Ведь большинство американских писателей пишет очень примитивно: привет, Джек, как дела? Он говорит: хорошо, пошли позавтракаем. Я говорю: пошли. В таком вот духе. Я и пытаюсь показать, что бывает что-то более сложное и насыщенное. А Достоевский — именно такой случай. Перевести его значит обогатить английский язык.

Как известно, переводчик художественного текста — посредник между автором и читателями. Его положение — по умолчанию — предполагает, что он изображает автора таким, каким тот сам хотел бы предстать перед читателями, на каком бы языке они ни говорили. Если же у переводчика есть собственные намерения, профессиональная добросовестность требует, чтобы он по меньшей мере предупредил об этом читателей, а ещё лучше — самовыражался где-нибудь в сторонке от переводимого произведения и своими творческими пароксизмами не отвлекал читателя от знакомства с автором. Да, случаи, когда перевод оказывает влияние на литературу, не редки — например, стиль Хемингуэя, воссозданный на русском языке И.А. Кашкиным и его учениками, заметно повлиял на советскую прозу 1960-х годов. Но произошло это помимо воли «кашкинцев»: они лишь честно выполняли

Анализ практики

свою переводческую задачу, и получилось что-то настолько убедительное, органичное, своевременное, что этого просто нельзя было не заметить. Кашкин много писал о стилистике Хемингуэя (о которой судил не по чужим рассказам), но нигде не объявлял, что пытается «обогащать» язык русской прозы¹².

Остаётся ответить на вопрос, откуда же такая громкая слава. А слава, как нам представляется, вот откуда.

Стилистическая традиция перевода русской литературы на английский язык сложилась в викторианскую и эдвардианскую эпохи. Едва ли не главной основоположницей этой традиции была английская переводчица Констанс Гарнетт, переводившая Достоевского, Толстого, Гончарова, Тургенева, Чехова, Островского, Горького – в общей сложности её переводы с русского составили семьдесят томов. Это были добротные, выразительные, в основном точные переводы, благодаря им в англоязычных странах возник небывалый интерес к русской литературе. Они сделали стилистическим образцом для тех, кто переводил русских писателей после Гарнетт.

Время шло, менялась литература, менялась норма перевода. Стилистическое новаторство англоязычных писателей открывало

новые возможности англоязычным переводчикам. В новых условиях переводить Достоевского так, как переводила его Гарнетт, значило приглаживать его на викторианский манер. Гарнетт стали критиковать за то, что она не решалась передавать неправильности Достоевского и Толстого и воспроизводить корявое просторечие героев Чехова. Так, знаменитую реплику невесты из чеховской «Свадьбы»: «Они хотят свою образованность показать и всё время говорят о непонятном» она перевела: “He wants to show off his learning, and always talks of things no one can understand”.

Гладкопись. Но гладкопись вынужденная. Гарнетт и сама понимала, какие авторские особенности необходимо проявить в переводе. Её сын Дэвид в неопубликованных воспоминаниях рассказывает, что, по её словам, «самая большая трудность при переводе Достоевского состояла в том, чтобы сделать его по-английски таким же зыбким, неточным в выборе слов и сбивчивым, как в оригинале. Ей всё время приходилось бороться с соблазном выразить его мысли яснее, чем он»¹³. Но Гарнетт действовала в тех пределах, которые были очерчены нормой перевода её времени. И в этих пределах её достижения были неоспоримы.

Именно гладкопись и стала бросаться в глаза потомкам, отчего сама Гарнетт приобрела репутацию эдакого «синего чулка» домашней вязки, благовоспитанной викторианской леди, которая, вместо того, чтобы вышивать бисером, почему-то Толстого переводит. Такой изображена Гарнетт и в статье Д. Ремника. Подпортил репутацию Гарнетт и В. Набоков, не стеснявшийся в выражениях при оценке её переводов: “...I can do nothing with Constance Garnett's dry shit,” “I am concerned with diamonds, not garnets.”

В своё время, когда журнал «Полярная звезда» неслестно отозвался о творчестве В.А. Жуковского, Пушкин, взяв его под защиту, писал: «Зачем кусать нам груди

¹² Кстати о Хемингуэе: в беседе с Д. Ремником Пивер походя делает открытие в литературоведении: «Хемингуэй читал Достоевского в переводах Гарнетт и утверждал, что Достоевский оказал на него влияние. Но на Хемингуэя повлиял не только Фёдор Достоевский, но и Констанс Гарнетт. Она разбивает предложения на более короткие – так сказать, хемингуэизирует Достоевского». Кто бы мог подумать, что хемингуэевский «телеграфный стиль» навеян переводами К. Гарнетт! Да, она разбивала длинные периоды Достоевского, но это заметно лишь при сравнении оригинала с переводом – рядом с рубленой хемингуэевской фразой эти более короткие предложения всё равно кажутся предлинными. Неужели Хемингуэй мог читать по-русски и, как выражаются в переводных рекламках, «почувствовал разницу»? После такого не очень удивляешься, узнав, что, Пивер усматривает некоторое сходство между стилем Достоевского и Александра Дюма (в частности, «характерные синтаксические обороты») – Пивер обнаружил это, переводя «Трёх мушкетёров», опубликованных, как он подчёркивает, как раз в то время, когда Достоевский начинал литературную деятельность.

¹³ C.G. Heilbrun, *The Garnett Family. The History of a Literary Family* (The Macmillan Company, N.Y., 1961) p. 193.

кормилицы нашей? потому что зубки прорезались? (...) Ох! уж эта мне республика словесности. За что казнит, за что венчает?» Что Набоков ругательски ругал переводы Б.Л. Пастернака (“vulgar, inept and full of howlers as any of the versions of Tolstoyevsky concocted by Victorian hacks... his vulgar and illiterate *Hamlet*...”) ¹⁴, об этом в приличном литературном обществе вспоминать не принято, зато его выпады против Гарнетт (одной из этих самых “Victorian hacks”) цитируются со вкусом.

Сегодняшние критики Гарнетт не видят различия между и методом её переводов и стилем эпохи. Те, кто пеняет на архаичность стиля, забывают, что Гарнетт переводила по преимуществу писателей её современных, а значит, язык её переводов устарел почти в той же степени, в какой устарел слог Толстого, Достоевского, Чехова. Следовательно, если держать курс на достоверность, то язык переводов Гарнетт, при всей их гладкописи, несравнимо подлиннее, чем язык «римейков».

Иное дело — метод перевода. Он действительно сделался изощрённее и смелее, позволяет более точно проявлять авторскую «характерность» (которая, конечно, состоит не только в погрешностях против языковой нормы и воссоздаётся не только слепым копированием приёмов оригинала — сегодняшние переводчики, например, могли бы позволить себе передать толстовское «Образуется» хотя бы как: “Things’ll tighten up”. По-просторечному неуклюже и в то же время понятно и ни на кого не похоже). Эти изменения метода чувствует пусть даже не искушённый в переводческом ремесле, но любящий литературу читатель.

Но погружение в стиль эпохи требует от англоязычного читателя определённых усилий. И вдруг появляются переводы, про которые рецензенты дружно говорят, что они “absolutely faithful,” “true to the verbal inventiveness of Dostoyevsky”. Переводы, не похожие ни на один публиковавшийся доселе перевод тех же авторов. Ага, вот, оказывается,

что такое Толстой с Достоевским! Ишь, чудные какие: “to drink up one’s trousers”, “suddenly and unexpectedly”.

На самом же деле прежний, на сегодняшний вкус слишком чопорный образ русской литературы, русской речи и русского быта, созданный Гарнетт, лишь сменился в переводах P/V образом более эклектичным, но не более точным.

С недавних пор российские приверженцы методов P/V стали старательно расширять сочетаемость слова «успешный», превращая его в характеристику то человека («успешный менеджер»), то предприятия («успешная компания»); и то и другое, разумеется, кальки с английского “successful manager”, “successful company”.

Переводы Р. Ливера и Л. Волохонской, как показывают лавры, фимиам и дифирамбы рецензентов, несомненно, обладают «успешностью», но назвать их «успехом», подлинным достижением, никак нельзя.

Человек и искусство

Люди с самобытным талантом неохотно посвящают труды свои такому — хоть не неблагодарному, но и не блестящему делу; а люди полуталантливые (которых гораздо более, чем вовсе бездарных) предлагают нам бледные подражания, которые, по словам латинского поэта, не нужны «ни богам, ни людям». (Тургенев И. С. «Вильгельм Телль» 1843, рец. на перевод драмы Шиллера, выполненный Ф. Миллером)

¹⁴ V. Nabokov, *op.cit.*, p. 292, 470.

Что бы это значило, или Туманные звёзды российского законодательства в переводе на английский

Т.П. Некрасова

Бытует мнение, что переводчику вовсе не обязательно хорошо разбираться в том, что он переводит. Его задача — переводить, и только. Утверждение, на мой взгляд, весьма спорное.

Попробуйте перевести термин *валюта баланса*, не зная, что это такое, и окажетесь в ловушке, потому что это вовсе не валюта, в которой составлен баланс компании. Ведение бухгалтерского учёта по отгрузке, с точки зрения перевода, не имеет ничего общего ни с *shipment*, ни с *dispatch*, ни с любым иным вариантом перевода слова *отгрузка*, который могут предложить русско-английские словари. С переводом выражения *списание средств в бесспорном порядке* тоже не всё так просто. Все слова по отдельности знакомы, а в терминологическое словосочетание они при переводе не складываются. Такой термин, как, например, *строительство хозспособом* вообще невозможно перевести, даже описательно, не зная, что он подразумевает. То же самое можно сказать и о таких терминах, как *право хозяйственного ведения* и *право оперативного управления*. Остановимся на каждом из этих терминов чуть более подробно.

Валюта баланса — термин, только кажущийся ясным и легко поддающимся переводу (по аналогии со словосочетаниями *валюта сделки*, *валюта счёта*). На самом деле, это не так. Это один из тех терминов, значение которых не складывается из значений их компонентов. *Валюта баланса* означает итог по активу и пассиву бухгалтерского баланса. Общепринятый перевод этого термина — *grand total or balance sheet total*. О том, каким образом слово *валюта* приобрело в русском языке значение «сумма» в данном конкретном случае, история, что называется, умалчивает.

Пролить свет на эту загадку, вероятно, могли бы лингвисты-этимологи, а мы продолжим наши языковые изыскания в финансово-юридической области.

Учёт по отгрузке — это прямой российский аналог того метода учёта, который в англоговорящем мире называется *учёт по методу начислений* — *accounting on an accrual basis*. Суть его заключается в том, что хозяйственные операции учитываются в том отчётном периоде, в котором они были совершены (в отличие от кассового метода учёта (*cash basis accounting*), который в российской бухгалтерской практике часто фигурирует как *учёт по оплате* и при котором операции учитываются в периоде поступления денежных средств).

Что касается прилагательного *бесспорный*, то вариантов перевода здесь предостаточно: *indisputable, incontestable, inarguable, unquestionable, undeniable, irrefutable, unchallengeable, unobjectionable* — и это далеко не полный перечень. Из всего этого разнообразия остаётся лишь выбрать наиболее подходящий для определённого контекста вариант. Когда представляются бесспорные доказательства или когда кто-то является бесспорным лидером, то вопрос перевода — это действительно вопрос выбора имеющихся в распоряжении переводчика языковых средств. Проблема заключается в том, что из русского текста не всегда ясно, что имеется в виду, и тогда вопрос перевода — это уже не вопрос выбора варианта, а прежде всего — вопрос понимания сути. Например, когда речь идет о списании средств в бесспорном порядке или о бесспорном взыскании. Русское словосочетание звучит весьма обтекаемо и расплывчато, а при переводе на английский внутренне законы

языка и правила построения фразы требуют если не полной «расшифровки», то хотя бы некоторой конкретизации смысла. Вот и попробуем конкретизировать. Прилагательное *беспорный* используется здесь как бы условно, не в том значении, которое вытекает из его звучания, а в том значении, которое ему придал определённый круг пользователей (в данном случае специалисты в области финансов и права). И одним из таких значений является «внесудебный», «без обращения в суд», т.е. беспорное взыскание означает отсутствие необходимости для взыскивающей стороны обращаться в суд за получением разрешения на взыскание. Хороший русско-английский словарь, например Новый большой русско-английский словарь под редакцией Д.И. Ермоловича, обязательно предложит вариант перевода выражения *беспорное взыскание*, скажем, долга. Ермолович предлагает *collection of a debt without recourse to the court*. Вариант абсолютно правильный. В качестве более «компактного» синонима можно предложить просто *out of court collection*, но оба варианта перевода подходят лишь для тех случаев, когда *беспорный* означает именно *внесудебный*. Дело в том, что на практике слово *беспорный* в сочетании со взысканием или списанием средств, помимо значения «внесудебный», может иметь значение «безакцептный», то есть не требующий согласия плательщика (и тоже без необходимости для взыскивающей стороны обращаться в суд за разрешением для такого списания). Но здесь *out of court* не подходит по соображениям сочетаемости. К тому же основная идея безакцептного порядка заключается именно в отсутствии необходимости не столько обращаться в суд, сколько получать согласие плательщика. Поэтому можно сказать *to write off funds without the payer's prior consent*, а можно воспользоваться термином, который предлагает глоссарий ЕБРР, — *direct debiting*. Означает он поручение клиента банку оплачивать счета поставщика товаров или услуг без обращения к клиенту. Контекст списания несколько иной, но есть совпадение по «глубинному» смыслу, поскольку ни там, ни там нет необходимости получать согласие пла-

тельщика. Приемлем и такой вариант перевода, как *extra-judicial debiting*, также предлагаемый ЕБРР. Звучит несколько тяжеловато, но смысл передаст и иногда может пригодиться. И третье значение, в котором используется прилагательное *беспорный*, это «происходящий при отсутствии спора». Российским законодательством предусмотрены случаи, когда взыскание может быть осуществлено налоговыми органами, если требование об уплате денежных средств (недоимки по налогам, пени или штрафов), предъявленное налоговой инспекцией налогоплательщику, не было оспорено налогоплательщиком в течение определённого срока, и такое взыскание будет беспорным в силу отсутствия спора. Вот для таких случаев, вероятно, могло бы подойти первое прилагательное из той цепочки, что была приведена выше, а именно, *indisputable*, или скорее *undisputed*, поскольку по сути взыскание является не беспорным, а неоспоренным.

Конечно, было бы разумнее, логичнее и просто грамотнее использовать прилагательное *внесудебный* в тех случаях, когда *беспорный* означает «без необходимости обращения в суд». Один шаг в этом направлении сделан: в 2005 году Госдума приняла закон о внесудебном взыскании налоговых платежей. Тем не менее частотности употребления слова *беспорный* в значении «внесудебный», как и в значении «безакцептный» остаётся достаточно высокой, поскольку ни специалисты в области финансов и права, ни наши законодатели, ни суды разграничивать эти понятия, к сожалению, не стремятся, и переводчику следует об этом помнить, чтобы избежать риска пойти по ложному пути. А риск этот есть, и весьма существенный. Например, в ситуациях, когда списание производится в беспорном (в смысле безакцептном) порядке, то есть без согласия плательщика, в переводе ни в коем случае не следует «обыгрывать» слова *indisputable/undisputed* или *incontestable/uncontested*, потому что подобное списание отнюдь не означает, что та сторона, со счёта которой списаны средства, не может обратиться в суд и оспорить это действие. Может, и очень часто именно так и делает. Например,

Анализ практики

налогоплательщик может обжаловать (*contest, dispute* или особо модное сейчас *challenge*) в суде действия налогового органа по взысканию каких-либо сумм, взыскание которых налоговая инспекция считает себя вправе осуществлять в бесспорном порядке, иногда без должных на то оснований.

Строительство *хозспособом*, т.е. хозяйственным способом, — еще один туманный термин, которым оперирует российское законодательство. В туманной дымке, которой он окутан, на самом деле скрывается строительство для собственных нужд и собственными силами, без привлечения внешних ресурсов. Если этого не знать, то «образность» термина может сыграть с переводчиком злую шутку, подтолкнув его мысль в ложном направлении, а то и попросту заведя в тупик.

На первый взгляд, термин *строительство хозспособом* может показаться чисто российской реалией, более того — пережитком времен социализма, когда слова *хозяйство* и *хозяйственный* встречались гораздо чаще, чем сейчас. На самом деле у этого термина только словесная оболочка имеет некий советско-социалистический призвук, а суть у него интернациональная. На сайте Бюро переписи населения США (US Census Bureau) приводятся выдержки из NAICS — North American Industry Classification System (Северо-американская система промышленной классификации, в другом переводе — классификация отраслей промышленности/экономики). Под номером 23 значится Construction, и там же приводится определение одного из видов строительства, называемого *force account construction*. Определение это звучит так:

Force account construction is construction work performed by an establishment primarily engaged in some business other than construction, for its own account and use, and by employees of the establishment.

Соответствие с тем, что подразумевается под строительством *хозспособом* у нас, практически один в один, что не так уж часто случается, но особого повода для радости данное соответствие переводчику не даёт и жизнь не облегчает. Дело в том, что термин *force account construction* хоть и правильный, но узкоспе-

циальный, и вряд ли будет понятен даже хорошо образованному носителю языка, если только он не специалист в области строительства, не говоря уже о более широкой аудитории, и особенно той, для которой английский язык не родной. Поэтому здесь, на мой взгляд, лучше отдать предпочтение описательному переводу, тем более что он не намного объёмнее точного термина — *construction using internal resources* или *construction without contractors*. Второй вариант, несмотря на описательность, звучит вполне терминологично и, возможно, мог бы прижиться в переводческой практике именно как понятный и общеупотребительный синоним узкоспециального термина. Во всяком случае, для переводчика, как мне кажется, это выход.

Если *строительство хозспособом* — термин международный, то такие термины, как *право хозяйственного ведения* и *право оперативного управления*, — это уже чисто российские изобретения, мировых аналогов не имеющие и оставшиеся в русском языке с начала 1990-х годов, когда было много государственных, муниципальных унитарных и казённых предприятий, за которыми собственником (государством, естественно) закреплялось определённое имущество.

Оба права являются ограниченными вещными правами, принадлежащими вышеперечисленным предприятиям, и подразумевают владение, пользование и распоряжение (в том числе, в некоторых случаях, пролажу) закреплённым за ними имуществом в определённых пределах. Желая углубиться в правовые тонкости могут обратиться к статьям 294 и 296 Гражданского кодекса РФ, а для переводчика здесь важно то, что оба термина фактически «пусты», поскольку суть права ни из того, ни из другого не видна (в отличие скажем, от аренды — *lease*), и необходимо лишь грамотно подобрать, а точнее сконструировать, словесную оболочку, исходя из правил языковой комбинаторики. Такие языковые изобретения, как *right of economic jurisdiction* и *right of operational management*, звучат вполне по-английски, но, естественно, требуют пояснений, как, впрочем, и русские термины, поскольку не каждый юрист с ходу ответит, что подразумевается под каждым из этих

прав, а уж адресат юридического заключения, не являющийся профессионалом в области права, может и вовсе оказаться сбитым с толку. Встречаются и такие варианты перевода этих двух терминов, как *right of operative administration* и *right of economic management* (перевод ГК РФ А.Н. Жильцова и П.Б. Мэтгса). С точки зрения именно языкового конструирования, они в общем ничем не лучше первой пары, однако если пользоваться этими вариантами при переводе, нужно всё время помнить о том, что управление — это *administration*, а ведение — это *management*, и уже не сбиваться с выбранного курса, а это не всегда просто, поскольку в переводческом сознании *управление*, как правило, «зарифмовано» с английским *management*. И ещё один аргумент не в пользу именно этой пары. Поскольку *administration* и *management* являются синонимами, а *ведение* и *управление* таковыми не являются, и право хозяйственного ведения шире права оперативного управления, то будет всё-таки лучше, чтобы в английской паре фигурировали не столь «откровенные» синонимы.

Что касается употребления этих терминов, то очень часто можно встретить такие обороты, как «находиться в хозяйственном ведении» и «находиться в оперативном управлении». Здесь с переводом всё просто, главное не попасться в ловушку с предлогом: порусски *в*, по-английски в данном случае *under*: *to be under (sb's) economic jurisdiction* или *under (sb's) operational management*.

Более опасная ловушка подкарауливает переводчика тогда, когда эти (или любые другие права) встречаются в сочетании с глаголом *владеть*, например *владеть на праве оперативного управления*. Здесь даже две ловушки. Первая опять «предложна»: у нас — *на праве*, у них — либо *by right of...*, либо *on the basis of the right of/to...*. Однако гораздо более серьёзную опасность в данной конструкции таит не предлог, а глагол. В переводческом сознании глагол *владеть* чужь ли не автоматически встаёт в пару с английским *to own*. Юридическому переводчику подобный «автоматизм» нужно очень жёстко контролировать. Для владения на праве собственности *to own* подойдет, а для владения на любом другом

праве, будь то аренда или право оперативного управления, нужно искать другие варианты. С арендой проще. Можно сказать *to have under a lease*, или просто *to lease*. А вот для других прав самым безопасным будет даже не *to possess*, поскольку у этого глагола есть значение «to own», а скорее *to hold*. Этот же глагол сочетается и с существительным *lease*. Так что такой перевод выражения *владеть объектом недвижимости на праве аренды* как *to hold a piece of real estate under a lease* будет не только правильным, но и красивым. Я подчёркиваю красоту выражения потому, что в юридическом переводе очень часто приходится жертвовать красотой фразы, чтобы не нарушить смысл, но, когда удаётся сочетать правильность и красоту, сердце переводчика не может не радоваться.

К числу туманных терминов, которыми оперирует российское законодательство, относится и такой языковой перл, как *заказчик-застройщик*. Встречается и его «расширенный» вариант — *технический заказчик-застройщик*, что только усложняет задачу переводчика. Чтобы адекватно перевести этот термин, нужно как следует разобраться в том, какие функции выполняет этот самый заказчик-застройщик в процессе проектирования и строительства, иначе адресат просто запугается.

Поскольку мне довольно часто приходится выполнять переводы документов, связанных с юридическим сопровождением строительных проектов и сделок по приобретению недвижимости, расскажу об увлекательнейшем лингвистическом поиске, который мне пришлось предпринять, чтобы прийти к наиболее, на мой взгляд, корректному варианту перевода термина *заказчик-застройщик*.

Почему нужно было что-то искать? Потому что термин важный (заказчик-застройщик — по российскому законодательству является одним из основных участников процесса проектирования и строительства), а ни один из известных мне словарей, в том числе специальных строительных, вариантов перевода этого термина не предлагает. По отдельности, пожалуйста: *заказчик* — *client, customer; застройщик* — *developer, building owner* (в определённых случаях). А вместе — нет. Действовать методом простой подстановки

Анализ практики

нельзя. В английском языке, конечно, есть сложные существительные, образованные по модели «существительное + существительное», да ещё через дефис, будут выглядеть примитивной калькой с русского. Произвести преобразование по аналогии с переводом термина *страна-производитель* как *manufacturing country* тоже не получится. Не тот случай. Не поможет здесь и конструкция ... *acting as...* Дело осложняется тем, что в число основных участников процесса строительства и проектирования помимо пресловутого заказчика (заказчика-застройщика) входит ещё и просто застройщик (инвестор). К основным участникам этого процесса относятся ещё два лица — подрядчик и проектировщик. С переводом этих двух терминов трудностей не возникает: *contractor* и *designer* соответственно. Перевести термин *застройщик (инвестор)* тоже нетрудно — *developer (investor)*. А вот что делать с заказчиком-застройщиком?

Как ни грустно, но действующее российское законодательство здесь мало помогает, поскольку определения, основанные на его нормах, звучат обтекаемо и пространно.

Судите сами:

Заказчиком (заказчиком-застройщиком) является юридическое лицо или индивидуальный предприниматель, которые по договору с застройщиком (инвестором) обеспечивают проведение проектирования и строительства объекта недвижимости. Необходимость участия заказчика (заказчика-застройщика) обуславливается двумя основными причинами:

– заказчик (заказчик-застройщик), в отличие от застройщика (инвестора), обладает профессиональными навыками и отвечает требованиям, предъявляемым законодательством;

– для выполнения функций заказчика (заказчика-застройщика) требуется строительная лицензия, которая, как правило, отсутствует у застройщика (инвестора).

Заказчик-застройщик — юридическое лицо, распоряжающееся денежными средствами заказчика-инвестора, выделяемыми на финансирование капитальных вложений, и всеми материальными ценностями, учитываемыми на балансе капитального строительства.

Ни одно из вышеприведённых определений не позволяет толком разобраться в сути термина *заказчик-застройщик*, однако один принципиальный для лингвистического поиска момент здесь всё же есть. Это необходимость наличия у заказчика-застройщика соответствующей лицензии. Немного света на эту запутанную ситуацию проливает пояснение юристов о договоре между застройщиком (инвестором) и заказчиком (заказчиком-застройщиком): *Договором между застройщиком (инвестором) и заказчиком (заказчиком-застройщиком) предусматривается, как правило, возложение на последнего обязанностей по получению и оформлению исходных данных для проектирования объектов строительства, оформлению исходно-разрешительной документации на строительство, заключение договора строительного подряда и т.д.*

Тем не менее, всё равно остается непонятным, по отношению к кому он выступает как заказчик и почему он тоже называется застройщиком, если один застройщик уже есть — застройщик (инвестор), который определяется как физическое или юридическое лицо, обеспечивающее на принадлежащем ему земельном участке строительство, реконструкцию, капитальный ремонт объектов капитального строительства, а также выполнение инженерных изысканий, подготовку проектной документации для их строительства, реконструкции, капитального ремонта. Застройщик (инвестор) будет являться собственником построенного объекта недвижимости.

Если предположить, что строительство ведётся более или менее одинаково во всех странах, не в смысле качества, а в смысле участников процесса, то заказчик-застройщик должен быть и в англоговорящем мире. Однако ни в зарубежных строительных нормах и правилах, ни на сайтах английских и американских строительных компаний мне не попалось ни одного термина, который хотя бы отдалённо напоминал заказчика-застройщика и мог бы служить пусть и приблизительным, но аналогом нашего языкового «шедевра». В семантическом ряду *developer, designer, project engineer, general contractor, contractor, sub-contractor* лицо, которое в российском

праве фигурирует как заказчик-застройщик, тоже отсутствует.

Подсказал путь к правильному переводческому решению сайт российской компании «Мэмфорд» (www.memford.ru). Компания была создана 10 лет назад специально для осуществления функций технического заказчика-застройщика в процессе реализации строительных проектов. В качестве основных видов деятельности компании как раз и перечислены все функции заказчика-застройщика. Имеет смысл привести выдержку с сайта этой компании, подчеркнув в ней то, что подтолкнуло к верному переводческому решению.

Основные виды деятельности:

Выполнение функций заказчика-застройщика (управление строительством):

- Получение и оформление исходных данных для проектирования объектов строительства
- Разработка инвестиционных намерений и технико-экономическое обоснование (ТЭО) на строительство
- Оформление правовой базы строительства, исходно-разрешительной документации и её согласования
- Получение технических условий на присоединение инженерных коммуникаций.
- Подготовка задания на проектирование
- Техническое сопровождение проектной стадии (контроль за разработкой проектно-сметной документации, согласование её в установленном порядке)
- Оформление разрешительной документации на строительство и реконструкцию.
- Проведение отбора генподрядчика и субподрядчиков
- Высококвалифицированный технический надзор и контроль за качеством выполнения строительно-монтажных и пусконаладочных работ...
- Бюджетный контроль за расходованием средств заказчика

и т.д.

В общей сложности 17 видов работ, но важно здесь не количество, а то, что все они объединены одним общим термином — управ-

ление строительством. Он-то и стал ключевым в понимании сути термина *заказчик-застройщик*, перевести который можно и нужно как *construction manager* (или *construction management company*), добавляя, при необходимости, слово *licensed* (наличие лицензии является обязательным требованием, предъявляемым российским законодательством к компаниям, выступающим в качестве заказчика-застройщика, и именно этот момент мы отметили для себя как принципиальный, начиная этот поиск). А *construction manager* великолепно вписывается в то семантическое поле, куда входят и *developer*, и *designer*, и *project engineer*, и *general contractor*, и *contractor*, и *sub-contractor*.

Косвенное подтверждение правильности найденного термина находим на сайте newyork.construction.com, где речь идёт о порядке представления строительных проектов на рассмотрение компетентных органов:

Projects for consideration may be submitted by an owner, developer, construction manager or general contractor, engineer, or subcontractor.

Точку в этом поиске мне бы хотелось поставить, вспомнив слова блестящего переводчика Павла Руслановича Палажченко о том, какое это увлекательное занятие — «рыться в ворохах слов и... нащупывать нити межъязыковых соответствий». Проведённый мной поиск дал мне ощутить это удовольствие в полной мере.

Точку в обзоре завуалированных терминов, встречающихся в российском правовом поле, конечно, не поставишь, поскольку российское законодательство — это такая туманность Андромеды, где ещё много неисследованных терминов-звёзд, над которыми переводчику, как звездочёту, можно трудиться всю свою профессиональную жизнь.

* * *

Выражаю благодарность своим коллегам — сотрудникам юридической компании «Пепеляев, Гольцблат и партнеры»: Джейн Сэйер, редактору, Максиму Попову, старшему юристу, и Вадиму Зарипову, юристу, за помощь в подготовке материала.

Семь смертных грехов (и семь даров святого духа), или О пользе дискуссий в Интернете

П.Р. Палажченко

Всё началось с того, что на одном из форумов сайта www.lingvo.ru возникла тема «Почему уныние – смертный грех». Поводом для её обсуждения стала статья, утверждающая, что причиной снижения рождаемости и убыли населения России является «общий депрессивный настрой населения», то есть уныние, относящееся в христианской традиции к семи смертным грехам.

В ходе обсуждения очень быстро выяснилось, что некоторые посетители форума плохо представляют себе, что такое смертный грех и почему эти грехи так называются. Так, один из участников дискуссии вывел из синонимки mortal/deadly/capital sin следующее умозаключение:

«Вот и ответ, что такое смертный грех. Получается, это тот, что заслуживает capital punishment».

Другие участники упражнялись в остроумии, надо сказать – довольно неудачно, что побудило гостя, поднявшего тему «христианин», дать краткое и исчерпывающее разъяснение:

«Смертными называются грехи, ведущие к духовной смерти человека. Уныние относится к смертным грехам потому, что это грех неуверения в Бога, неверия в спасительность Его промысла, неверия в Его любовь».

Острословы и иронисты, однако, продолжали гнуть свою линию, что заставило меня подать реплику:

«Дорогие товарищи, вам популярно и точно объяснили, почему христианство рассматривает уныние как смертный грех, а заодно и что такое смертный грех в христианской традиции, а вы ответили довольно примитивным подтруниванием над религиозными чувствами автора сообщения. Это как-то не по-христиански».

Однако продолжение этой поначалу не очень вдохновляющей дискуссии оказалось довольно интересным и полезным, отчасти в результате инициативы автора этих строк. Мне захотелось повсрнуть её в лингвистическую плоскость, и я написал следующее:

«Обратите внимание на некоторые интересные несовпадения.

Русская традиция:

Список восходит к восьми помыслам Евагрия Понтийского, однако печаль заменена на зависть, а тщеславию объединено с гордостью. Впервые в такой редакции встречается у Григория Великого.

Всего смертных грехов семь:

1. Обжорство
2. Блуд
3. Алчность
4. Зависть
5. Уныние
6. Гнев
7. Гордость

Английская:

Pride is excessive belief in one's own abilities, that interferes with the individual's recognition of the grace of God. It has been called the sin from which all others arise. Pride is also known as Vanity.

Envy is the desire for others' traits, status, abilities, or situation.

Gluttony is an inordinate desire to consume more than that which one requires.

Lust is an inordinate craving for the pleasures of the body.

Anger is manifested in the individual who spurns love and opts instead for fury. It is also known as Wrath.

Greed is the desire for material wealth or gain, ignoring the realm of the spiritual. It is also called Avarice or Covetousness.

Sloth is the avoidance of physical or spiritual work.

Французская:

La liste actuelle a été citée par Thomas d'Aquin dans sa Somme théologique (question 84, Prima secundae) au XIIIe siècle. Il y mentionne que certains d'entre eux ne sont pas en eux-mêmes à proprement parler des péchés, mais plutôt des vices, c'est-à-dire des tendances à commettre certains péchés.

- l'orgueil : attribution à ses propres mérites de qualités vues comme des dons de Dieu (intelligence, etc.). Son démon est Lucifer ;
- l'avarice ou cupidité : désir de posséder ou conserver plus de richesses que nécessaire. Son démon est Mammon ;
- l'envie : refus de se réjouir du bonheur d'autrui, ou satisfaction de son malheur. Son démon est Léviathan ;
- la colère : courte folie déjà pour les anciens, et qui entraîne parfois des actes regrettables. Son démon est Satan ;
- la luxure : plaisir sexuel recherché pour lui-même. Son démon est Asmodée ;
- la gourmandise : ce n'est pas tant la gourmandise au sens moderne qui est blâmable que la glotonnerie, l'excès et le gâchis. Du reste, ailleurs qu'en français ce péché n'est pas désigné par un mot signifiant « gourmandise » (gluttony en anglais, par exemple). Son démon est Belzébuth ;
- la paresse : refus d'accomplir des tâches nécessaires. Son démon est Belphégor.

Дополнительные ссылки для владеющих (хотя бы чуть-чуть) немецким языком:

<http://de.wikipedia.org/wiki/Tods%C3%BCnde>

<http://www.rpi.at/wien/Kamper-Dateien/>

7todsuend_med.htm

<http://www.efg-hohenstaufenstr.de/downloads/bibel/todsunden.html>

Для не владеющих: происхождение названий смертных грехов восходит к латыни:

superbia, avaritia, invidia, ira, luxuria, gula, acedia.

От acedia – уныние, sloth, paresse и набор вариантов по-немецки: Faulheit, Trägheit, Trägheit de Herzens.

По-немецки вообще больше вариантов, так как названия менялись исторически (может быть и региональные различия? – на обжорство аж четыре варианта!))

Реакция посетителей форума была быстрой. Участник *tuizingu*:

«Тщеславие объединено с гордостью. Так ведь в русском имеются два слова: гордость и гордыня. Значит ли это, что здесь присутствует недоработка переводчика?»

Всего смертных грехов семь.

Это по какой классификации? И где sloth в русском и уныние в английском? Впрямь начинаю думать, что лень не грех, а национальная русская черта :)))»

Участник *Седьмой сын* (личность, судя по другим обсуждениям, довольно ершистая):

«Кстати, меня очень заинтересовало (маленькое такое) передёргивание. Гордыню заменили на гордость...»

Как видим, полемический задор «форумчан» не всегда идёт рука об руку с познаниями в тех областях, в которых переводчик должен хоть немного разбираться. Вот моя реакция:

«Не совсем понятно, кого Вы обвиняете в “передёргивании”. И вообще Ваша тирада основывается на недоразумении. В традиционной христианской этике (в отличие от секулярной) гордость (pride) осуждается всегда как антоним смирения (humility), и для того, чтобы подчеркнуть это, в русской традиции используется иногда книжное слово гордыня, которое и в обиходной речи всегда употребляется с отрицательной оценкой. В большинстве европейских языков есть только одно слово (pride, orgueil и т.д.), и люди обычно понимают, употребляется ли оно в обиходном или христианско-этическом значении.

Более интересна, конечно, уже отмеченная “нестыковка” уныния и sloth (при совпадении всех остальных смертных грехов в русской и западноевропейской традиции). Этот вопрос для меня до конца не ясен, но нельзя исключать, что какой-то общий корень здесь есть (человек может “опустить руки” и от уныния, и от лени).

Словари подтверждают именно эту трактовку. Webster's Third New International Dictionary даёт в качестве отдельного значения слова sloth – spiritual sluggishness and dejection that constitute one of the seven deadly sins. То есть речь идёт не о «бытовой лени», а именно об унынии. Но интересно, что по-английски всё-таки отдельное слово – sloth, а не laziness, в то время как по-французски – paresse, то же самое слово, что и обиходное, обозначающее лень. Но: словарь Larousse-Chambers в качестве третьего значения paresse даёт (peché capital: sloth). И, видимо, религиозно образованный француз знает, что в определённом контексте под paresse имеется в виду именно «духовная лень» – уныние.

Дискуссия начала переходить на почву лингвистики и перевода. Участник *IBL* написал:

«Мне даже неудобно приводить такой несерьёзный источник, но все же...») Недавно в историческом детективе, описывающем события в Англии в XV веке, мне попалось следующее: “One year and then another, and each worse than the one before, no matter what she did or how hard she tried, so what was the use of trying? But despair was a sin Father Henry had said at the harvest sermon.” Т.е. в английском языке всё-таки

Анализ практики

используется despair? Для справки – автор Margaret Frazer, и у неё серия книг, где главная героиня – монашка. Судя по всему, автор довольно основательно изучила средневековую и монашескую жизнь, и, я думаю, имеет некоторые представления о религии. Хотя, конечно, ещё раз повторю, это не особенно авторитетный источник :)

Ответ оказался мне очевидным:

«Мне кажется, это слово употреблено здесь как обиходный синоним более “специального” слова sloth».

Максим Старчевой сообщил:

«Сегодня под руку попались два словаря.

Азаров А. А. Большой англо-русский словарь религиозной лексики. М. 2004

В статье seven capital [deadly] sins идёт перечисление и sloth переводится как “праздность, лень”. Есть и отдельный вход sloth – леньсть.

Русско-английский словарь религиозной лексики. Руссо, 2002.

Уныние (один из смертных грехов, приводящий к отчаянию; рождается там, где угасает вера в Бога....) – despondency, gloominess.

Леньсть один из семи смертных грехов) sloth, устар. accidie | пребывать в унынии – to eat one's flesh

Грех – sin, trespass, wrongdoing, библ. wrongs, evil, guiltiness.... [далее про семь смертных грехов]... праздность [леность] – sloth.

Странно, но уныние и леньсть здесь, кажется, не приравниваются. Хотя цитаты Pavelpal [это мой «ник» на форуме – П.Л.] вроде бы убеждают нас в их тождестве. Я бы голосовал за тождество, поскольку в обоих случаях проблема в ослаблении воли. Хотя уныние и лень выглядят по-разному».

Мой ответ:

«У меня нет ни того, ни другого словаря; в Англо-русском и русско-английском «Словаре религиозной и возвышенной лексики» Д.И. Ермоловича¹ список смертных грехов даётся в следующем варианте: гордыня, алчность, блуд, гнев, чревоугодие, зависть, праздность. [Учитывая тот факт, что, как согласился в разговоре со мной Дмитрий Ермолович, существует огромный разброс вариантов названий смертных грехов, из которых нельзя одни назвать однозначно правильными, а другие неправильными, в словаре, отличающемся широтой охвата, можно было бы дать все разнообразные варианты]. Однако, на мой взгляд, дающаяся к этому перечню помета катол. слишком сужает сферу учения о смертных грехах. [В том же разговоре Д. Ермолович пояснил, что учение о смертных грехах было разработано в

рамках католического богословия после фактического раздела церквей на западную и восточную ветви. Православная церковь, хотя не отвергает его, не делает упор на такую классификацию.] В цитируемом Вами русско-английском словаре совершенно неправильно включено gloominess – это чисто обиходное слово не относится к христианско-этическому лексикону. Судя по Webster's, как обиходный синоним sloth более приемлемо dejection».

С некоторым опозданием на форуме появился человек (Владимир Демидов), занимающийся этой тематикой профессионально. Приведённая им цитата из The Oxford Dictionary of the Christian Church пролила свет и на происхождение понятия, и на историю «расхождения» наименования одного из смертных грехов в разных языках:

“Accidie (Gk. ἀκηδία, ‘negligence’, ‘indifference’). In its general sense the word is used several times in the Septuagint (e.g. Ps. 119:28, Is. 61:3), but later its meaning was modified to convey sadness, spiritual torpor, and sloth, as in Hermas (Vis. 3.11.3). The conception was first fully analysed by Evagrius Ponticus, and from then on the word became a technical term of Christian asceticism. It figures as one of the deadly sins in the lists of the spiritual writers of antiquity and the Middle Ages. The classical description of it, given by Cassian (Instit. 10.2), depicts it as a state of restlessness and inability either to work or pray. It is treated at length by St Thomas Aquinas (Summa Theol. 2a 2ae, q. 35) and mentioned in the ‘Ancren Riwle’ and the writings of Richard Rolle of Hampole. Accidie is generally regarded as affecting particularly monks and hermits, who are more liable to it than other persons owing to the outward monotony of their life. The term received a new lease of life in England through the influence of F. Paget, who, in his ‘Introductory Essay Concerning Accidie’ in *The Spirit of Discipline* (1891), studied it in a number of ancient and modern authors as well as in its modern manifestations”.

Тем временем в обсуждении возникла «подтема», вновь спровоцированная мною:

«Помимо семи смертных грехов существуют и семь даров Святого Духа – seven gifts of the Holy Spirit: wisdom, understanding, counsel, fortitude, knowledge, piety, fear of the Lord – премудрость, разум, совет, крепость, ведение, благочестие, страх Господень. Накануне старого Нового Года желаю участникам форума изобилия этих даров (а для неверующих – их светских эквивалентов)».

Максим Старчевой не смог сдержать иронии:

«Интересен светский эквивалент страха Господня. В любом случае это стоит взять на вооружение.

¹ Д.И. Ермолович. «Англо-русский и русско-английский словарь религиозной и возвышенной лексики». – М.: «Р.Валент», 2004.

Придаст выразительности любому поздравлению: "Дорогой ..., поздравляю... и желаю побольше страха Господня!" :)»

Как человек нерелигиозный, но плохо воспринимающий усмешки по адресу верующих, я ответил:

«Светский эквивалент страха Господня – это вот как: Неверующему человеку говорят: "Побойтесь Бога!" И он, вместо того, чтобы отвечать: "Да идите вы к чертовой матери, не верю я ни в какого бога", – задумывается».

Максим, однако, высказал предположение, что

«Страх Господень [...] на самом деле не страх, а ещё одна жертва перевода».

Но не был поддержан экспертом (В. Демидовым):

«"Страх Господень" – это именно страх – ну, "трепет", я не знаю, "благоговение", "почтение", но написано-то именно "страх", как ни крути.

Что-то Вам везде жертвы перевода мерещатся... Не так уж все плохо переведено, поверьте! Мне друзья часто говорят: "Вот выучу греческий и еврейский и тогда уж начну понимать Библию по-настоящему!" А я вот выучил, и уже лет десять как переводом Библии занимаюсь, и в Синаодальном переводе могу уйму ошибок показать, и всё равно считаю, что 99% процентов от того, что нужно, человек может из любого нормального перевода получить, не зная ни греческого, ни еврейского».

Правда, тут же он добавил, в постскрипуме:

«Эх, только сказал, что не нужно языков знать, и тут же наткнулся!.. Открыл Исаию 11:2-3, где перечислены эти "семь даров Духа", и вижу:

Даров-то, строго говоря, шесть: "премудрость и разум", "совет и крепость", "ведение и страх Господень". Просто Септуагинта одно и то же выражение, "йират Адонай", "страх Господень", в ст. 2 заменила на "евсевию" – "благочестие", а в ст. 3 оставила как есть – "фобос Теу" ("страх Божий" – ну, "Господа" на "Бога" заменила). Ну и Иероним в Вульгате, соответственно, в ст. 2 написал *spiritus pietatis*, а в ст. 3 – *spiritus timoris Domini*. Вот отсюда и взялся седьмой дар. На самом деле шесть их; "благочестие" и "страх Господень" – одно и то же.

Так что всё-таки иногда языки знать бывает полезно...»

Я, однако, не будучи специалистом в этой области, решил защитить число «семь», и вот что я нашёл на одном довольно авторитетном сайте:

«Семь основных даров Духа Святого в Церкви:

1-й – дар говорения на иностранных языках (обильно проявлялся в первоапостольской Церкви, затем крайне редко; опять будет проявлен во время второй всемирной евангельской проповеди);

2-й – дар изгнания бесов;

3-й – дар исцелений;

4-й – дар управления;

5-й – дар толкования;

6-й – дар чудотворений;

7-й – дар пророчества.

Семь проявлений Духа Святого (по Исаия 11,2):

1 – дух премудрости;

2 – дух разума;

3 – дух совета;

4 – дух крепости;

5 – дух ведения;

6 – дух благочестия;

7 – дух страха Божия.

Здесь же и иные проявления седмиричности (семь Таинств новозаветной Церкви, семь основных добродетелей), и вывод: «Семь – это полнота церковная, и мысль эта известная».

Кстати, вот как сформулированы здесь семь смертных грехов:

Семь основных страстей греховных, с которыми каждому христианину надо вести борьбу:

1 – чревоугодие;

2 – блуд;

3 – сребролюбие;

4 – печаль;

5 – гнев;

6 – уныние (или злое разлечение);

7 – гордость (тщеславие).

Как видим, здесь и иные дары Святого Духа – причём первый – дар говорения на иностранных языках! Впрочем, присутствуют и «те самые» дары (как «проявления Святого Духа»). Ответ Владимира меня вполне удовлетворил:

«То, что в традиции этих даров, или проявлений, семь – это, разумеется, не подлежит сомнению. Я просто имел в виду, что для этого нет основания в начальном тексте. Семёрка получилась вследствие неточного перевода в Септуагинте-Вульгате-Синаодальном. Одно и то же выражение, "йират Адонай", "страх Господень", повторяющееся дважды в Ис. 11:2-3, было переведено по-разному, и оба перевода были включены в список. Плюс свою роль сыграла любовь составителей подобных списков к "круглым" (по библейским понятиям) числам – 7, 10, 12 и т.д.»

Анализ практики

Зато Максима не удовлетворило утверждение Владимира, что «"Страх Господень" — это именно страх — ну, "трепет", я не знаю, "благоговение", "почтение", но написано-то именно "страх", как ни крути». Призвав на помощь авторитет Александра Меня, он ответил пространной цитатой, из которой привожу заключительную часть:

«Есть два страха: один — боязнь возмездия, другой — трепетное благоговение перед Высшим. Если первый может послужить "началом" для грубых душ, то второй — неотъемлемое свойство веры и любви к Богу, из которых рождается воля к добру. Слова Христовы: "Кто любит Меня — тот заповеди Мои соблюдет" указывают на это последнее основание нравственности как форму отношения человека к своему Создателю».

Вот ответ Владимира:

«Было бы неправильно думать, что в еврейском языке якобы существует какое-то особое слово "ира" (точнее "йира"), которое обозначает какой-то особый страх перед Богом, который на самом деле вовсе и не страх, а просто неправильно так переводится. "Йира" — это самый обычный страх; это слово употребляется очень часто, и не только по отношению к Богу, но и в самых бытовых контекстах.

В Библии (во всяком случае, в Ветхом Завете) страх перед Богом всячески поощряется и никогда не рассматривается как нечто отрицательное. По сути, богобоязненность — это синоним религии».

И тут я решился вступить в разговор не совсем лингвистический:

«Я не знаток книг Александра Меня, но пару раз слушал его выступления. Создавалось впечатление, что он склонен придавать Библии "современно-гуманистический" оттенок, как-то "приглаживая" её. Естественно, всякое время трактует любую книгу по-своему, но я согласен с Владимиром: страх — он и есть страх. И в бытовом сознании (в словосочетании "побойтесь бога!") это фиксируется. Ничего плохого я в этом не вижу. Побольше бы этого страха, в прямом и переносном смысле, среди верующих и неверующих».

На что сразу получил полемический удар Максима:

«*Ravelra!* желает всем людям побольше страха, но не хочет говорить, какого. Вероятно, считает, что любовью пойдёт на пользу (с этим трудно поспорить)».

Мой ответ был попыткой вернуться на лингвистическую почву:

«В теологический спор вступать не могу. Я имел в виду "страх", о котором идёт речь в процитированной мной общеизвестной фразе. Смысл её интуитивно ясен».

Тем не менее, спор между Максимом и Владимиром продолжался. Не буду его полностью цитировать (желающим прочитать его заключительную часть даю адрес: <http://forum.lingvo.ru/actualthread.aspx?tid=39333&pg=9>). Скажу лишь, что, на мой взгляд, и лингвистически, и с точки зрения знания Ветхого и Нового Заветов, прав в этом споре Владимир. Но даже не это главное. Важнее другое: тот, кто возьмёт на себя труд ознакомиться с этой дискуссией, по-моему, не пожалеет. Начавшись со ссылки на газетную статью, она позволила её участникам выяснить для себя довольно серьёзные вещи. Важные не только «для языка» (достаточно сказать, что ни в Новом Большом англо-русском словаре под редакцией Ю.Д. Апресяна, ни в англо-русском словаре АBBYY Lingvo соответствия *sloth* — *уныние* нет), но, пожалуй, и «для жизни».

ПРЕЖДЕ ЧИТАТЬ

Читая эту книгу («Антология русских поэтов на французском языке»), чувствуешь, как что-то прибавляется к прежнему представлению о поэтах, и начинаешь верить парадоксу, что для того чтобы понять вполне какого-нибудь поэта, надо прочесть его переведённым на все языки.

(Н.С.Гумилёв)

Норма ненормативного

Ругаемся адекватно

Д.М. Бузаджи

ОТ РЕДАКЦИИ.

Предложенная вашему вниманию статья – одна из первых попыток всерьёз ответить на вопросы, которые переводоведы считали слишком щекотливыми и долго обходили молчанием, что позволяло людям, мало сведущим в переводе, решать эти вопросы «в меру своей испорченности». Разумеется, при первом приближении к теме охватить все её стороны невозможно и отдельные её аспекты остались за рамками статьи. Некоторые члены редколлегии считают, что их отсутствие обедняет содержание статьи, хотя в принципе согласны с её практическими выводами. Поэтому будем надеяться, что это не последнее обращение к обсуждаемой теме.

В связи с этим редакция считает необходимым оговорить следующее. Редакционная политика журнала «Мосты» состоит в том, что мы воздерживаемся от использования в нём слов, которые традиционно принято считать непечатными. Исключения (с использованием звёздочек) делаются лишь в тех случаях, когда это абсолютно необходимо для целей лингвистического анализа. Все публикуемые материалы редактируются с этих позиций.

...Неприличия исследователь языка не знает...
слова «бог», «генерал» и т. п. так же хороши,
как, например, «ж***»

И. А. Бодуэн де Куртене¹

Когнитивный паралич

Предлагаемая читателю статья – попытка с научной точки зрения рассмотреть передачу бранной лексики в переводе. Мы постараемся разобраться, почему эта задача подчас оказывается для переводчиков непростой и чем можно руководствоваться, чтобы как следует её решить. Мы не собирались проводить всеобъемлющее исследование бранной лексики, да это и невозможно сделать в рамках журнальной статьи. Поэтому вопросы происхождения ругательств, их связи с определёнными социальными группами и т.д. будут рассмотрены только в той мере, в какой будет необходимо для достижения целей данной статьи.

Прежде чем говорить о переводе бранной лексики на практике, стоит вспомнить одно

базовое положение из теории. Как отмечали В.Н. Комиссаров, А.Д. Швейцер и многие другие, главным требованием, предъявляемым к переводу, является прагматическая эквивалентность². Иными словами, адекватный перевод должен в первую очередь выполнять ту цель коммуникации, которая была заложена в оригинале. Что касается эквивалентности ситуативной, лексической или синтаксической, то она занимает подчинённое по отношению к прагматике положение. Возможно, это несколько упрощённая трактовка, но необходимую нам суть она передаёт.

² Как пишет А.Д. Швейцер, «В.Н. Комиссаров, безусловно, прав, отмечая ведущую роль цели коммуникации в установлении эквивалентных отношений между оригиналом и переводом. Поскольку цель коммуникации относится к категории прагматических факторов, это равноценно признанию главенствующего положения прагматической эквивалентности в иерархии требований, предъявляемых к переводу». (Швейцер А.Д. Теория перевода: статус, проблемы, аспекты. – М.: Наука, 1988. С. 82)

¹ И.А. Бодуэн де Куртене. Замечания о русско-польском словаре // лексикографический сборник, вып. VI, Академия Наук СССР, отд. ОЛЯ. – М., 1963. С. 143.

Анализ практики

Вот простой пример. Вопрос англичанина "Do you have the time?" можно было бы адекватно перевести как «Который час?». Такой перевод передаёт только цель (прагматику) оригинального высказывания — узнать время. Если выполнить перевод на более высоком уровне эквивалентности³, но без учёта прагматики, то получившаяся фраза — скажем, «У вас есть время?» — будет самым очевидным образом нарушать смысл оригинала. Какая уж тут адекватность! Я не стал бы вдаваться в подробное изложение таких, на первый взгляд, очевидных вещей, если бы соблазн нарушить примат прагматической эквивалентности не был подчас так велик.

Теперь — к нашей теме. Некоторые исследователи различают инвективную лексику, употребляемую с целью оскорбить собеседника, межлометное употребление некодифицированной лексики и сходный по звучанию просторечный вокабуляр⁴. В нашей статье мы, как правило, не придерживаемся этой строгой терминологии и часто употребляем более общий термин «бранная лексика». Впрочем, выделение этих классов имеет для перевода методологическое значение, и об этом речь пойдёт ниже.

Для бранной лексики учёт прагматики особенно важен. М.В. Никитин делит лексические значения на те, что имеют только когнитивное (познавательное) содержание, и те, что кроме когнитивного имеют ещё и прагматическое (субъективно-оценочное) содержание. Говоря о словах, объединяющих в своих значениях оба типа содержания, он выделяет категорию единиц (а относятся сюда среди прочих такие слова, как «дурак», «мерзавец», «дрянь», «барахло»), в значении которых

³ В классификации В.Н. Комиссарова пять уровней эквивалентности: от прагматического (первого) до семантического (пятого). Для достижения адекватности перевод должен выполняться на возможно более высоком уровне эквивалентности, если при этом обеспечивается эквивалентность на всех более низких уровнях. Поэтому слово «высокий» здесь значит «имеющий более высокий номер», а не «более важный» (самый важный уровень, прагматический, является первым, т. е. самым низким).

⁴ См., например, В.И. Жельвис. Поле брани: Сквернословие как социальная проблема в языках и культурах мира. — М.: Ладомир, 2001. С. 13.

прагматический компонент доминирует над когнитивным. «Главное в них, — пишет Никитин, — не то, что обозначается, а его эмоционально-оценочная квалификация, выражение субъективного отношения к нему... Интеллектуальный компонент в таких словах настолько беден и функционально угнён, что с трудом удерживает слова от расползания из своих аморфных референциальных рамок. Прагматическая инфляция здесь приводит слово к когнитивному параличу»⁵.

Таким образом, получается, что, употребляя бранную лексику, мы не столько сообщаем что-то о явлениях действительности, сколько выражаем наше отношение к чему-нибудь или даём выход эмоциям. Жельвис приводит пример с человеком, который восклицает «Б****!», поняв, что опоздал на поезд. Очевидно, что ни о какой женщине легкого поведения здесь речь не идет. При переводе на немецкий странно и неуместно прозвучало бы здесь "Hure!" — грубый эквивалент слова «проститутка». Гораздо естественнее был бы вариант "Scheisse!", значение которого в когнитивном плане соответствует русскому «навоз», «дерьмо».

Таким образом, при переводе бранной лексики главным, а зачастую и единственным критерием эквивалентности является прагматика. Задача переводчика — сделать так, чтобы в переводе брань выполняла ту же функцию и воспринималась бы так же, как и в оригинале, вне зависимости от этимологии ругательства на исходном и переводящем языке.

Эту же мысль высказывает Клиффорд Лэндерс⁶. При переводе бранной лексики он рекомендует подбирать «эмоциональные, а не буквальные эквиваленты». «Попытки перевести бранные слова буквально, — пишет он, — приводят к нелепым, а то и вовсе смешным результатам». И действительно, вряд ли кто-то переведёт непристойное португальское восклицание *porra* как «сперма», или немецкое *warme Brüder* (что-то вроде «голубые») как

⁵ М.В. Никитин. Основы лингвистической теории значения: Учеб. пособие. — М.: Высш. шк., 1988. С. 59.

⁶ Clifford E. Landers. Literary translation: A Practical Guide (Topics in Translation 22). — Clevedon: Multilingual Matters Limited, 2001.

«тёплые братья» (примеры Лэндерса). Такие варианты в принципе не были бы восприняты как ругательства. Жельвис приводит пример сильнейшего итальянского ругательства *Сотито!* («рогоносец»). Здесь дословный перевод (то есть тот, где был бы сохранен исходный образ) прозвучал бы, пожалуй, просто как неумная клевета – бестактно, но не грубо.

Неуловимая прагматика

Конечно, если ругательное слово в оригинале своей внутренней формой слишком сильно отличается от ругательств в языке перевода (как, например, те же *warme Brüder*), то переводчик волей-неволей ищет формально непохожий, но прагматически близкий эквивалент. Гораздо опаснее те случаи, когда эквивалент казалось бы лежит на поверхности. Тогда, попавшись на удочку сходства внутренней формы, переводчик может исказить прагматику оригинала, а следовательно, дать неадекватный перевод.

Взять, к примеру, слова *bitch* (англ.) и *сука* (рус.) Словарь The American Heritage Dictionary of the English Language даёт следующие определения слову *bitch*:

- 1) Самка животного семейства псовых, особенно собаки.
- 2) Оскорбит.
  - a. Женщина, которую считают злой или заносчивой.
  - b. Распутная женщина.
  - c. Мужчина, которого считают слабым или достойным презрения.
- 3) Сленг. Жалоба.
- 4) Сленг. Что-л. очень неприятное и трудное.

Определения *bitch* из словаря Webster's Third International Dictionary в интересующих нас значениях принципиально не расходятся с данной интерпретацией.

А вот как русское *сука* дано в «Большом толковом словаре русского языка» под редакцией С.А. Кузнецова:

- 1) Самка домашней собаки или других животных сем. псовых.
- 2) Грубо. О человеке, вызывающем своим поведением гнев, раздражение (обычно женщине).

Однако, несмотря на всю схожесть этих лексических единиц в английском и русском языках (исходное значение – самка собаки, употребляются как оскорбление для женщин), те функции, которые они выполняют в системах английского и русского языков соответственно, совпадают далеко не всегда.

Следует обратить особое внимание на определение *bitch* под номером 2) а. В этом значении *bitch* смыкается с русской *стервой* и тому подобными словами, попадая в разряд гораздо менее табуированных инвектив. Так, например, в США выходит журнал *Bitch | Feminist Response to Pop Culture*. Позволю себе процитировать то объяснение, которое они дают своему названию у себя на сайте. Слово *bitch* пока оставим без перевода:

С тех пор, как мы начали издавать *Bitch*, нам постоянно задают один и тот же вопрос: «Зачем вы назвали журнал этим словом?» Мы понимаем, что наше название некоторых людей смущает, но все равно считаем, что выбрали его правильно. И вот почему.

Как правило, словом *bitch* пытаются оскорбить женщин, которые говорят открыто, у которых есть свое мнение и которые не боятся его высказывать. Если быть женщиной и говорить прямо значит быть *bitch*, то мы такое наименование считаем комплиментом, спасибо.

У русского *сука* такого значения и употребления нет (как нет его, кстати, и у слова б****, которое можно было бы считать эквивалентом *bitch* в значении 2) в. В применении к женщине *сука* только оскорбляет. Конечно, и то объяснение, которое мы цитировали выше, субъективно. Авторы журнала пытаются придать слову *bitch* некий положительный оттенок, которого там не было. Но то же самое происходит и с нашим *стерва*. В магазинах нетрудно найти россыпи книжонки с названиями вроде «Школа стервы», «Секреты мудрой стервы» и т.п. Здесь тоже в понятие *стерва* пытаются вставить какие-то похвальные – с точки зрения авторов – признаки.

Сама возможность придать слову *bitch* положительное звучание показывает: в культуре англоговорящих стран у этого слова сравнительно низкая табуированность. Подтверждением этому предостаточно: тот же журнал *Bitch*, одноименная песня Меридит Брукс и песня

Анализ практики

Элтона Джона *The Bitch is Back*, футболки со словом *bitch* и т. п. Очевидно, что слово, по своему оскорбительному потенциалу соответствующее *суке*, никогда бы не появилось на обложке журнала. Да и Элтон Джон воспринимается отнюдь не как группа «Ленинград».

В «Лолите» Набокова слово *bitch* в функции оскорбления используется трижды. Интересно, что автор, переводя роман на русский язык, в двух случаях из трёх даёт перевод *стерва* и только один – *сука*: *The Haze woman*, *the big bitch*, *the old cat* – Гнусная Гейзика, голстая *стерва*, старая ведьма; *She did not answer*, *the mad bitch* – Она не отозвалась, сумасшедшая стерва; *To an unsmiling blond bitch of a secretary* – не улыбающейся блондинке-секретарше, паршивой *суке*.

В переводе «Мастера и Маргариты», выполненном Майклом Гленни, восклицание Никанора Ивановича «У, дура проклятая!» передано как “Aaah! You stupid bitch!”. Всё это показывает: слово *сука* для слова *bitch* – лишь один из возможных вариантов перевода, не самый точный и довольно грубый.

Кстати, в предисловии к своему переводу «Театрального романа» Гленни пишет (об Иване Васильевиче как пародии на Станиславского): «Far from being captivated by the great man's legendary charm and theatrical genius, Bulgakov depicts him as a vain, tyrannical old bitch»⁷. Здесь вряд ли будет уместно что-то грубее *брюзги*.

Ещё интереснее рассмотреть пару слов *goat* и *козёл*, когда они применяются к человеку. В общем, оба наименования малоприятные, но есть и различия. Тогда как русское *козёл* – простое и понятное оскорбление, при помощи которого собеседнику выражают нелюбовь и презрение, английское *goat* – заметим, как в Англии, так и в США, – имеет значение «распущенный, развратный мужчина», то есть что-то вроде русского *кобеля*. Кобель, конечно, тоже в каком-то смысле козёл, но разница в употреблении у них существенная.

В 2000 г., принимая в Петербурге Тони Блэра, Путин процитировал ему красочное

изречение чеченских террористов «Аллах над нами, козлы под нами». Фраза не произвела ожидаемого эффекта: Блэр и иностранные журналисты были озадачены дословным переводом *goats*⁸. Как сказано на сайте BBC News, «в переводе оскорбление вышло чуть мягче». От себя добавим – оно не только вышло мягче, но и приобрело неуместную коннотацию⁹.

Из слов Никитина можно сделать вывод, что все слова бранного лексикона одинаково подвержены «когнитивному параличу». Однако это не так. Поэтому встретившись с выражением, которое имеет признаки инвективы или междометного ругательства, переводчик должен определить, во-первых, соотношение в нём когнитивного и прагматического, а во-вторых, степень его «обидности».

Взаимосвязь между первым и вторым существует, но проявляется по-разному. Жельвис предполагает, что реакция на бранные слова, имеющие остаточное когнитивное значение, зависит от воспринимающей аудитории: «В тех подгруппах, где резкая и вульгарная инвектива – распространённое оружие, оскорбительная констатация реального факта производит, как правило, меньшее впечатление... С другой стороны, в той подгруппе, где вульгарные инвективы редки и предпочитают более утончённые вербальные средства, обращение к грубой бессмысленной брани может... и не произвести желаемого эффекта; в то же время даже намёк на какой-то болезненно переживаемый реальный недостаток (происхождение, сексуальные отклонения, физические недостатки и т.д.) способен вызвать очень резкую реакцию»¹⁰.

Интересно, что одни и те же слова в разных аудиториях могут быть восприняты то как пустая брань, а то как инсинуация. В книге «Ларс Порсена, или Будущее брани и непри-

⁸ См., например, *The Moscow Times*, December 23, 2000.

⁹ Ряд словарей русской брани и тюремного арго указывает для слова козёл значение «пассивный гомосексуалист». Возможно, террорист имел в виду именно это. Однако перевод *goat* и в такой интерпретации не годится.

¹⁰ В. И. Жельвис. С. 80.

⁷ M. Bulgakov. *Black Snow* / transl. by M. Glenny. – London: Vintage, 2005. P. 9.

стойного языка», выпущенной в 20-х гг. прошлого века, английский писатель и поэт Роберт Грейвс утверждал, что в употреблении слов *bastard* (когнитивное значение — незаконнорожденный сын) и *bugger* (когнитивное значение — гомосексуалист) есть явные социальные различия. Представители рабочего класса, очень остро воспринимающие обвинения в незаконнорожденности, могут ничего не знать о гомосексуализме, поэтому *bastard* для них — смертельное оскорбление, а *bugger* — ругательство гораздо более мягкое. У знати с её проверенными родословными и престижным образованием все наоборот: здесь уже *bugger* выступает в роли серьёзного обвинения, потому что, как говорит Грейвс, в этих кругах в него поверят скорее (ещё раз напомним, что речь идёт о 20-х гг. прошлого века, а не о современной эпохе).

Что касается перевода, то в этой связи уместно будет упомянуть американское *loser*. Кинопереводчики не первый год убеждают нас, что передавать его следует как *неудачник*. Но здесь, кажется, словарное соответствие в очередной раз сыграло с ними злую шутку, заставив забыть о прагматике. Не вдаваясь в пространные культурологические объяснения, скажем, что для американца, с присущей ему протестантской верой в труд и справедливое вознаграждение за него, *loser* звучит резко. Это никчёмный человек, который растрчивает жизнь впустую и достоин только презрения. Русские *неудачники* часто вызывают сочувствие. Неудачник — это может быть человек, которому не везёт, с которым безо всяких на то причин судьба обходится сурово:

— В качестве друга я журил его... и в ответ на все мои вопросы он горько улыбался, вздыхал и говорил: «Я неудачник, лишний человек», или: «Что вы хотите, батенька, от нас, осколков крепостничества?», или: «Мы вырождаемся...»... Понимайте так, мол, что... виноваты в этом Онегин, Печорин и Тургенев, выдумавший неудачника и лишнего человека... Одним словом, мы должны понять... что причины тут мировые, стихийные и что перед Лаевским надо лампаду повесить, так как он — роковая жертва времени, веяний, наследственности и прочее. (А.П. Чехов. Дуэль)

Здесь «неудачник» используется чуть ли не как оправдание! Нет бы переводчикам

учесть эти различия и дать для *loser* вариант вроде «ничтожество», «бездарь» и т. п., но уж больно соблазнительен словарный эквивалент. Получается, что переводчик не руководствуется нормой и узусом переводящего языка, а пытается подстроиться под англо-американские стандарты, дабы облегчить себе работу. По сути это то же самое, как если бы нерадивые переводчики с итальянского попытались убедить нас, что *рогоносец* — это страшное ругательство.

Соотношение прагматического и когнитивного компонентов и связанный с ним оскорбительный потенциал может со временем меняться. Современникам Вильгельма Завоевателя его прозвище, *William the Bastard*, однозначно говорило только о том, что Вильгельм был незаконнорожденным сыном Герцога Нормандии.

У Диккенса в «Оливере Твисте» проявляется, по-видимому, более жёсткое восприятие этого слова: “Yes,” said Monks, scowling at the trembling boy: the beating of whose heart he might have heard. “That is their bastard child.”

“The term you use,” said Mr. Brownlow, sternly, “is a reproach to those who long since passed beyond the feeble censure of the world. It reflects disgrace on no one living, except you who use it.” (В переводе А. Кривновой здесь уже — «незаконнорожденный ублюдок».)

Сейчас *bastard* почти вышло из употребления в качестве юридического термина, когнитивный компонент его значения сильно выветрился и резкость этой инвективы сильно возросла. На пресс-конференции, состоявшейся после теракта в Беслане, Путин саркастически спросил у иностранных журналистов: «Если вы не считаете возможным вести дела с подобными ублюдками, почему мы со своей стороны должны говорить с детоубийцами?» В статье, напечатанной в газете «Гардиан»¹¹, *ублюдки* переданы как *bastards*¹².

Стерлинг Джонсон даёт — в несколько, правда, легкомысленном тоне — сходную интерпретацию этого процесса:

¹¹ Выпуск от 10-го сентября 2004 г.

¹² Интересно, что по происхождению «ублюдок» имеет сходное когнитивное значение с *bastard* (см. у Даля «помесь двух видов животных»).

Анализ практики

Строго говоря, *bastard* – это внебрачный ребёнок, а *son of a bitch* имеет мать собаку. Но мы не говорим строго – мы общаемся. В наши дни уже не зазорно быть внебрачным ребёнком. А в некоторых сельских районах США не очень-то и зазорно быть отпрыском животного. Так что оба эти слова зажили собственной жизнью¹³.

Похожая история произошла и с нашим словом *сволочь*. В словаре Даля оно определяется как «всё, что сволочено или сволоклось в одно место: бурьян, трава и коренья, сор, сволоченный бороною с пашни; || дрянной люд, шатуны, воршики, негодяи, где-либо сошедшиеся». Хотя переосмысленное оскорбительное значение уже присутствует, внутренняя форма слова ещё вполне заметна, поэтому инвектива звучит относительно мягко. В «Недоросле» Фонвизина кормилица Митрофанушки Еремеевна, вводя учителей недоросля к Правдину, представляет их так: «Вот тебе и вся наша сволочь, мой батюшка». Конечно, отзыв неслестный, но все же Еремеевна не столько оскорбляет, сколько выражает пренебрежение. Кстати, в том же словаре Даля в статье *клёвый* есть слово *клёк* – «самое лучшее, цвет краса чего-л.» и пример – «Тут все народ клёк, отборная сволочь». А вот современный толковый словарь (под редакцией Кузнецова) фиксирует только бранные значения:

- 1) грубо. Скверный, подлый человек; негодяй.
- 2) собир. Дрянные, подлые люди; сброд, подонки.

Здесь, как видим, собирательное значение дано только вторым, т.е. произошёл не только семантический, но и грамматический разрыв с исходным значением.

Переводчику с английского необходимо учитывать и то, с каким территориальным вариантом языка он имеет дело. Так, слово *bastard*, воспринимаемое как ругательство в Англии и в США (хотя и Oxford English Dictionary, и Webster's Third New International Dictionary фиксируют относительно нейтральные употребления), в Австралии считается вполне дружеским обращением, пишет Брайан Белкнэп. В своей статье¹⁴ он рассказывает,

что слово *bloody*, прозвучавшее в реплике Элизы Дулитл, вызвало огромный общественный резонанс в Англии, но не произвело особенного эффекта в Америке. Добавим, что в Австралии, куда это слово было завезено британскими уголовниками в начале XIX в., оно получило широкое хождение и стало вполне «легитимной» лексической единицей. В 1984 г. газета «Сидней Буллетин» назвала его «австралийским прилагательным» и пояснила, что «по сравнению с любым другим, так сказать, цивилизованным народом, австралийцы употребляют это слово гораздо чаще»¹⁵.

Принимать ли близко к сердцу?

Мы постарались как можно убедительнее показать, что никаких раз и навсегда установленных пар соответствий между бранными словами в разных языках нет и быть не может (вообще, это положение верно для абсолютного большинства лексических единиц исходного и переводящего языков, однако здесь оно ощущается особенно остро). Однако пока мы не вполне ответили на вопрос, чем должен руководствоваться переводчик при передаче такой лексики.

Нам представляется, что здесь у переводчика три основных ориентира: **коммуникативный эффект, литературная норма и переводческая целесообразность**. О первом факторе мы уже начинали говорить выше. Собственно, задача переводчика – сделать так, чтобы бранное слово в переводе, во-первых, не потеряло когнитивный компонент своего значения (если он важен), а во-вторых, звучало не мягче и не грубее, чем в оригинале.

Для решения первой задачи стоит вернуться к делению сниженного словоупотребления на инвективную лексику, междометное употребление некодифицированной лексики и просторечный вокабуляр. Соотношение когнитивного и прагматического у слов из этих подклассов разное, а значит разные и стратегии перевода.

Междометная брань не несёт почти никакой познавательной информации, поэтому

¹³ Sterling Johnson. English as a Second F*cking Language. – New York: St. Martin's Griffin, 1996. P. 62.

¹⁴ B. Belknap. #@@@ YOU! – Group, Jan./Feb 2004.

¹⁵ The Cassel Dictionary of Slang – London: Cassel, 1998. P. 109.

при переводе когнитивный компонент такой лексики учитывать не стоит. Перевод расхожего *Damn!* вычурно-старомодным *Проклятие!* исказит речевую характеристику говорящего ради передачи никому не нужной внутренней формы.

Просторечный вокабуляр, наоборот, в первую очередь выражает информацию когнитивного характера, поэтому сохранение предметной соотнесённости в переводе крайне важно. Если в функции междометия *Shit!* вполне можно передать нашим *Черп!*, то во фразе *There's bird shit all over the house* без указания на экскременты обойтись не удастся. Важно помнить об этом, когда то же *shit* употребляется как просторечие, но не в своём прямом значении. Взять хотя бы два примера из книги Джонсона: 1) *That new venereal disease going around is really bad shit* и 2) *That's why I always carry a jar of penicillin with me — it's really good shit*. В первом случае интересующее нас слово можно перелать как *та ещё дрянь*, во втором — как *[пенициллин — это] вещь*. *Дерьмо* ни в первом, ни во втором случае будет не к месту, как бы кинопереводчики ни стремились доказать обратное.

Что касается инвектив, то о них подробно говорилось выше. Соотношение когнитивного и прагматического там может широко варьироваться, так или иначе влияя на оскорбительный потенциал выражения.

Определившись с когнитивным компонентом, переводчик должен решить, какая степень грубости будет уместна для передачи компонента прагматического. Двуязычный словарь в этих случаях — ненадёжный помощник, во-первых, потому, что место бранных слов в системе языка постоянно меняется и словарь всегда будет давать несколько устаревшие сведения, а во-вторых, потому, что в переводе грубой лексики очень многое, если не всё, зависит от контекста. Например, Новый большой англо-русский словарь даёт такие варианты для *bastard* (в инвективном значении): 1. 1) внебрачный, незаконнорождённый ребёнок 2) *груб.* ублюдок 3) *разг.* шельмец; роог ~ бедняга; lucky ~ счастличик; ≈ повезло подлецу! Однако Жельвис «приблизительным русским соответствием» этого

слова называет *выб**док* (С.69), хотя дальше в качестве перевода фигурирует и *козёл*. *Ублюдок*, *выб**док*, *шельмец*, *подлец*, *козёл* — всё это очень разные варианты, каждый из которых предполагает и свой уровень грубости, и свой стиль общения, и массу других факторов коммуникативной ситуации, а ведь список возможных вариантов далеко не полон.

Гораздо более верная стратегия — искать в языке перевода функциональное соответствие, а для этого надо понимать, насколько оскорбительным считается то или иное выражение вообще и какую роль оно играет в данном контексте. Чтобы определить, как воспринимается данная инвектива в культуре оригинала, переводчик может обратиться за советом к носителю языка (если носитель от таких вопросов не слишком смутится), почитать соответствующую литературу или проанализировать типичные контексты употребления того или иного бранного слова на исходном языке.

В 1972 г. американский комик Джордж Карлин выступил с монологом «Семь слов, которые нельзя говорить на телевидении». Построен он был на эпатажном использовании слов *shit*, *piss*, *fuck*, *cunt*, *cocksucker*, *motherfucker* и *tits*, которые действительно были недопустимы в американском телерадиовещании. Позже Карлин добавил в этот список *fart*, *turd* и *nvat*, а затем и многие другие выражения. Впрочем, расширился список не потому, что нравы стали строже, а, скорее, потому, что репертуар надо было обновлять.

Тогда на радиостанцию, где прозвучала несколько видоизменённая версия этого номера, подали в суд. В итоге Федеральная комиссия по связи США было предоставлено право запрещать передачи с такой лексикой, если они выходили в «детское» время.

С тех пор утекло много воды, и в уже упоминавшейся нами статье 2004 г. Брайан Белкнэл пишет о том, что трудно научить пристойному языку детей, которым монолог Джорджа Карлина кажется старомодным курьёзом. Вот довольно обширная цитата из книги Жельвиса:

В США в настоящее время значительная часть «непечатного» лексического пласта, так сказать,

Анализ практики

«вышла в печать». Современные романы, рассказы, поэмы, посвящённые сегодняшнему дню, буквально наводнены словами, которых совсем недавно ещё тщательно избегали или, в самом крайнем случае, обозначали первой и последней буквами.

Такое положение отражает ситуацию в устной речи. Так называемые «слова из четырёх букв» или «f-words» («damn», «fuck», «prick», «cunt», «lits» и т. д.) покинули бары и казармы и теперь употребляются в беседе за ресторанным столиком, лишутся на бамперах автомашин, выкрикиваются хором болельщиков на стадионах, регулярно произносятся в передачах по телевидению и в кинофильмах. За особую плату вы можете заказать сомнительное сочетание букв даже на номере своей автомашины или на майке. Имеются данные, что каждое 14-е слово в современной английской разговорной речи носит в той или иной мере резко сниженный характер... Английское слово «damn» входит в первые 15 наиболее употребительных слов, а некоторые другие примерно такой же резкости или грубее – в первые 75 слов...

Пятьдесят процентов бранных слов, которые можно услышать в общественном месте в США, составляют только два слова «fuck» и «shit»...¹⁶

Как видно, слова, ещё тридцать лет назад считавшиеся глубоко оскорбительными, проникают в повседневный язык самых разных слоев общества и отношение к ним всё более терпимое. Пит Мэй в газете «Гардиан» приводит слова Сюзан Хэйман, пресс-секретаря организации «Пэрентлайн», предоставляющей бесплатные консультации для родителей. Хэйман рассказывает, как повела своего 11-летнего крестника на американские горки и перед самым началом аттракциона сказала ему: «Вот сейчас ты узнаешь, когда уместно сказать “Oh shit”»¹⁷.

Конечно, такие слова, как *fuck*, довольно грубы и даже весьма раскованные американцы, как правило, избегают их употреблять в присутствии родителей, учителей или начальства, но собранные примеры показывают, что по степени табуированности они не дотягивают до русского мата. Однако многие и многие радуются за чистоту перевода, проявляющие нездоровый интерес именно к скоромному лексикону, с этим не согласны:

¹⁶ В.И. Жельвис. С. 137.

¹⁷ P. May. Just you mind your language. If your little princess starts swearing like a trooper, how you react can make all the difference – The Guardian, February 2, 2005.

• «Слово *fuck* на русский язык можно переводить по-разному – зависит от контекста. Но перевод всегда должен содержать мат, так как *fuck* – это матерное слово».

• «Если в сценарии, в идее фильма, герой должен сказать “*Fuck*”, то это слово должно быть переведено на соответствующий мат русского языка».

• «Я уже давно, кстати, задумываюсь; когда у нас будет адекватный мат в переводе. У американцев всевозможные *fuck*, *cunt* и тому подобные ругательства встречаются уже даже в детских комедиях, а у нас пока вот разродились всего лишь на несколько стеснительных “бля”».

Такие мнения в Интернете да и в личных беседах высказываются сплошь и рядом, причем, как правило, говорящие не утруждают себя хоть сколько-нибудь убедительными доводами. На каких основаниях ставится знак равенства между русским матом и английской бранной лексикой – этот вопрос никого не интересует, главное – авторитетно настаивать переводчиков на путь истинный.

Показательна последняя из этих интернетовских цитат. Говорящий признает, что американские ругательства попадают в детских комедиях. Из этого наблюдения логично было бы вывести, что не так уж резка эта брань, раз встречается в таких контекстах, однако наш соотечественник недоумевает, почему до сих пор её не переводят трехэтажным матом. Но если мы подчинимся этому требованию, то автоматически запишем американцев в патологические грубияны, сочтём их людьми, не стесняющимися материться при детях.

Разумеется, было бы смешно отрицать, что и в английском языке есть действительно грубые слова и выражения, которыми можно не на шутку обидеть адресата. Так, например, *cunt*, судя по тому, что говорят носители языка американцы, гораздо грубее, чем другие «семь слов», и по уровню табуированности приближается к русскому мату. Но дело не в том, что есть какие-то «самые-самые» ругательства, которые по ядрённости превосходят известный нам набор. Иногда в одной культуре звонкую пощёчину общественному вкусу наносит то, что в другой культуре с трудом сошло бы за инвективу. «Сейчас нас возмущают совсем другие вещи, – говорит преподаватель

лингвистики Донна Джо Наполи из Суортморского колледжа. — Нас, например, очень задевают расистские высказывания»¹⁸. Кстати, косвенно это подтверждает и Джеффри Хьюз, когда пишет, что в современную эпоху в суд скорее подадут из-за расистских высказываний, чем из-за оскорблений с сексуальным подтекстом¹⁹.

Брань и литературный стандарт

Теперь второй фактор — литературная норма (которая распространяется не только на книги, но и диалоги из фильмов и другие тексты, основная функция которых — эстетическая). Общеизвестно, что между устной и письменной речью существуют большие различия. Даже самые непринуждённые диалоги героев проходят определённую литературную обработку: иначе они были бы весьма невразумительны. Кроме того, всякая развитая литературная традиция обладает своими подходами к передаче тех или иных особенностей речи, в том числе и к вульгарным её проявлениям. Французские переводчики XVIII века, например, считали варварски грубыми слог Шекспира и Сервантеса и не стеснялись «облагораживать» их тексты в переводе²⁰. Конечно, произвол переводчиков-«украшателей» остался далеко в прошлом, однако разница литературных норм никуда не исчезла. То, что допустимо в литературной традиции исходного языка, не может переводиться средствами, недопустимыми в традиции переводящего языка.

Проведём эксперимент. Возьмём насыщенный инвективной лексикой, но в целом популярный и принятый массовой культурой современный американский фильм и сравним его с отечественным фильмом, который отвечает тем же требованиям. Думается, на роль американского образца вполне подойдёт какой-нибудь из фильмов Квентина Тарантино,

скажем, «Криминальное чтиво». На роль русского «эквивалента» возьмём фильм «Жмурки» Алексея Балабанова, режиссера «Брата» и «Брата-2», снискавшего славу «русского Тарантино». Конечно, в этом сравнении много натяжек, но в целом, как нам кажется, оно небеспочвенно. И у Тарантино, и у Балабанова в фильмах много насилия, которое подается с ироничным цинизмом и поражает своей обыденностью. И там и там главные персонажи — бандиты, убийцы, уголовники, причем гротескные, то есть речевые образы и коммуникативные ситуации сопоставимы.

«Криминальное чтиво» обрушивает на головы зрителей целый поток сомнительных выражений вроде:

- I sound like a sensible fucking man.
- You're a smart motherfucker.
- Oh man, I'm going. That's all there is to it. I'll fucking go.
- They get the metric system They wouldn't know what the fuck a quarter-pounder is.
- They're fucking drowning 'em in this shit.
- I think you're gonna find yourself one smiling motherfucker.
- I thought you told all those fucking assholes never to call here this late.
- If she croaks on me I'm a fucking grey spot.

Грубо? Без сомнения. Но вот насколько грубо — это вопрос. Выше мы уже ссылались на Жельвиса и американских исследователей. Приведем еще одну цитату.

Similarly, an American might toss off something like "Yeah, I read it. It was a f***** lousy article." The literal Russian would be vastly stronger than the English, so you might say instead "Да, читал. Статья была чертовски плоха"²¹.

Надо сказать, что автор ее, Мишель Берди, — американская переводчица, долгое время живущая в России и занимающаяся, кроме переводов и журналистской деятельности, связями с общественностью. Этого человека трудно заподозрить в незнании русского (или английского) языка, устаревших взглядах или ортодоксальных представлениях о речевом этикете.

²¹ Берди М. Попытки переводчицы. — Мосты № 1, 2004. С. 42

¹⁸ M. O'Keefe. Foul words permeate pop culture lexicon, eliciting a backlash. — Christian Century, April 6, 2004.

¹⁹ G. Hughes. Swearing. A Social History of Foul Language, Oaths and Profanity in English. — London: Penguin Books, 1998. С. 7.

²⁰ См. В.Н. Кошиссаров. Введение в современное переводоведение. — М.: ЭТС, 2002.

Анализ практики

Язык «Криминального чтива», конечно, вызвал в Америке резонанс. Но не столько качеством бранной лексики (основой большинства ругательств здесь служит *fuck*), сколько её количеством. По логике вещей, от русского перевода фильма можно было бы ожидать непривычно плотного скопления типичных для телеэкрана ругательств. Однако в одном варианте перевода, широко доступном и весьма популярном в определённых кругах, эти выражения предлагается перевести так:

- Я похож на ох**** о разумного парня!
- Умный, е* твою мать.
- Ох****ь! Я б туда сразу переехал.
- Они вообще ни х** не понимают, что это такое – четверть фунта.
- Заливают всё к е**ням этим говном.
- Думаю, ты поймёшь, что всё хорошо и будешь б****, улыбаться сам себе из зеркала.
- Я думала, ты говорил всем этим е**ным му****ам, чтобы они не звонили так поздно.
- Если она при мне завернёт ласты, мне просто п****ц.

Надо полагать, именно таких откровений ждуг авторы тех интернетовских цитат, которые я приводил выше. Теперь посмотрим на язык «Жмурок». Он тоже, конечно, изобилует выражениями, не принятыми в приличном обществе, но в целом гораздо мягче и изобретательнее. Из самого грубого – *сука* (*сучата*) (7 раз), *ид**ас* (1 раз), *м**ила* (1 раз) и *падла* (2 раза)²². А так персонажи все больше обходятся словами полегче: *ж**а*, *козёл*, *урод*, *твою мать*, *гад*, *тварь*, *дерьмо*. Встречаются и такие оригинальные инвективы, как *Судак ты белоглазый, отмороженный!* или (неудачливому архитектору) *Ну вот и все! Карачун тебе, Церетели!*

Нетрудно заметить, что альтернативный перевод «Криминального чтива» по заливчатости паяного опережает и без того провокационные «Жмурки». Обратим внимание и на то, что если в «Жмурках» самая силь-

ная брань припасена для критических ситуаций (скажем, кого-то убивают), то в переводе «Криминального чтива» персонажи на мате общаются даже в самых невинных сценах.

Интересно, чем руководствовался и к кому прислушивался альтернативный переводчик «Криминального чтива», наделяя персонажей такой речью. Филологи, переводчики, носители английского языка ему, как видно, не указ. На сопоставимые русскоязычные произведения (где никак не мог сказаться «ложный стыд» переводчиков) он не обращает никакого внимания. Тогда чего же вы хотите, господа альтернативные переводчики и их почитатели? Как говорила секретарша из «Служебного романа», откуда вы набрались этой пошлости? Если из дословных словарных переводов вкупе с буйной фантазией, то это несерьёзно, и об этом мы уже говорили, обсуждая прагматику. Недавно Рассел Кроу запустил телефоню в порты, который в ответ на настойчивые просьбы знаменитого постояльца соединить его с Австралией бросил ему *Whatever*. В словарях *whatever* переводится как *что бы ни*. Именно такой вариант перевода можно посоветовать тем, кто игнорирует реальное употребление языка и, завидев *fuck*, норовит вставить в текст слово позабористей.

Кстати, в 2004 г. в Америке вышел телесериал «Дедвуд» (*Deadwood*) о жизни американских пионеров на Диком Западе в конце XIX в. Язык персонажей в этом кино заметно отличается от стандартов традиционных вестернов. Так, в первой серии слова *fuck* и *fucking* употребляются 43 раза. Конечно, отношение зрителей и критиков к такому «лексическому прорывству» (выражение Вен. Ерофеева) неоднозначное. Однако споры во многом идут не о грубости языка в «Дедвуде» как таковой, а об исторической точности. В целом же фильм принят нормально, причём если зрителей что-то и возмущает, то, скорее, не сами бранные слова, а их концентрация. Кроме того, фильм получил пять наград «Эмми», а один из актёров за роль в нём был награждён «Золотым Глобусом». Можно представить себе, как общественность отреагировала бы на российский сериал с матерщиной, да ещё в таком количестве.

²² Для сравнения – в «Криминальном чтиве» слово *fuck* использовано около 250 раз (разные источники приводят разные цифры, но разброс небольшой).

Конечно, не выдерживает критики и тот аргумент, что раз в оригинальном фильме ругается бандит, то и в переводе он должен изъясняться, как русский бандит. Есть большая разница между тем, как говорит реальный преступник и тем, как его речь принято изображать в кино и литературе («Жмурки» — тому лишнее доказательство). О различиях между действительностью и миром литературы написано хорошо и много, так что повторять здесь это не имеет смысла.

Ещё поклонники крепкой словесности любят ссылаться на общество: раз все вокруг матерятся — утверждают они, — то почему переводчикам нельзя? Во-первых, как мы уже говорили, фразы с улицы, если их не подвергать литературной обработке, годятся разве что для филологического исследования, но никак не для художественного текста. Работа «Русская разговорная речь. Фонетика. Морфология. Лексика. Жест» изобилует примерами вроде «Вообще наверно если так серьёзно этим заняться/ то это может просто быть какой-то даже специальной задачей/ во всяком случае большое место можно этому уделять//»²³. Стопроцентно подлинный образец разговорного русского языка. Но только в печатном виде фраза звучит дико и на редкость невразумительно. Вообще, непреходящий характер печатных текстов и диалогов в кино накладывает на их авторов более жёсткие ограничения. Это не устный разговор, при котором часть информации проходит незамеченной, а многие шероховатости сглаживаются за счёт экстралингвистических факторов.

Во-вторых, если большинство говорящих по-русски людей в той или иной степени использует мат, это совсем не значит, что его будут рады слышать по телевизору. Интересную статистику можно найти в книге «Социологические наблюдения (2002–2004)», выпущенной Фондом «Общественное мнение». Как следует из опросов, несмотря на то что матерится большинство населения России, 92% россиян убеждены, что такой язык совершенно недопустим в СМИ. Ничего удивительного: порнографию тоже резко осуж-

дают и по телевизору не показывают, хотя содержанием порнографических фильмов, казалось бы, никого не удивить.

Странно, правда, что люди, которые попытались бы протащить в массы порнографию, прослыли бы за пошляков, а поборники матерной «порнографии» почему-то метят в «первопроходцы». Да вот только не по чину берут. Мало-помалу закрадывается подозрение, что сторонники такой «либерализации» переводов вовсе не радеют за адекватность, а поддаются под влияние того, о чём пишет В.В. Колесов, заведующий кафедрой русского языка Санкт-Петербургского государственного университета:

Подобное жеребячье восхищение русским крепким словом характерно для многих, нечутких на русское слово, людей. Чем-то оно им близко по мироощущению и по собственным их природным задаткам. Только в таком слове и через него они способны углядеть богатство и мощь языка, в котором им волей судьбы довелось существовать, поскольку родного они не знают, а английский поспешно учат, чтобы не отстать в корьере²⁴.

Ален Делон не пьёт одёколон

Впрочем, учитывать прагматику конкретного высказывания и литературную норму мало. Переводчик должен понимать, зачем он использует бранные слова и как они соотносятся с текстом перевода в целом.

В своё время роман Тома Шарпа "Wilt on High" вышел под названием «Звёздный час Уилта» в переводе В.К. Ланчикова. Не так давно то же самое издательство подготовило «новую редакцию» этого перевода (название поменялось на «Уилт на высоте»). Редактор по каким-то одному ему вдумомым соображениям изменил перевод отдельных фраз, уделив, что интересно, основное внимание бранному вокабуляру. Переводчик о новой редакции ничего не знал и повлиять на правку никак не мог.

Типичный пример:

Т. Шарп: "Shit," muttered the Principal.

В. Ланчиков: — Вот скотина, — буркнул ректор.

Новый редактор: — Б****, — буркнул директор.

²³ Русская разговорная речь. Фонетика. Морфология. Лексика. Жест. — М.: Наука, 1983. С. 23

²⁴ В.В. Колесов. «Как наше слово отзовется...». — СПб.: «Иван Фёдоров», 2001. С. 288

(Надо заметить, что звёздочки поставлены нами.) Ничего себе: ректор колледжа матерится на совещании! Может быть, это какой-то на редкость грубый ректор? Может, это не либеральничаящий интеллеktуал, который позволяет себе нарушать нормы протокольного языка, а самый настоящий хам? Не похоже. Чуть раньше на том же совещании он выражается так: «Спасибо вам, Уилт, удружили» и «Я надеюсь, у нас доверительный разговор и я могу быть предельно откровенен». Трудно себе представить, что через минуту этот человек буркнет: «Б****». Не ректор, а какой-то доктор Джекилл и мистер Хайд.

Объяснить такую двуликость просто: новый редактор заменил *скотину* на б****, не обратив внимания на то, что все остальные реплики ректора перекочевали из прошлой редакции без изменений, а заданный в ней тон позволял ректору ругнуться «скотиной», но никак не сильнее.

Получается, новый редактор сел в луку дважды: сначала переоценил бранный потенциал слова *shit* (см. выше), а затем разрушил цельную речевую характеристику персонажа.

Из той же серии:

Т.Ш.: "No, the thing that really upset him was being told to go and fuck himself by a drunken lout in Motor Mechanics Three. And Wilt, of course."

В.Л.: – А тут ещё какая-то пьяная морда, автомеханик с третьего курса, послал его на... Ну и, конечно же, Уилт подсуропил.

Н.Р.: – Но по-настоящему расстроили его какой-то пьяный жлоб из третьей группы автомехаников – отправил его на х**, – ну и, конечно же, Уилт.

Раз новый редактор не ограничился эллигитическим *послать на...* и недвусмысленно указал, куда именно, стало быть, он счёл выражение *go and fuck himself* настолько грубым, что не видел способов обойтись в переводе без мата. Какое-то время он вполне последователен: *вместо этого проходимца Генри Уилта (Henry fucking Wilt)* он вставляет *Генри-б****-Уилта*. Да, получилась пресстранная конструкция, которая удивила бы, думается, даже завязтых матерщинников. Но на каких жертвы не пойдёшь, чтобы не унустить ни капли грубости оригинала!

Тем более странно, что через пару страниц новый редактор забывает о чудовищном инвективном потенциале слова *fuck* и оставляет в переводе фразы "*Fucking awful is all I know*" вариант Ланчикова со словом *хреново*.

Тот альтернативный перевод «Криминального чтива», который мы цитировали выше, и то логичнее. Люди, которым так не хватает мата на экране, будут слушать его и радоваться: ни одной фальшивой нотки! А новая редакция «Звёздного часа» вышла кособокой. Прочитав её, одни скажут, что ректоры не говорят б****, а другие начнут возмущаться, что вот опять их кормят *ведьмами* (у Шарпа – *old bitch*), а *старыми суками* наслаждаются только счастливые англичане с американцами.

Не очень пронизательные скептики могут, правда, предположить, что переводчик плохих слов вообще не знает или по морально-этическим соображениям их сторонится. Оттого и цельность в переводе. Но это отнюдь не так. Скажем, *fucking homosexual* у него переведено как *ни**р вонючий а balls* превратилось в *хрен моржовый*. Однако, в отличие от самовыражений нового редактора, ни то, ни другое не режет глаз. Реплики, в которых встречаются вышеупомянутые слова, произнесены персонажами в минуту крайнего раздражения и перевод их соответствует тому уровню резкости, который русскоязычный читатель в данном случае ожидает.

В заключение – ещё один небольшой пример. В четвёртом томе «Войны и мира» Кулузов, обращаясь к солдатам, говорит о французах: «А и то сказать, кто же их к нам звал? Поделом им, м... и... в п...» Чуть дальше Толстой называет это «стариковским, добродушным ругательством». Существует много переводов «Войны и мира» на английский. Констанс Гарнетт и Розмари Эдмондс передают эту фразу как «It serves them right, the b— b—s!». Э. и Л. Мод выписывают полностью – *the bloody bastards*. А вот в недавнем переводе Энтони Бриггса читатель найдет: "They asked for it, the fucking bastards!"

Интерпретировать такой вариант можно двумя способами. Либо переводчик дал

точный на сегодняшний день эквивалент, и тогда любителям скоромной словесности стоит запомнить, что *fucking bastard* — это всего лишь «стариковское, добродушное ругательство», а не запретный английский «мат», как им вообразалось. Либо перевод вышел ядренее оригинала. Но и в этом случае вряд ли такое уважаемое издательство, как Penguin, выпустило бы перевод «Войны и мира» с матерящимся Кутузовым. Все-таки пометы «гоблиновский перевод» на обложке я не заметил.

В переводе нет запретных — ради запрета — слов, но любое переводческое решение, как и общая переводческая стратегия, должно

на чём-то основываться и служить конкретным целям. Причём крепкое ругательство, как и любое сильнодействующее средство в любой сфере жизни, должно применяться с особой осторожностью, потому что последствия неоправданного использования здесь могут быть самые неприятные. Если переводчик настаивает на употреблении в переводе нецензурного слова, то должен отдавать себе отчёт, зачем он это делает, какого эффекта хочет достичь и насколько это согласуется с устоявшейся практикой для данного типа текстов. Иначе получится примитивная брань ради брани.

ПЕРЕВОДЧИКИ

Культура подаёт апелляцию

(«Шпигель», № 49, 5.12.2005, с. 183)

Даже роман Джона Апдайка может превратиться в посредственную книгу, если его переведёт на немецкий язык посредственный переводчик. Поскольку труд переводчиков по установившейся традиции не получает достойного вознаграждения, их профсоюз в настоящее время оспаривает одно судебное решение за другим.

Издательница Антье Кунстманн предвидит «разорение всех издательств, издающих книги в твёрдой обложке», если будет реализовано последнее решение Мюнхенского суда в споре о достойном переводческом гонораре. Помимо постраничного вознаграждения (13–20 евро за страницу) переводчикам, согласно этому постановлению, полагается доля в размере 1–2% от выручки с продажи произведения иностранного автора. Кроме того, издательства обязаны выплачивать им 25% дохода, полученного от переуступки прав на вторичное использование произведения. Такая установка будет иметь самые болезненные последствия для издательств, не выпускающих самостоятельно карманные издания, и частично финансирующих свою предпринимательскую деятельность за счет продажи лицензий. Речь здесь идёт как о лицензиях на выпуск карманных изданий, так и на перепечатку в газетах и создание радиоверсий.

Никто не спорит, что переводчики, зарабатывающие в среднем в месяц две-три тысячи евро брутто, не относятся к числу высокооплачиваемых членов общества. Но с другой стороны, аргументирует г-жа Кунстманн, издательству от дохода с выпуска карманного издания в 50000 евро, за вычетом авторского гонорара (60%) и 25% переводческого вознаграждения, останется всего-навсего 7500 евро — на покрытие всех затрат, привлечение новых, ещё не известных публике авторов и компенсацию риска неизбежных неудач.

Даже крупные писатели, — говорит Дирк Штемпель, руководитель лицензионно-правового отдела издательства Ханзер — после выдающегося успеха тоже могут не дотянуть до большого тиража своей следующей публикации. Оправдав себя в прошлом формула выживания издательств — одна треть книг приносит убытки, другая треть ограничивается самокупаемостью, а последняя треть покрывает все остальные затраты — в будущем окажется неприемлимой. Рассуждение суда о том, что издательства смогут взыскать затраты с авторов, он назвал «наивным». Большинство иностранных авторов представлены на рынке агентствами, которые ни под каким видом не намерены поступаться гонорарами. Остаётся лишь надеяться на благоразумие апелляционной инстанции.

Никто не виноват... Но что делать?

Е.К. Масловский

«...Пока мы имеем ситуацию, когда немцы пытаются втолкнуть нам свои традиции по европейским ценам, а перевод заказать по ценам в два раза ниже, чем в Мюнхене. Только у меня при этом возникает какое-то ощущение, что за туземцев нас воспринимают, с которыми можно стеклянными бусами расплатиться».

Мнение автора по имени Explorer, высказанное на форуме «Города переводчиков».

Особенности национального рынка переводов

Взятые мною для эпиграфа слова принадлежат, как я понял из диалогов на форуме, руководителю достаточно крупной переводческой фирмы, которая придаёт первостепенное значение качеству выпускаемой ею переводческой продукции и поэтому предпочитает работать лишь с высококвалифицированными техническими переводчиками, имеющими необходимый уровень профессиональных знаний в соответствующей предметной области.

Однако на том же переводческом форуме я увидел ещё и очень лаконичное и точное определение нынешних особенностей национального рынка переводческих услуг в области технического перевода, которое дал **переводчик**, выступающий под именем *Alex*:

«...массовый рынок перевода в России напоминает вьетнамский вещевой рынок начала 90-х. На нём доминируют малоплатёжеспособный спрос и низкое качественное предложение. На этом рынке переводчики – поневоле (а то и нет) – универсалы. На этом же рынке "живут" и бюро переводов (в большинстве), "загрывая" его верхнюю, наиболее платёжеспособную часть».

Под «малоплатёжеспособным спросом» автор этого высказывания наверняка подразумевает постоянно растущий спрос, формируемый основной массой заказчиков, которые

стремятся получить нужный им перевод как можно дешевле и (понимая это) не выдвигают каких-либо внятных требований к его качеству. В этом секторе рынка переводов господствует цена для заказчика – от 4 до 6 центов за слово и оплата переводческого труда – от 1 до 3 центов за слово. Работающие в этом секторе поставщики переводческих услуг – мелкие переводческие фирмы, располагающие довольно большим контингентом внештатных переводчиков, но не выполняющие крупных проектов по причине низкого уровня автоматизации технологического процесса.

К числу их заказчиков можно отнести, в частности, многочисленные иностранные фирмы, выходящие со своей продукцией на российский потребительский рынок и вынужденные в силу действующего в России законодательства представлять соответствующую обязательную документацию (скажем, инструкции для потребителей их продукции) на русском языке. Именно в этом секторе предложение значительно превышает спрос вследствие невысоких требований к качеству перевода со стороны невзыскательных заказчиков, которые могут легко отыскать другого исполнителя взамен чересчур несговорчивого. В конечном же итоге сотни тысяч счастливых обладателей «навороченного» мобильного, перелистывая переведённую инструкцию,

вынуждены будут гадать, что же такое «мягкие кнопки» (soft keys). А пользователям какой-нибудь «самой-самой» электробритвы будет суждено лишь на практике убедиться в её неспособности к работе напрямую от электрической сети (поскольку какой-то переводчик-универсал просто «забыл» перевести слово cordless).

Не отличаются особой требовательностью к качеству и бюро переводов (БП), работающие в этом секторе, – видимо, по причине отсутствия в них надлежащей системы выходного контроля качества. Чтобы убедиться в этом, достаточно взглянуть на представленные ниже фрагменты перевода, признанного одним из известных БП своей готовой продукцией (*курсив – мой*):

...в тысячах милях от корабля (*следовало написать «в тысячах миль»*);

...установка канала связи (*это об установлении радиосвязи*);

...система интерфейса человек-система (*тавтология*);

...дистанционно расположенный персонал (*находящийся на удалении от рассматриваемого объекта*);

...работающий удаленно (*работающий в дистанционном режиме*);

...общение голосом (*речь идет о голосовой почте*);

...средством общения является общий доступ к цифровой «доске для рисования» (*общий доступ – это не средство общения; а «доска для рисования» – явная терминологическая ошибка*);

...для работы этих функций (*то есть для реализации имеющихся функциональных возможностей*);

...в конфигурации компьютера, на котором исполняется система, задано более ста журналов (*полная бессмыслица, недопустимая для носителя русского языка*);

...информация из избыточной сети, включающей четыре контроллера процесса двух разных типов (*поди догадайся, что на самом деле речь идет о дублированной сети; слово «включает» несёт в себе двусмысленность, а «два разных типа» – непонятно чего: контроллеров или процесса*);

...это может привести к значительной экономии (*всё равно что «нанести большой экономический эффект»*);

...простой корабля на время ожидания запасных частей (*так по-русски не говорят*);

...прокси-сервер протоколов (*неверный перевод, так как сервер не обрабатывает, а реализует протоколы*).

Подобные примеры в изобилии присутствуют в интернете на сайтах самих БП (не замечающих собственного брака) как образцы выполненных переводов. Значит, неспроста возникла в переводческой среде твёрдая убежденность, что БП, берущие с заказчика 10 долларов за страницу и не могущие платить переводчику больше 5, просто не способны выпускать более дорогой переводческий продукт высокого качества, так как в принципе не знают, «что такое хорошо и что такое плохо». Отсюда может следовать только один вывод: подобные фирмы часто занимаются не своим делом, чем способствуют сохранению «тяжёлого, но стабильного» состояния большого рынка переводческих услуг по техническому переводу. Именно такие фирмы убедили основную массу «профи»¹, что качество технического перевода должно быть таким, какое устраивает заказчика, хотя на самом деле основную роль должен играть уровень качества, нужной конечному потребителю.

Для сравнения полезно привести данные, сообщённые недавно на форуме «Школа технического перевода» Ассоциации лексикографов Lingvo (www.lingvoda.ru/forum)²:

западные агентства, выпускающие ещё худшие переводы на русский язык, берут с заказчика не менее 35 у.е. за страницу, платя переводчикам 25 у.е., и в немецко-русской языковой паре это считается демпинговой планкой...

«Наиболее платёжеспособную часть» на российском рынке составляют серьёзные зарубежные компании, дорожающие своей деловой репутацией и хорошо понимающие, что некачественный перевод может стать для них кривым зеркалом, способным отпугнуть потенциальных клиентов. Часто именно такие фирмы заказывают и срочные переводы «проверенным в деле» исполнителям, обжёгшись поначалу на дешёвых «универсалах» и потеряв дорогое время. В этом секторе переводческого рынка заказчики платят БП *от 6 до 10 центов*

¹ Масловский Е.К. Блеск и нищета научно-технического перевода. – «Мосты», № 2, (5) 2005.

² Совместный проект Союза переводчиков России и хорошо известной в переводческом сообществе российской компании ABBYY Software Ltd.

Проблемы технического перевода

за слово (то есть от 15 до 25 у.е. за страницу), из которых до переводчика доходят обычно 3–4 цента³. Работающие с такими заказчиками БП имеют компьютеризованную систему управления проектами, своих штатных корректоров, верстальщиков, редакторов и переводчиков, которые проводят жёсткое тестирование потенциальных внештатных исполнителей. Параллельно они проводят что-то вроде «доброчения без отрыва от производства» принимаемых новых «штатников», поскольку даже выпускники языковых вузов (переводчики «по диплому») оказываются неподготовленными к самостоятельной переводческой работе, ибо в «университетах» этому не учат. Такие БП могут выполнять переводы технической литературы и документации любого объема по своему профилю специализации, набирая под эти просьбы «профильных» внештатных технических переводчиков, способных обеспечить требуемый уровень качества.

Есть и ещё один сектор рынка технических переводов – это «фрилансеры», работающие напрямую с зарубежными фирмами. В этом секторе размер оплаты высококачественного и переводческого труда колеблется от 8 до 16 центов за слово (от 20 до 40 у.е. за страницу). Такие переводчики составляют абсолютное меньшинство и обычно образуют автономные группы, в которых один из наиболее опытных фрилансеров выполняет функции координатора, взаимодействующего с работодателем. Это, по существу, неофициальное мини-бюро одного заказчика, в которых нет процедур тестирования и, как правило, «посторонним вход воспрещён». Производительность таких групп невысока, и не они делают погоду на переводческом рынке, где объём научно-технической информации каждые 10 лет удваивается.

Российскому переводческому рынку в целом свойственны:

- крайняя разобщённость его участников;
- отсутствие у потенциальных заказчиков детализированной информации о доступных переводческих ресурсах и их стоимости;
- слабое знание переводчиками положения дел в смежных секторах;

- отсутствие объективных критериев и методик оценки качества переводов;
- непрерывное снижение качества переводческой продукции;
- отсутствие цивилизованных договорных отношений между работодателями и исполнителями и, как следствие, полное бесправие переводчиков;
- почти десятикратная разница между верхней и нижней границами переводческих гонораров;
- непрерывное расширение демпингового сектора;
- относительно низкий спрос на высококачественные переводческие услуги;
- полное отсутствие каких-либо тенденций к изменению существующего положения.

Кто же виноват в таком плачевном положении? А никто... Переводчиков «по диплому» техническому переводу нигде не учат, как, впрочем, и инженеров – иностранному языку. Заказчики не знают: «что? где? почему?». Переводческие бюро не проверяют качество работы своих редакторов. Переводчики выработали вполне действенную в таких условиях стратегию: «Вы делаете вид, что нам платите, а мы делаем вид, что переводим». Впору задать почти классический вопрос: «С кем вы, мастера культуры?»

Сласти такой рынок, обречённый на «загнивание» и полную деградацию, может только исключение демпинговых цен путём вытеснения с него низкокачественных переводов и повышения на этой основе стоимости высококачественных переводческих услуг. Однако подобное вытеснение не может произойти само собой: для этого на «диком» переводческом рынке должен появиться какой-то новый «игрок», способный внести добавленную стоимость, очевидную и для заказчиков, и для БП, и для переводчиков.

Новый участник рынка должен быть своеобразным координационным центром, который, располагая информацией о квалифицированных переводчиках и о гарантирующих высокое качество переводческих фирмах, мог бы сообщать признающим его авторитет зарубежным заказчикам: «кто есть кто в мире российского письменного перевода» и сколько реально стоят услуги конкрет-

³ Стандартная страница при этом считается равной 250 словам оригинала.

ных БП с учётом доступного для них качества конечного продукта.

При этом квалифицированные технические переводчики наверняка станут отслеживать рекомендации такого центра, касающиеся стоимости квалифицированного переводческого труда, и «перетекать» туда, где к ним будут относиться с должным уважением — как к авторам литературных произведений, являющихся объектами авторского права⁴.

Интересы нового игрока должны совпадать с интересами всех участников рынка, кроме тех, кого вполне устраивает существующее положение дел, при котором серое среднестатистическое «приемлемое» качество «непубликуемых переводов» обеспечивает «навар» как минимум 4:1 (таков уж этот «бизнес по-русски»).

Очевидно, что «новый игрок» не должен ни с кем конкурировать на переводческом рынке, но должен хорошо знать все тонкости переводческой деятельности, поскольку здесь ощущается потребность в разработке регулирующих документов, рекомендаций, методических материалов, учебных программ, новых учебных пособий, внутренних стандартов, равно как и механизмов оценки качества продуктов переводческой деятельности.

А судьи — кто?

На переводческих форумах в интернете наряду с яростным неприятием каких бы то ни было сторонних вмешательств в переводческую волюнцию высказывается и мнение, что кандидатом на роль представленной выше «третьей силы» переводческого рынка (первые две — это БП и их заказчики) мог бы стать Союз переводчиков России (СПР).

Появление такого мнения свидетельствует о том, что участники переводческих форумов уже успели познакомиться с Уставом этой организации, размещённым на сайте СПР; в нём, в частности, говорится:

«1.1. Межрегиональная организация Союз переводчиков России... является самоуправляемой профессиональной творческой организацией, действующей на территории Российской Федерации и объединяющей на добровольных началах профес-

сиональных переводчиков литературы всех жанров, переводчиков научно-технических и специальных текстов, официальной и деловой документации, специалистов синхронного и судебного перевода, лексикографов-словарников, специалистов по истории и теории перевода, преподавателей перевода...

3.2. Задачи СПР:

- добиваться повышения правовой культуры переводчиков, в первую очередь, в области авторского права, содействовать подготовке и совершенствованию переводческих кадров, в том числе в рамках существующих образовательных систем, а также профессиональной аттестации переводчиков;

- с этой целью развивать и совершенствовать профессиональную критику переводов, расширять сеть творческих и тематических семинаров, разрабатывать профессиональные рекомендации, стандарты, нормативы, инструкции, критерии оценки профессионального мастерства переводчиков, разрабатывать и принимать другие локальные нормативные акты, регулирующие правовое и социальное положение переводчиков и других специалистов, работающих в области перевода...

- совершенствовать правовые и профессиональные основы отношений переводчиков с пользователями переводов и работодателями...

3.3. Для решения стоящих перед ним задач СПР и его региональные отделения... имеют право:

- вносить предложения в компетентные органы государственной власти по вопросам культуры, переводческого дела в стране... участвовать в обсуждении и подготовке проектов законов...»

А сложная и многогранная проблема аттестации (сертификации) переводчиков прорабатывается в СПР уже второй год, совместно с МГУ, РГСУ, Московской международной школой переводчиков и руководителями московских переводческих фирм, являющихся ассоциированными членами СПР и имеющими ценный опыт в решении ряда задач, стоящих перед СПР^{5,6}. Часть проблемы, связанная с послевузовским образованием по программе «Переводчик в сфере профессиональной коммуникации», широко обсуждается на семинарах и конференциях МГУ и на ежегодных Фёдоровских чтениях в Санкт-Петербургском

⁵ Грабовский В.Н. Блеск и нищета научно-технического перевода в России. — Журнал СПР «Мир перевода», № 1 (13), январь — июнь, 2005.

⁶ Цемахман А.С. Оценка качества переводов: практический опыт. — Журнал СПР «Мир перевода», № 2 (14), июль — декабрь, 2005.

⁴ См. Закон Российской Федерации «Об авторском праве и смежных правах», Статья 7.

государственном университете с участием преподавателей письменного перевода и авторов учебных пособий по переводу; растёт число технических вузов, присоединяющихся к этой программе. Увеличивается и число практических докладов, касающихся преподавания письменного перевода в технических вузах, чего вообще не было до приобщения СПР к Фёдоровским чтениям. Вот аннотация одного из них, опубликованная в журнале СПР «Мир перевода»⁷:

«В США единственным вузом, дающим степень магистра по устному и письменному научно-техническому переводу, является Монтерейский институт международных исследований. В программе переводческого факультета этого института значительная часть времени обучения отводится развитию у будущего переводчика навыка исследовательской работы параллельно с практикой в различных аспектах перевода. Умение быстро и безошибочно находить требуемую лексику, хорошо ориентироваться в многообразии научно-технических тем существенно облегчает переводчику выход на жёсткий рынок, а также даёт определённые преимущества при устройстве на постоянную работу... Переводчики, затребованные сегодня рынком, должны обладать не только безупречным знанием языков своей языковой комбинации (в данном случае обсуждается русско-английская), но и владеть колоссальным объемом терминологии в самых разных научно-технических и гуманитарных сферах. Отбор материала-источника, оценка его качества, сравнение частотностей использования того или иного термина в конкретном контекстуальном климате – всё это зачастую определяет конкурентоспособность переводчика на рынке, его успех, как профессиональный, так и материальный...»

Из доклада Р. Кавсноки «Выработка исследовательского навыка в преподавании перевода на магистерском уровне», прочитанного на VII Международной конференции по переводоведению «Фёдоровские чтения» (Санкт-Петербург, 20-22 октября 2005 г.)

Что делать?

Сертификация замышляется не для отнятия куска хлеба с маслом у добросовестных переводчиков, а для создания барьера безответственным халтурщикам, берущимся не за своё дело или работающим по демпинговым ценам: имея заслуживающие доверия сведе-

ния о сертифицированных переводчиках, работодатели вряд ли станут привлекать к выполнению переводов «котлов в мешке», да и «кошачий» поток существенно сократится.

Централизованная сертификация задумывается как добровольная процедура, в результате которой сертифицированный технический переводчик, как предполагается, будет получать у серьёзных заказчиков (признавших сертификационную организацию) преимущественное право получения заказов в той сфере, которую он сам выбрал при сдаче сертификационного экзамена, и право на повышенную оплату своего труда по сравнению с соответствующими несертифицированными переводчиками. При этом БП, доверяющие сертификационному органу, могут получить существенную экономию, в результате исключения собственного дорогостоящего «поштучного» тестирования «серой массы» (составляющей 98% потока желающих перевести).

Но можно ли в условиях относительно низкой оплаты переводческого труда в России и существенного преобладания предложения переводческих услуг над спросом (особенно – в англоязычном секторе, на который приходится примерно половина всех выполняемых переводов) вести речь об использовании работодателями преимущественно сертифицированных переводчиков, которые, естественно, будут обходиться дороже? Если это неосуществимо, то никто не захочет проходить официальные процедуры тестирования (конечно же, не бесплатные) просто ради получения документа, позволяющего лишь самоутвердиться. Однако журнальные и сетевые публикации руководителей некоторых крупных БП свидетельствуют о том, что им выгоднее выполнять небольшие объёмы дорогостоящих высококачественных переводов узкой специализации, чем гнать в больших объёмах «средненькое» качество, даваемое «универсалами», по всем отраслям науки, техники, промышленности, сельского хозяйства, юриспруденции, медицины, физкультуры и спорта.

Необходимость учёта рассмотренных выше особенностей переводческого рынка при разработке аттестационных критериев делает целесообразным предъявление к аттестуемым

⁷ Журнал СПР «Мир перевода», № 2 (14), июль – декабрь, 2005, стр. 27.

научно-техническим переводчикам таких требований, как:

- умение создавать полноценный литературный текст на языке перевода;
- владение техникой работы с отраслевыми и толковыми словарями;
- способность переводить без словаря текст по заявленной основной тематике, не содержащий новой терминологии;
- понимание с помощью словарей смысла текста из смежных областей знаний;
- умение предлагать приемлемый перевод новых терминов по основной тематике с соблюдением норм иностранного и русского языков;
- способность к адекватному переводу бесконтекстных фрагментов (надписей на рисунках и в таблицах, аббревиатур, географических названий, наименований организаций и т. п.).

Присваиваемые категории по специализации должны нести полезную информацию для потенциальных работодателей переводчика. Например, в них могут отражаться такие характеристики переводчика, как способность или неспособность обходиться без редактора: умение сохранять высокое качество при выполнении срочных переводов; владение наиболее распространенными средствами автоматизации переводческого труда; способность к выполнению роли редактора чужих переводов; наличие способностей к качественному письменному переводу в обоих направлениях соответствующей языковой пары. Стимулом к получению сертификата будут служить дифференцированные тарифы оплаты переводов и возможность для переводчика перейти по мере накопления практического опыта в более высокую категорию. Разработка дифференцированных тарифов — отдельная задача, в рамках которой, прежде всего, должны быть определены легко контролируемые критерии качества и предложен механизм определения стоимости редакторского труда, в зависимости от объема правки и числа «сшиваемых» редактором переводов.

Конкретный набор тестов, проходимых аттестуемым переводчиком, и состав экзаменационной комиссии должны определяться заявленной областью специализации перевод-

чика; в случае неудачного исхода аттестации претендент сможет винить в этом только собственную «неосторожность» в выборе основной предметной области (такая неосторожность особенно характерна для переводчиков без инженерного образования, гордящихся тем, что они способны переводить «всё»).

Сертификация технических письменных переводчиков — процедура многосторонняя и потому уже на этапе проработки требует участия технических специалистов с хорошим знанием языка; авторитетных технических консультантов, не обязательно знающих язык; авторитетных авторов учебных материалов и пособий по переводу научной и научно-технической литературы; создателей авторитетных отраслевых словарей; авторов наиболее удачных программ обучения письменному переводу; вузов, имеющих возможность экспериментировать в рамках зарождающихся концепций преподавания перевода; руководителей крупных переводческих бюро, имеющих четкие критерии оценки качества переводов, и руководителей программ послевузовского переводческого образования, способных «уложить» толковую «унифицированную» программу обучения переводу (а не языку) в прокрустово ложе действующих абстрактных директивных указаний Минобраз.

А в заключение — в порядке ответа на наш чисто национальный вопрос «Что делать?» — я просто повторю очень нравящиеся мне слова того же *Explorer'a* из «Города переводчиков», касающиеся желания переводчика получать большую плату:

«Если мне этот переводчик дорог, то скажу ОК, поднимаю цену для клиента по этому направлению и повышаю расценки. А если этот переводчик мне не сильно дорог, то скажу, друг, хочешь — работай, не хочешь — не работай, у нас очередь на получение заказа по этим ценам. Так что вам самим решать, к какой категории вы относитесь и не пора ли поднять квалификацию».

Переводчик – автор перевода

В.В. Гусев

Вместо предисловия

Когда-то, ещё работая в издательстве, я мысленно разделил всех переводчиков, выполняющих заказы на перевод книг, на две группы. Первые (их большинство) испытывают безграничное доверие к редактору («Вы уж укажите там все, как нужно»). Они вообще не интересуются договором как юридическим документом, обговаривая только сумму причитающегося им гонорара и срок сдачи работы. Вторые, наоборот, скрупулёзно изучают договор, задают каверзные вопросы, которые подчас касаются не самых важных его положений, всем своим видом демонстрируя, что уж их-то на мякине не проведёшь. Возможно, издателям больше по душе работать с первыми, но мне интереснее другие – грамотные в правовом смысле, умеющие читать и понимать договор, защищать свои интересы, способные к разумным компромиссам.

За всё время работы в издательстве я встречал двух или трёх переводчиков, способных защищать свои авторские права. Научиться этому несложно. Надо прежде всего осознать себя автором, интересы которого защищает закон.

Авторский статус переводчика

Принимая работу от издательства, переводчик вступает с ним в правовые отношения. В соответствии с «Законом Российской Федерации об авторском праве и смежных правах», переводчик – субъект авторского права со всеми правами и полномочиями, которыми нужно уметь распорядиться. Как

известно, авторское право регулирует любые отношения, возникающие в связи с созданием и использованием произведений науки, литературы и искусства.

Что это за отношения, между кем они возникают? В законе речь идет о взаимоотношениях автора произведения (в нашем случае – автора перевода) с его пользователями (издателями). В практике использования произведения, наиболее важный момент – права автора, в частности, их возникновение и реализация, порядок охраны и передачи. Реализация своих прав автором может осложниться самыми разными обстоятельствами, связанными с установлением и признанием авторства, соавторством, статусом произведения, сроком охраны и т.д. Конфликтная ситуация, если она возникла в отношении автора и пользователя произведения, может привести и нередко приводит к нарушению авторских прав. Интересы автора могут пострадать, поскольку нарушение его прав скорее всего повлечет моральные или даже материальные последствия.

Из всего этого следует простой вывод: переводчикам, среди которых редко кто имеет юридическое образование, всё же следует быть хоть немного юристами. Бояться этого не стоит – ведь всем нам время от времени приходится принимать решения, которые имеют правовые последствия. Если разбираться, то переводчики, работающие, как правило, с заказчиками, должны уметь разбираться в законах даже лучше, чем, скажем, врачи, учителя или инженеры – представите-

ли указанных профессий в большинстве своем работают в организациях, которые служат своего рода юридическим «прикрытием», в то время как автор по сути своей — одиночка, и защитить его некому, кроме него самого. Конечно, никому не возбраняется иметь личного юриста, но я не слышал, чтобы кто-нибудь из нашего цеха располагал бы таковым.

Тем временем, в среде начинающих (и не только начинающих) переводчиков бытуют стереотипы, касающиеся авторских прав переводчика. Вот два самых типичных. Первый: переводчик становится автором только в том случае, если его перевод обнародован (вариант — опубликован). Отсюда вывод: если заказчик перевода не публикует его, то у переводчика нет и не может быть никаких авторских прав. Второй стереотип: права автора возникают лишь тогда, когда это специально оговорено в договоре. Вывод: переводчик, если он хочет пользоваться правами автора перевода, должен побеспокоиться и специально прописать свой авторский статус в договоре. Скажем сразу, что ни то, ни другое не соответствует ни духу, ни букве закона об авторском праве. Однако разберёмся по порядку.

Для начала посмотрим, какой смысл вкладывают в понятие «автор» юристы. «Закон Российской Федерации об авторском праве и смежных правах» (далее — ЗоАП) в ст.4 гласит: «Автор — физическое лицо, творческим трудом которого создано произведение». Комментарий здесь вроде бы нечего — формулировка предельно ясна. Однако, оказывается, не совсем ясно другое: как это так — переводчик, «перекладывающий» чужой текст на другой язык, ничего не придумавший сам — ни сюжета, ни героев, — получает право встать на одну доску с автором оригинального произведения? Мне не раз приходилось слышать этот вопрос. Иногда сомнение в праве переводчика называться автором перерастает в позицию. Однажды мне довелось услышать из уст директора одного издательства (прошедшего, к слову, издательскую стажировку в США — цитадели защиты всяческих прав, особенно авторских) категоричное утверждение: переводчик, дескать, вообще не может считаться самостоятельным, полноценным автором. Справедливо-сти ради нужно сказать, что он выражал свою

личную точку зрения, и в политике его издательства она отражения не находила.

Есть ли вообще какие-либо основания для такой точки зрения? Возможно, чисто психологически человеку, далёкому от нашей профессии, признать переводчика автором нелегко. Да и элементарная логика тоже вроде против нас, переводчиков: оригинал обусловливает перевод, формула в общем-то проста: не будет первого — не будет и второго. Однако отметим важнейший признак данного вида деятельности — перелагая текст оригинала на другой язык, переводчик формулирует в своём тексте **собственные** замыслы (пусть и возникающие из авторских смыслов), он пропускает **через себя** идейный и образный ряды, высгросненные автором, ломая голову над тем, как передать его позицию и образы без потерь. Всё это позволяет говорить о том, что работа переводчика — самостоятельный, творческий труд.

Небольшой исторический экскурс. Еще в «Цензурном уставе» Российской империи, принятом в 1828 году, появилось специальное положение о правах сочинителей, к которым приравнялись и переводчики. Так, было установлено «исключительное право» сочинителей и переводчиков пользоваться правами, в том числе и имущественными, на свои произведения. Уже в 1830 году эти права были подтверждены в особом законе — «Положении о правах сочинителей, переводчиков и издателей». Таким образом, можно смело утверждать, что в момент своего возникновения российское законодательство об авторском праве не провело и уже никогда не проводило разграничительной черты между правами авторов самостоятельных произведений и переводчиков¹.

Вернёмся к современному закону. В п.3 ст.7 ЗоАП перечислены произведения, которые находятся под защитой закона, здесь мы и находим перевод в одном ряду с другими производными произведениями:

«Переводчиком и авторам других производных произведений принадлежит авторское право на осуществлённые ими перевод, переделку, аранжировку или другую переработку».

Существует ещё одно важное обстоятельство, определяющее сущность перевода как авторского произведения. Обратим внимание.

¹ Более подробные материалы о истории авторского права можно найти на специализированных интернет-сайтах, например, сайте Российского авторского общества.

что в законе нет никакого разграничения между опубликованными и неопубликованными переводами. Сущность авторского права в том, что любое произведение науки, литературы и искусства приобретает правовой статус (т.е. становится объектом охраны) в силу самого факта его создания. Закон не предусматривает никаких дополнительных действий для возникновения авторского права, а значит, не требуется и опубликования. Из всего этого можно сделать простой вывод: перевод становится произведением в момент завершения работы над ним, переводчик получает право называться автором.

Есть, правда, одно исключение: ст.8 ЗоАП перечисляет произведения, не являющиеся объектами авторского права. В их числе — **официальные переводы**, то есть переводы официальных документов — законов, судебных решений и т.д. Однако любой другой переведённый текст, независимо от жанра — роман, рассказ, пьеса, газетная или научная статья и т.д. — считается авторским трудом, а его переводчик — автором.

Права и обязанности

Как говорится, права не существуют без обязанностей. Это действительно так, поэтому начнем с того, что переводчик обязан делать как автор произведения. Правда, вначале заметим, что, как отмечают юристы, современный закон об авторском праве регламентирует взаимные обязанности автора и издателя в самой минимальной степени. Собственно, это не означает, что круг этих обязанностей будет очень узким, — просто сторонам самим придётся определить их и зафиксировать в договоре. Тем не менее, основные обязанности сторонам закон все-таки формулирует.

У автора по отношению к издателю четыре главные обязанности. Во-первых, автор обязан **создать произведение своими собственными силами**. Во-вторых, создав произведение, автор должен передать его в издательство **в том виде** (объем, жанр, рукопись, дискета и т.д.) и **в те сроки, которые определены договором**. В-третьих, автор должен **доработать своё произведение по требованию заказчика** (но только в случаях, когда это требовани-

е не выходит за пределы условий договора). Наконец, в-четвёртых, автор обязан **не передавать своё произведение третьей стороне**, после того как оно принято издателем, без письменного согласия последнего. Естественно, последнее требование действует только в пределах срока действия авторского права.

Поскольку любые правоотношения подразумевают взаимные обязанности сторон, закон предъявляет определённые требования и к издателю. Их всего два: во-первых, издатель как заказчик произведения обязан **выплатить автору вознаграждение** (авторский гонорар), размеры, сроки и порядок выплаты которого стороны определяют по взаимному соглашению в авторском договоре. Во-вторых, издатель, заказывая перевод, должен **выплатить исполнителю** (будущему автору), **аванс**, размер и порядок выплаты которого должны быть определены в договоре.

Все обязательства сторон, сформулированные в законе, отражены в договоре, который автор заключает с издателем. Однако допустим, что одна из обязанностей сторон не включена в договор. Даже в этом случае она должна быть исполнена, поскольку отказ от включения в договор обязательных положений закона не ведёт к их устранению. Иными словами, права автора не могут быть нарушены в любом случае.

Разобравшись с обязанностями, перейдём к правам. Все права, возникающие у автора в связи с появлением его произведения, делятся на две группы: имущественные и неимущественные. Такое деление принято во всем мире. Под имущественными правами понимают исключительные права автора распоряжаться своим произведением — передать его любому издателю по своему усмотрению, распространять его любым способом — зачитывать его публично, распечатывать и раздавать прохожим, выкладывать в Интернет и так далее. Неимущественные права автора (в законе дано их полное название — личные неимущественные права, ниже мы будем для краткости называть просто личными) отличаются от имущественных принципиально. Вот как их определяет Бернская конвенция об охране литературных и художественных произведений (Парижский Акт, 1971 г.):

«Независимо от имущественных прав автора и даже после уступки этих прав он имеет право требовать признания своего авторства на произведение и противодействовать всякому извращению, искажению или иному изменению этого произведения, а также любому другому посягательству на произведение, способному нанести ущерб чести или репутации автора» (статья 6bis, п.1).

Переводчик, как мы уже убедились, — полноценный автор, и в этом своём качестве он пользуется всеми авторскими правами, установленными законом. Однако режим реализации прав переводчика — имущественных и личных — всё-таки имеет кое-какие отличия от прав автора. Чтобы понять, о чём идёт речь, нужно вспомнить, что переводчик — автор производного произведения (об этом мы уже говорили выше). Это очень важное обстоятельство — оно во многом определяет авторский статус переводчика. Лучше всего продемонстрирует сложность взаимоотношений прав авторов оригинального произведения и производного от него следующий пример.

В издательство, в котором я работал в середине девяностых, пришла переводчица сдавать работу — женский роман, на которые, как мы помним, в те годы был настоящий бум. Принимая рукопись, я сразу же обратил внимание на значительную разницу в объёмах перевода и оригинала. Не моргнув глазом переводчица сообщила, что так и должно быть — она делала «рирайт» (так на издательском сленге называют вольное переложение содержания оригинала), а не перевод, поскольку, как она доверительно сообщила, «читать это все полностью — лучше повеситься». Переведя дух, я спросил, а кто, собственно, санкционировал подобный подход к переводу (договор с переводчицей заключал не я). Никто, ответила она и призналась, что часто сокращает текст перевода по своему усмотрению. Разговор закончился тем, что я предложил сдать перевод в полноценном виде, а переводчица отказалась и, пригрозив издать его в другом месте, удалилась.

Разберём этот случай подробнее. Во-первых, констатируем, что предпосылка нарушения прав автора оригинального произведения уже появилась — будем исходить из того, что тот, скорее всего, возражал бы против сокращения своего романа. Во-вторых, распоряжаясь своим переводом, — в полном соответствии с авторским правом, — переводчица действительно могла забрать его из издательства, расторгнув тем самым авторский договор по своей инициативе. Это право даёт п.2 ст.15 ЗоАП, который гласит:

«Автор имеет право отказаться от ранее принятого решения об обнародовании произведения (право на отзыв) при условии возмещения пользователю причинённых таким решением убытков, включая упущенную выгоду».

Однако, забрав перевод из одного издательства, переводчица не смогла бы пристроить его в другом. У переводчика, повторим, есть право распоряжаться своим переводом, но нельзя забывать, что это его право ограничено законом, причём самое главное ограничение относится ко всем авторам, а не только к переводчикам. Его суть в том, что автор не может сделать своё произведение орудием нарушения чужих авторских прав (в нашем примере — автора оригинального произведения). Вот что говорит ст.12 ЗоАП (это наша, «переводческая» статья, она называется «Авторское право переводчиков и авторов других производных произведений»):

«Переводчик и автор другого производного произведения пользуется авторским правом на созданное им произведение при условии соблюдения им прав автора произведения, подвергнувшегося переводу, переложке, анжировке или другой переработке». (Курсив мой — В.Г.)

Есть ещё одно обстоятельство, которое не позволило бы нашей переводчице издать свой перевод в другом издательстве или, во всяком случае, очень бы ей помешало, — правда, оно и не имеет прямого отношения к закону об авторском праве. Не получив разрешения автора оригинального произведения на опубликование его в переводе (такое разрешение должно быть оформлено специальным соглашением), ни один законопослушный издатель не станет заключать договора с переводчиком. Но даже если перевод будет заказан, его вряд ли удастся издать легально. Дело в том, что сейчас мало найдется типографий, которые захотят стать соучастниками уголовного преступления, предусмотренного ст.146 УК РФ («Нарушение авторских и смежных прав»), поэтому, заключая договор с типографией, издателю необходимо документально подтвердить, что он является легальным правообладателем.

Выходит, что переводчик, прежде чем взяться за перо, должен обязательно получить разрешение у автора оригинального произведения? Нет, не должен, но только потому, что за него это делает издатель,

Переводчик и право

который заключает соответствующий договор с правообладателем (зарубежным издательством, самим автором или лицом, представляющим его права), получая разрешение на издание оригинального произведения в переводе.

Вообще необходимо понять, что разрешение автора на издание его произведения на иностранном языке есть выражение намерения его обнародовать. Так, ст.4 ЗоАП гласит, что обнародование произведения есть «осуществлённое с согласия автора действие (курсив мой — В.Л.), которое впервые делает произведение доступным для всеобщего сведения путём его опубликования, публичного показа, публичного исполнения, передачи в эфир или иным способом». Раньше это обстоятельство не приобретало такую важность: у переводчика практически не было возможности самостоятельно (то есть без участия издателя) опубликовать книгу, теперь же с появлением сети Интернет, сделать это можно сравнительно легко. Хотя и не все специалисты по авторскому праву ставят знак равенства между классическим опубликованием и выкладыванием текстов в Интернете, права автора книги, которую без его ведома перевели и выложили на каком-то сайте, можно считать нарушенными.

Один из пунктов ст.16 ЗоАП, регламентирующей имущественные права автора, относит к исключительным правам автора на использование произведения также и право на перевод. Начинаящие переводчики, интерпретируя этот пункт, иногда ошибочно полагают, что это право относится к переводчику. При этом они делают вывод о том, что это положение закона даёт им право переводить любое произведение и распространять его по своему желанию. На самом деле в этой статье речь идёт о праве автора оригинального произведения разрешать или не разрешать переводить его на другой язык.

Завершая разговор об имущественных правах, ответим на вопрос: являются ли переводчики полноправными хозяевами своих переводов, или, выражаясь юридически, обладают ли они **исключительными имущественными правами на них?** Без всякого сомнения — являются, но с одним исключением.

Когда переводчики делают переводы в рамках своих должностных обязанностей (такую работу называют еще переводом по служебному заданию, но в тексте закона используется общий термин — служебное произведение), исключительные права на использование их переводов переходят к работодателю. Это также касается лиц, занимающих в организации должность переводчика, согласно штатному расписанию. В этом есть определённый смысл, ведь работодатели оплачивают рабочее время переводчиков, предоставляют им помещение для работы, технические средства в виде компьютеров и принтеров, доступ к базам данных и т.д. Согласно ст.14 ЗоАП, исключительные права на использование служебного произведения принадлежат работодателю в течение всего срока, на который авторским правам придаётся охрана². В принципе, переводчик может оставить за собой имущественные права на перевод, выполненный на рабочем месте, если ему удастся внести это условие в трудовое соглашение с работодателем.

Несколько другая ситуация с тем, что часто называют неопубликованными переводами. Нужно помнить, что факт опубликования (или неопубликования) перевода не меняет статуса переводчика в самом главном: он как был, так и продолжает оставаться автором. Также не имеет значения ни жанр переведённого материала (научные, технические, публицистические или иные тексты), ни вид заказчика (переводческое агентство, коммерческое предприятие или частное лицо) — все переводы, кроме служебных, всегда будут подпадать под действие ст.12, то есть будут являться произведениями. Между тем перевод, не предназначенный для публикации, может быть впоследствии издан без ведома и согласия переводчика, а это, как мы понимаем, есть грубое нарушение авторского права.

Перейдём к личным правам автора. К ним относятся: право авторства (право признаваться автором произведения), право на имя (право использовать или разрешать использовать произведение под подлинным именем

² В новой редакции ЗоАП установлен 70-летний срок их охраны после смерти автора (раньше — 50-летний).

автора), право на обнародование (право обнародовать или разрешать обнародовать произведение в любой форме, включая право на отзыв), право на защиту репутации автора. Остановимся на последнем, поскольку именно оно чаще всего нарушается издателями и другими пользователями произведения.

Пример из современной издательской практики. Пару лет назад в одном крупном московском издательстве (назовём его издательство «NNNNN»), переиздавали роман в переводе знакомого мне переводчика – заметим, переводчика с именем. Увидев роман в продаже, он обомлел – на обложке гордо красовалась надпись «В новой редакции!». Почуввав недоброе, переводчик начал листать свой перевод и не узнал его – текст был просто изуродован непрофессиональной, произвольной редактурой.

Случай, что и говорить, вопиющий. Право переводчика на защиту своей репутации было грубо нарушено, поскольку, в соответствии со ст.15 ЗоАП, которая регламентирует личные права, его произведение должно быть защищено от всякого искажения или иного посягательства, способного нанести ущерб чести и достоинству автора. В нашем примере речь может идти об ущербе, нанесённом профессиональной репутации переводчика. – какой издатель захочет потом иметь дело с автором косноязычного, изобилующего буквализмами перевода в «новой редакции»?

Вообще разногласия, которые возникают из-за изменений, внесённых издательским редактором в произведение, часто омрачают отношения автора и издателя. В моём распоряжении есть несколько бланков типовых договоров крупных московских издательств. Характерно, что только в одном из них оговаривается обязанность издателя сохранить право на защиту репутации автора, да и то в каком-то урезанном виде – в части отказа вносить изменения в обозначение имени переводчика без его согласия. Ни слова не говорится о других изменениях, согласия на которые должен дать (или не дать!) переводчик.

К сожалению, закон не обязывает издателя воздерживаться от конкретных действий, которые могут привести к нарушению личных прав автора. А ведь эта проблема актуальна. Что уж тут скрывать, некоторые издатели наивно полагают, что имеют неоспоримое право вносить изменения в перевод, сокра-

щать его и менять название. Логика у них такая: поскольку переводчик передаёт им по авторскому договору имущественные права на использование своего произведения, он должен быть готов к тому, что оно будет опубликовано в изменённом виде.

Однако незыблемость принадлежности личных неимущественных прав автора подтверждает не только статья Бернской конвенции, которую мы привели выше, но и российское законодательство. Так, п.3 ст.15 ЗоАП гласит, что личные неимущественные права «сохраняются за ним в случае уступки исключительных прав на использование произведения».

Переводчикам нелишне знать, что, согласно российскому законодательству, личные права автора возникают автоматически, так сказать, вместе с самим авторским правом – то есть в момент завершения произведения. Кстати, в России эти права не нуждаются в подтверждении, как, например, в Великобритании – там неимущественные права автора ("author's moral rights") должны специально регистрироваться.

Вернёмся к проблеме неправомерности изменений в тексте перевода. Очень важно, что специалисты по авторскому праву трактуют п.1 ст.15 расширительно: «Запрет на внесение изменений относится ко всем без исключения элементам произведения, хотя в самом законе упоминается только его название»³. Интерпретация этого пункта в пользу автора, конечно же, не случайна; запрет на какие бы то ни было изменения произведения без согласия автора соответствует духу всего авторского законодательства. Если смотреть шире, это касается всей интеллектуальной собственности. Например, согласно документам ВОИС, регламентирующим охрану авторских прав и интеллектуальной собственности, в круг объектов охраны входит форма выражения, под которой следует понимать прежде всего язык произведения (курсив мой – В.Л.) и его образы⁴.

³ В.В. Соловьёв «Авторское право: Комментарий к Закону Российской Федерации «Об авторском праве и смежных правах». М.: Осъ-89, 2001. С.24.

⁴ «Договор ВОИС по авторскому праву». Статья 2 «Сфера авторско-правовой охраны».

Переводчик и право

Всё это, конечно, не означает, что перевод должен выходить в таком виде, в котором он попадает в издательство. Иногда серьёзная правка рукописи или изменение названия просто необходимы (к этому мы ещё вернёмся ниже). Понимая это, большинство переводчиков принимают разумные предложения издательства и охотно сотрудничают с редакторами. Однако любые изменения языка произведения должны быть сделаны в соответствии с законом и, повторим, с согласия переводчика. Лучше всего, если право (или обязанность) переводчика прочитать и подписать верстку будет внесено в договор.

Переводчик-соавтор

Бывает, что начинающему переводчику предлагают переводить не всю книгу, а одну-две её главы. Вообще, участие в коллективном переводе — едва ли не единственная дорога для начинающего переводчика, ведущая в солидное издательство. Правовые отношения автора с издателем, возникающие в связи с его участием в коллективном переводе, регулируются ст.10 ЗоАП («Соавторство»), которая, в частности, гарантирует защиту прав переводчика, решившего стать соавтором. Так, п.1 ст.10 гласит:

«Авторское право на произведение, созданное совместным творческим трудом двух или более лиц (соавторство), принадлежит соавторам совместно независимо от того, образует ли такое произведение одно неразрывное целое или состоит из частей, каждая из которых имеет самостоятельное значение».

Правда, в какой-то степени закон всё-таки ограничивает право переводчика на использование той части перевода, которая может считаться его произведением. Вернёмся к ст.10 — она содержит положения, которые требуют пояснения. Например, вот это:

«Каждый из соавторов вправе использовать созданную им часть произведения, имеющую самостоятельное значение, по своему усмотрению, если иное не предусмотрено соглашением между ними».

Может сложиться впечатление, что переводчик-соавтор волен распоряжаться своей частью произведения так, как считает возможным — например, отозвать его из издательства, издать его в другом месте. На самом деле это не так. Обратим внимание на фразу: «имеющую самостоятельное значение». При переводе

художественного произведения, которое, как и любой законченный текст, целостно по своей сути, даже отдельная глава перевода не может существовать самостоятельно, т.е. в отрыве от остальных глав.

Чтобы устранить возможность ситуации, когда права одного соавтора вступают в противоречия с правами другого, законодатель ввёл в ст.10 следующее положение:

«Если произведение соавторов образует одно неразрывное целое, то ни один из соавторов не вправе без достаточных к тому оснований запретить использование произведения».

Соавторство может быть раздельным и нераздельным. В первом случае каждый автор сохраняет весь круг имущественных и личных прав на свою часть произведения (т.е. его часть и есть самостоятельное произведение). В переводе пример раздельного соавторства — отношения переводчиков произведений, вошедших в хрестоматию, сборник научных статей и т.д. При нераздельном соавторстве авторы совместно производят всё произведение, и в этом случае их работа не может быть разделена на отдельные произведения, поскольку, в соответствии с п.2 ст.10, **право на использование произведения в целом принадлежит соавторам совместно**.

При совместной работе над произведением между соавторами иногда возникают трения. Закон предусматривает и это:

«Взаимоотношения соавторов могут определяться соглашением между ними» (ст. 10).

Соавторы-переводчики специальное соглашение заключают не всегда, особенно когда их больше трёх. Часто роль организатора работы и, что важно, координатора правовых взаимоотношений внутри авторской группы берёт на себя редактор издательства, который и улаживает все проблемы. Бывает, что в этой роли выступает один из переводчиков, как правило, наиболее опытный и авторитетный. Он же сводит части перевода вместе, проводит унификацию стиля, а также имён и названий, встречающихся в произведении (на издательском сленге — «убирает швы») перед тем, как оно попадёт в руки редактора.

Мой адрес – не «хаус» и не «стрит»

Диалог о написании русских адресов и имён
собственных в латинской графике

Д.И. Ермолович, М.Ю. Бродский

М.Ю. Бродский. Дмитрий Иванович, позвольте задать вам вопрос как специалисту в области переводческой ономастики. У нашего института новый адрес – мы переехали на улицу Карла Либкнехта. Естественно, встал вопрос: как писать адрес на английском языке? Решили, что транскрибируем мы всё-таки с русского языка и – в помощь почтовым работникам – остановились на варианте: Karl Libknekht St. Я на своей визитке написал K. Libknekhta St., зная по опыту, что «ладеж», бывает, что и помогает. От варианта Karl Liebknecht мы отказались, так как англичане-американцы часто плохо читают немецкие имена собственные. Однажды британка прочитала Stirlitz как Shirlitz, долго потом смеялась и предложила писать: Shirlitz. Дмитрий Иванович, как вы считаете – какой вариант оптимальнее?

Д.И. Ермолович. Михаил Юрьевич, моя позиция совпадает с вашей. Когда мы пишем русский адрес на латинице, нет никакой необходимости восстанавливать орфографию этимологического источника топонима. Адрес – вещь сузубо практическая. Призванная помочь почте правильно доставить письмо. А для почты нужно всего лишь знать точное русское написание, поэтому в написании адреса на латинице необходима простая транслитерация.

Более того, я считаю, что и слова *улица*, *проспект*, *площадь*, *проезд*, *переулок* и т.п. также необходимо транслитерировать, и написал бы Ulitsa Karla Libknekhta. Причина та же –

зачем создавать для сотрудников почты лишние проблемы? Положим, они сообразят, что Street – это улица, но бывают и другие элементы адреса, в которых всё не так однозначно. И, если быть последовательным, их тогда тоже следует заменять аналогами вроде *проспект* – *avenue*, *площадь* – *square* и т.п. Но мне кажется лишним, чтобы на российской почте ломали голову и вычисляли, что *alley* – это *переулок*, *passage* – *проезд*, а *avenue* – *проспект*.

Да и, кроме того, некоторые наши топографические понятия плохо поддаются переводу. Например, *тупик* можно в принципе перевести как *blind alley* или *dead end*, но подобные сочетания в собственно англоязычных адресах не встречаются и все равно выглядели бы в официальном адресе крайне неестественно и даже смешно (поэтому, например, Горлов тупик – это все же Gorlov Tupik, а не Gorlov Dead End).

В Москве некоторые указатели улиц в центре продублированы «по-английски», и на них, например, слово *переулок* переведено в названиях как *side-street*. (См. фотографию.) Люди,

А как это по-русски?

которые это писали, явно не понимают, что слово *side-street* имеет чисто описательное значение («малозначительная улочка, отходящая от более важной магистрали») и не может служить топонимическим классификатором, каковым в английском языке является просто слово *Street*. Чтобы лишний раз убедиться в этом, я даже специально сделал запрос на *side-street* в Британском национальном корпусе текстов. В подавляющем большинстве (80%) контекстов, выданных по этому запросу, слову предшествовал неопределённый артикль, что свидетельствует о его употреблении в описательных целях. Ни в одном из контекстов оно не фигурировало в сочетании с топонимом. Поэтому ещё и по этой причине его нельзя использовать для передачи слова *переулок* в составе названия.

Особое дело — перевод художественной литературы. Там в принципе могут быть *Street*, *Square* и прочее. А в официальных документах и переписке, на мой взгляд, годится лишь прямая транслитерация русского адреса без смыслового или этимологического перевода его элементов и без изменения их порядка. Поэтому своим студентам я всегда говорю, чтоб они не переставляли местами номер дома и название улицы, и если адрес по-русски «Тверская ул., д. 16, кв. 8», то и по-английски должно быть: *Tverskaya ul., d. 16, kv. 8*.

М.Ю. Бродский. На улице Карла Либкнехта мы переехали с улицы... Розы Люксембург! Мы писали улицу так: *Rozy Luksemburg*, хотя были вопросы: *Rosy*, *Rozy* или *Rozy*? Присажавшая к нам дама из Люксембурга задавала вопросы и по поводу фамилии в названии улицы.

Д.И. Ермолович. Если придерживаться принципа транслитерации, без всякой оглядки на этимологию (а именно такой подход к передаче адресов я считаю правильным), то, конечно, нужно писать *Rozy Lyuksemburg*.

М.Ю. Бродский. Интересна проблема передачи имён англичан-американцев в адресе. Есть, например, в Екатеринбурге улица Дарвина. Соблюдать ли «падеж» имени? Если имя «дессмантизировалось» — да. Но в этом случае некая «пуповина» ещё не разорвана! Следовательно, *ulitsa Charles Darwin* или *ulitsa*

Charlza Darvina?! Американцы говорят, что с их точки зрения, первый вариант будет более узнаваемым.

Д.И. Ермолович. Ну, конечно, так для них понятнее и привычнее. Но, если речь идёт о том адресе, который будет стоять в шалке бланка, на визитной карточке или на почтовом конверте, я бы высказался в пользу второго варианта. Повторюсь: нам в этом случае важнее всего, чтобы почтальоны письмо доставили куда надо. А если нужно ещё, чтобы и американцы сообразили, в честь кого улица названа, то можно это им как-нибудь дополнительно разъяснить.

М.Ю. Бродский. Кстати, недавно я узнал, что в Екатеринбурге есть улица Шекспира. На ней стоят три или пять частных домов (бедный Йорик! бедный Шекспир!). Если следовать общим правилам, получится *Ulitsa Shekspira*. Выглядит импозантно. Хотя, с другой стороны, в Чехии скажем, мы видим «склонение на наши нравы» буквально на каждом шагу: *Vupni Goldbergova*, *Bryus Vyllinsov*.

Д.И. Ермолович. Да, это характерно не только для западнославянских, но и для балтийских языков, несмотря на то, что там используется общая с английским языком латинская графика. Так, в латышском языке *Samuel Jackson* превращается в *Semjuels Džeksons*, а *Sheril Lee* — в *Šerila Li*. Представляю, как это озадачивает американцев, которые сталкиваются с подобными «переложениями». Но ничего страшного в этом нет. В каждом языке свои законы.

М.Ю. Бродский. Дмитрий Иванович, мы не обсудили передачу названия моего города! На имеющихся у меня британских и американских картах мира Екатеринбург транскрибируется как *Yekaterinburg*. Вместе с тем в авиабилетах, а также в документах генерального консульства Великобритании (но не США!) и комиссий Евросоюза, фигурирует вариант транслитерации *Ekaterinburg*. Любопытно, что в 1990-е годы, после обратного переименования Свердловска в Екатеринбург, мы считали *Yekaterinburg* «американским», а *Ekaterinburg* «британским» вариантом. Вот так эти два варианта и сосуществуют.

Д.И. Ермолович. Передача в кириллице русского йотированного *e* в начале слова и после гласных — извечная проблема. Здесь постоянно встречается разнобой. Вот, например, фамилию великого русского химика Менделеева пишут по-английски то *Mendeleev*, то *Mendeleyev*. И в случае с названием Екатеринбург похожая ситуация.

В широкой, неспециальной сфере использования имён собственных на сегодняшний день действует принцип практической транскрипции, то есть преимущественно фонетической передачи. Согласно этому принципу, название *Екатеринбург* должно передаваться на английский язык с начальной буквой *u*, обозначающей йотацію, — *Yekaterinburg*. Нетрудно заметить, что, поскольку русская буква *e* произносится в одних случаях с йотацией, а в других без неё, то и соответствия на латинице, построенные по транскрипционному принципу, различаются в зависимости от позиции гласной — после согласной *e*, в остальных случаях *ue*. Это, кстати, не такое уж простое правило, его далеко не все способны усвоить, и его сложность сама по себе ведёт к большому количеству ошибок.

М.Ю. Бродский. Может быть, транскрипция и победила бы, если бы не «первым делом самолёты», а транскрипция — потом. В аэропортах мира мы увидим ЕКТВ.

Д.И. Ермолович. Вы правы, отмечая здесь конфликт между транскрипцией и транслитерацией как базовыми принципами передачи. В различных технических, специальных областях важно не произношение, а унифицированное отражение в документации, то есть написание. Там предпочтение отдаётся принципу транслитерации, единообразным побуквенным соответствиям. Географические названия в авиации — это как раз такая специальная область. В ней фонетическое соответствие *e* — *ue* вызывает только лишние проблемы.

А что касается латинских кодов аэропортов, то это вообще чистая условность, зафиксированная в международных конвенциях с единственной целью: обеспечить единообразие в документации и обмене данными. Эти коды иногда вообще не соотносятся с принятым написанием названия города. Так, код

Актобе (бывшего Актюбинска) — *ADX*, Санкт-Петербурга — *LED* (остался от Ленинграда). Кстати, ЕКТВ — это какое-то неофициальное сокращение. В Международной ассоциации воздушного транспорта (ИАТА) принят следующий код Екатеринбурга — *SVX* (наследие Свердловска).

Но вернёмся к вопросу о том, как же следует передавать название *Екатеринбург* в адресах. Думаю, что на сегодняшний день это следует делать всё-таки в соответствии с транскрипционным принципом — *Yekaterinburg*. Ведь названия городов используются не только в адресах, но и в гораздо более широкой сфере коммуникации. При их передаче уже нельзя исходить только из технических соображений, актуальных для почты, аэронавигации и других специальных областей. В этом смысле американцы действуют более научно, чем британцы.

(Хотя вообще, замечу в скобках, я выступаю за то, чтобы устранить разнобой в латинской передаче имён собственных на базе единой и взаимно однозначной системы передачи, основанной именно на принципе транслитерации. Впрочем, принятие такой системы — дело будущего, которое потребует больших коллективных усилий со стороны лингвистов. Да ещё и, учитывая бюрократические препоны, может оказаться проблематичной задачей. Об этом можно судить хотя бы по тому, с какими трудностями столкнулись даже глубоко проработанные и одобренные Академией наук ещё шесть лет назад поправки к правилам русской орфографии.)

М.Ю. Бродский. Интересная тема — *ж* и *ш* в фамилиях. Павел Русланович Палаженко пишет в своей фамилии на латинице *z+chenko*, а моя коллега Онищенко использует написание *Onischenko*. В загранпаспортах и правах мы видим и другие варианты.

Д.И. Ермолович. Я спрашивал у Павла Руслановича, почему он транскрибирует свою фамилию как *Palazchenko* — ведь стандартный способ передачи *ж* — *zh*, стало быть, его фамилия должна писаться *Palazhchenko*. Он ответил, что «упрощённый» способ латинской транскрипции его фамилии был в своё время предложен американским издательством, которое публиковало в США написанную им

А как это по-русски?

по-английски книгу “My Years with Gorbachev and Shevardnadze: The Memoirs of a Soviet Interpreter”. Издатели сочли, что в написании с тремя согласными буквами в середине (zch) фамилия автора книги будет выглядеть более удобочитаемой для американцев, чем с четырьмя (zhch).

Павел Русланович тогда согласился с этим. По его словам, он считал это неприципиальным в условиях, когда – как справедливо и вы отмечаете – в паспортах и правах наблюдаются самые разнообразные варианты. Впоследствии, ради единообразия, он сохранил такое написание и в других иноязычных документах. Однако сейчас, когда всё больше возрастает значение упорядоченной передачи имён на латинице, Павел Русланович считает необходимым вернуться к варианту, требуемому правилами, – Palazhchenko.

Буква *щ* должна по существующей системе передаваться четырьмя буквами – shch. Вероятно, кому-то кажется это слишком громоздким и трудночитаемым соответствием, вот они и сокращают до трёх букв.

Но это не только означает отход от правила, но еще и затрудняет восстановление исходного имени на кириллице. Ведь тогда получается, что сочетанием sch одинаково передаются *щ* и *ш*, и при такой передаче мы бы не знали, какая русская фамилия стоит за транслитератом Schetkin – *Шёткин* или *Счёткин* (пример условный, но, между прочим, фамилия Счёткин фигурирует в пьесе Сергея Михалкова «Раки»).

М.Ю. Бродский. Фамилию Виктора Ющенко часто передают в варианте s+ch (Yuschenko). Любопытно, как правила борются с удобством: Google предлагает 226 000 Интернет-ссылок с вариантом написания Yuschenko и 2 440 000 – с вариантом Yushchenko.

Д.И. Ермолович. Ваши данные говорят о том, что правила побеждают. Всё-таки число ссылок на правильное написание более чем десятикратно превышает число ссылок на «усечённый» вариант.

Кстати, не будем забывать, что здесь надо вести речь о правилах транскрипции с украинского языка, а не с русского, ибо они могут отличаться. Впрочем, в этой части правила для

наших двух славянских языков совпадают – и русское, и украинское *щ* следует передавать на английский язык четырёхбуквенным сочетанием shch.

В своей книге «Имена собственные: теория и практика межъязыковой передачи» я предложил, пока в дискуссионном порядке, новую систему русско-латинской транслитерации, полностью построенную на принципе унификации и взаимной однозначности соответствий. В рамках этой системы я считаю целесообразным использовать как соответствие для *щ* вообще только одну букву латинского алфавита – *х* (икс). Это кажется непривычным, но использовали же сё китайцы в своей системе пиньинь для передачи шипящего звука, и на западе эту систему приняли. Впрочем, передача *ш* иксом – это только идея, которой ещё очень далеко до реализации, а на сегодня стандартное соответствие – shch.

М.Ю. Бродский. Есть у меня студентки – Гульнара и Гюльнара. У первой в паспорте имя передано как Gulnara, у второй – через *и* с точками (вроде немецкого умляута). Вы в своей книге, Дмитрий Иванович, пишете о таких случаях (пример с Люберцами, если не ошибаюсь).

Д.И. Ермолович. Передача русской буквы *ю* латинской *u* с умляутом (*ü*) – это соответствие из советского технического ГОСТа. Я действительно привёл в своей книге пример такой передачи с топонимом *Люберцы*. Но этот ГОСТ на практике применяется только в специальной картографии.

Я писал и в монографии, и в статьях, что считаю использование диакритиков при русско-латинской транслитерации совершенно нецелесообразным и не реализуемым практически. Единственно реальным принципом соответствий, не приводящим к путанице, остаётся использование диграфов. Букву *ю* следует передавать сочетанием *yu* во всех случаях. Тогда и легко будет отграничить имя Гульнара (Gulnara) от Гюльнара (Gyulnara).

М.Ю. Бродский. На всех заграничных документах мою фамилию затранскрибировали Brodskiy, что вызывает у меня массу отрицательных эмоций. Все свои статьи на английском я упрямо подписываю «по прецеденту» – Brodsky. В ОБИРе говорят, что они тут ни при

чём. Дмитрий Иванович, существует ли у нас в стране возможность повернуть вспять колесо транскрибирующего по не всегда понятным правилам механизма (заявление, ходатайства от консульства, мнения экспертов и т.п.)? Или теперь всю жизнь придётся мириться с изуродованным вариантом?

Д.И. Ермолович. Михаил Юрьевич, никакой возможности воздействовать на «органы» по вопросу о транскрипции имен в паспортах, увы, пока нет. Прецеденты были, и все попытки окончились безрезультатно. Эксперты им не указ. В паспортах, водительских правах и других документах наше МВД передаёт имена и фамилии на латинице без всякой системы. В разных подразделениях этого ведомства (таких как ОВИР и ГИБДД) существуют домо-рошенные внутренние инструкции на этот счет, которые к тому же допускают разночтения и двусмысленности, отсюда и результаты.

У меня самого курьёзная ситуация: в загранпаспорте мой имя и фамилия транскрибируются как *Dmitry Ermolovich*, а в водительских правах — как *Dmitriy Yermolovich*. Это результат разнобоя в передаче злополучного начального *e*, о котором мы уже говорили. За границей удивляются, но пока, слава Богу, проблем из-за этого у меня не было. Свои работы на английском языке я тоже подписываю вариантом транскрипции (*Dmitry Yermolovich*), отличающимся от паспортного.

По большому счёту, стоит ли тратить время и силы на то, чтобы что-то доказывать бюрократам? Ваши статьи вы вполне можете продолжать подписывать, как считаете нужным. А документы необходимы для чисто бюрократических процедур. Следите просто за тем, чтобы в официальных бумагах (приглашениях и т.п.) написание совпадало с паспортным. Хотя мой опыт показывает, что небольшое несовпадение не вызывает у зарубежных консульств проблем. Они с такими случаями сталкиваются множество раз каждый день, и если в приглашении будет написано *Brodsky*, а в паспорте *Brodskiy*, вряд ли к этому придерутся.

М.Ю. Бродский. Мои предположения, увы, оправдались. Не то чтобы хочется повер-

нуть бюрократическую машину вспять, но... эстетика тоже важна!

Д.И. Ермолович. Думаю, что в нашей стране только тогда будет навелён порядок в сфере латинской транскрипции (транслитерации) имён, когда появится специальный орган, составленный из экспертов. Эта экспертная группа или комиссия должна иметь полномочия принимать директивные решения по лингвистическим нормам, обязательные для государственных учреждений, издательств и средств информации, — аналогично тому, как это имеет место во Франции. Доживём ли мы когда-нибудь до этого, предполагать трудно.

М.Ю. Бродский. Дмитрий Иванович, наш диалог побудил меня обратиться к Вашей книге «Имена собственные на стыке языков и культур». Бросив взгляд на стр. 25 вашей книги («Принцип благозвучия») и увидев *Kiev*, я вспомнил, что недавно видел вариант *Kyiv*. Кажется, это была телетрансляция футбольного матча с участием команды «Динамо» (Киев).

Д.И. Ермолович. Транслитерация *Kyiv* и транскрипция *Kiiv* призваны отразить соответственно написание и произношение названия *Киев* в украинском языке (Київ). Ну, а поскольку раньше Украина была в составе России (в советскую эпоху — в составе СССР), то вариант *Kiev* отражал русское написание как написание на государственном языке всей страны. Поскольку сейчас русский язык утратил на Украине государственственный статус, там действуют правила передачи имён на латиницу непосредственно с украинского языка, которые, как я уже говорил, отличаются от правил для русского языка. Но написание *Kiev* имеет довольно давнюю историю использования в английском языке, поэтому может рассматриваться как традиционное соответствие.

М.Ю. Бродский. Я человек верующий, и меня ещё при первом прочтении книги заинтриговал абзац на стр. 32, посвящённый словосочетанию *Господь Саваоф*. Вы пишете, Дмитрий Иванович, что это ошибочный вариант. Но поскольку на каждой литургии хор поёт «Свят, свят, свят Господь Саваоф», я решил проверить этот вариант по электронному изданию Библии. По данным поиска, в общепринятом

А как это по-русски?

Синодальном переводе Библии «Господь Саваоф» используется 257 раз, а «Господь воинств (небесных)» – 0. Вы пишете, что ошибка была исправлена в современных вариантах перевода. Какие переводы имеются в виду? Переводные протестантские или какие-то другие?

Д.И. Ермолович. Да, я упоминал о том, что «имя» *Саваоф* – это исторически переводческая ошибка: эпитет, ложно воспринятый как имя собственное. По исконному смыслу выражение «Бог (или Господь) Саваоф» означает «Господь воинств небесных», то есть ангелов.

Написав, что сегодня эту ошибку в ряде случаев исправили, я имел в виду не Синодальный перевод, а некоторые современные переводы, которыми пользуются другие конфессии, помимо Русской православной церкви. Так, в Апостольской православной церкви используется следующий текст молитвы из книги пророка Исаии:

«Поэтому Господь, Господь воинств, изнурит его вельмож болезнью, а славу его сожжёт, в горящий костёр обратит!» (Ис. 10: 16).

Что касается английских соответствий – *Sabaoth* и *Lord of hosts*, то в Библии короля Иакова [the Authorised (King James) Bible], согласно «Симфонии» Крудена (*Cruden's Complete Concordance*), *Sabaoth* употреблено только 3 раза, а в остальных случаях сочетание *of hosts* там, где в Синодальном тексте – *Саваоф*. Например:

«Он, Который... утренний свет обращает в мрак, и шествует превыше земли; Господь Бог Саваоф – имя ему» (Амос 4: 13)

"... that maketh the morning darkness, and treadeth upon the high places of the earth, the Lord, the God of hosts is his name." (Amos 4: 13)

М.Ю. Бродский. В своей книге вы критикуете такие варианты передачи японских названий и реалий, как «Тошиба», «Хитачи» и «суши». Мне кажется, русскоязычному уху приятнее именно эти варианты (раздел 2.5 посвящён принципу благозвучия). Лапша «Доширак» плохо продавалась в России, пока она называлась «Досирак», и Шри Ланка тоже вряд ли когда-нибудь превратится в «Сри Ланку».

Когда мы со студентами говорили на занятиях о традиции и принципах благозвучия, я проводил опрос. Почти все опрошиваемые студенты в течение последних лет как раз склонялись в своих предпочтениях к вариантам «суши» и тому подобным. Может быть, дело в привычке...

Д.И. Ермолович. Михаил Юрьевич, мне кажется, что соображения о том, какой вариант звучит приятнее или какому варианту отдано предпочтение при опросах, не применимы к тем случаям, когда речь идет о соблюдении чётких правил – в данном случае правил, разработанных японистами для передачи японских имён собственных. Эти правила строго соблюдались в советский период («Тосиба» и «Хитати» существовали и в те времена), а сейчас их сплошь и рядом нарушают, поскольку не удосуживаются к ним обратиться и пытаются передавать имена и реалии с японского через посредство английского языка. Но мы-то, лингвисты-переводчики, как мне думается, просто обязаны их соблюдать и учить этому наших студентов.

Об этом есть подробные и убедительные мнения экспертов. Позволю себе сослаться на статью В. Смоленского «Суши или суси? Ответь щепелявицим» («Мосты» 2/2004). Материалы этого автора на данную тему размещены также в Интернете по адресам: www.susi.ru/SusiOrSushi.html, www.susi.ru/SiOrShi3.html. Мне кажется, В. Смоленский дал чёткие ответы на все возможные аргументы сторонников *суши и *Фуджи. Думаю, что было бы очень полезно знакомить с ними студентов.

М.Ю. Бродский. Дмитрий Иванович, нет никаких сомнений в том, что правила существуют для того, чтобы их соблюдать. И всё же мы не можем сбрасывать со счетов предпочтения носителей языка и тенденции развития самого языка: *Дон Кишот*, *Мюнх(г)аузен* и прочее. Опросы информантов широко применяются в лингвистике, и такие опросы, я полагаю, полезно применять и для решения переводческих задач.

Д.И. Ермолович. Михаил Юрьевич, по-моему, не следует противопоставлять правила опросам. Опросы информантов применяются

в первую очередь в исследовательских целях, для прояснения каких-то неизученных феноменов. Правила же — это системная фиксация уже существующей нормы. В большинстве случаев такая норма имеет чисто конвенциональный характер, то есть определяется в конечном счёте соглашением экспертов. В русском языке пишется *корова*, но теоретически могло бы писаться и **карова*. Я, честно говоря, не видел бы смысла в проведении опросов на тему о том, какой вариант информантам больше нравится — *корова* или **карова*, ещё или **исчо*.

Возможно, что при опросе какой-то группы лиц значительная часть информантов отдала бы предпочтение вторым вариантам в этих парах. Так, в интернетовских чатах и форумах стало модно искажать орфографию — вот для наглядности цитата (опускаю непечатные слова):

«Исчо один атчот о питерской тусе. На фходе стоял удаф с каким-то товарищем. Войдя ф клуп я пафтыкал в тусу, в надежде узнать каво-нибудь. Никаво я не узнал. Ну ладно, у фсех бывают прасчоты, или просто уже некада суетицца...»

Должен отметить, что такие искажения имеют свою внутреннюю логику и в чём-то остроумны. Ведь они не противоречат реаль-

ному произношению (по крайней мере, московскому). Но для человека, который хочет писать грамотно, из распространённости подобного стиля письма ничего не следует. Даже если какая-то норма устареет, её можно отбросить лишь тогда, когда зафиксирована новая норма — будь то в новых правилах или других авторитетных источниках (словарях, учебниках, солидных научных трудах, соглашениях экспертов).

Конечно, из правил могут быть исключения, диктуемые традицией или другими факторами. Но прежде чем соглашаться с исключениями из правил, необходимо знать сами эти правила. Наши студенты правил не знают, в этом вся беда. Я к тому и призываю, чтобы учить студентов правилам передачи иноязычных ИС, в частности японских и китайских. Ведь они потому и действуют по принципу «нравится — не нравится», что не знают о наличии нормы.

М.Ю. Бродский. Дмитрий Иванович, совершенно согласен с тем, что сначала нужно изучить правила, и критерий «нравится — не нравится» не может эти самые правила подменять. Этому мы, конечно же, должны учить и студентов.

Европа спорит о том, как писать евро

Оана Лунгеску
Би-би-си, 14.10.2004

До сих пор лишь Греция со своим собственным алфавитом была исключением из правила

Вопрос о написании слова евро может подпортить праздничную обстановку подписания европейской конституции в Риме в конце октября.

В 1990-х годах в ЕС было принято решение о том, что название европейской валюты должно во всех

странах писаться одинаково — евро. Лишь Греция со своим собственным алфавитом была упомянута в договоре в качестве исключения.

Однако два новых члена ЕС — Латвия и Венгрия, вступившие в Евросоюз в мае 2004 года, настаивают на том, что в их странах евро будет писаться согласно местным традициям.

В свою очередь Литва и Словения пошли на компромисс. Эти страны согласились использовать свое написание евро дома, а в официальных документах ЕС пользоваться общепринятым евро.

Несмотря на то, что евро — единая европейская валюта, ее написание отличается сегодня от страны к стране. Жители Словении именуют свою новую валюту евро, литовцы — euras, латыши — eiro, а венгры — euró.

Василий Иванович, именуемый «заказчик»

В.К. Ланчиков

В Великобритании вышел сборник ранних рассказов А.П. Чехова в переводе П. Майлза и Г. Питчера. Перевод — очевидная удача: яркий, свежий, изобретательный, довольно точный в смысловом отношении и неплохо передающий стилистические особенности чеховской прозы.

Впрочем, что касается последних, кое в чём с переводчиками хочется поспорить. Так, они считают каким-то особым, сугубо чеховским приёмом варьирование в повествовании грамматических времён. «В этом, — пишут переводчики, — мы старались следовать за Чеховым, хоть это и воспринимается как нечто странное: но мы считаем молодого Чехова настоящим новатором в смысле стиля и писательской техники».

Если в ранних рассказах Чехова и чувствуется новаторство, то никак не в обращении с грамматическими временами. Судя по всему, переводчиков ввело в обман широкое использование настоящего времени («настоящего исторического») в рассказах, которые можно условно назвать «рассказы-сценки»: «Хамелеон», «Детвора», «Злоумышленник» и т.п. С точки зрения англоязычной литературной традиции, это действительно новаторство: «настоящее историческое» стало признаком хорошего литературного тона в англоязычной прозе лишь в последние десятилетия XX века.

Что же касается литературы русской, приём этот стал общеупотребительным задолго до Чехова, а значит, сохраняя в чеховских рассказах те же грамматические време-

на, что и в оригинале, переводчики, вопреки своим намерениям, не передали некую «странность» авторского стиля, а создали её на пустом месте. Для читателей-современников ничего странного в произведениях Антоши Чехонте не было. Сам жанр рассказа-сценки, со всеми его стилистическими признаками, был им уже хорошо знаком — хотя бы по рассказам Н.А. Лейкина, одного из самых заметных авторов, работавших в этом жанре, и в некотором роде учителя Чехова (недаром Чехов назвал его своим «крестным батькой»).

А если поискать истоки жанра, то едва ли не создателем его был прозаик, драматург и актёр Иван Фёдорович Горбунов (1831—1895). Большинству современных читателей, знакомящихся с русской литературой по пригولливенным телесериалам, это имя, разумеется, не очень хорошо знакомо, но об известности Горбунова в своё время можно судить уже по тому, что кое-какие выражения из его рассказов стали крылатыми: «От хорошего житья не полетишь», «Издраву моему не препятствуй», «Кажинный раз на этом месте», «женское сословие». Известный юрист А.Ф. Кони приписывал Горбунову авторство выражения: «покрыто мраком неизвестности». Даже если это заблуждение, то заблуждение показательное.

На сцене Горбунов не блистал. Его умение перевоплощаться больше проявилось в литературе. В рассказах его — монологах, диалогах, массовых сценах — речь каждого персонажа настолько индивидуализирована, что его реп-

лики можно узнать даже без авторского указания, кто это говорит. (Хороший, между прочим, способ проверки при переводе диалога. Снимите авторские ремарки: будет понятно — по стилю. — кто из героев подал голос?)

Мы предлагаем вашему вниманию рассказ Горбунова, имеющий отношение к нашей профессии. Он был написан в 1882 году, когда в России гремели споры вокруг изданного двумя годами раньше романа Эмиля Золя «Нана». Роман был мгновенно переведён на русский — правда, с цензурными купюрами. Цензорам смутило не обличение нравов французского общества, а натуралистичность описаний, из-за которых многие увидели в романе злостную порнографию. М.Е. Салтыков-Щедрин отозвался о романе Золя так:

Представьте себе роман, в котором главным лицом является сильно действующий женский торс, не прикрытый даже фиговым листом, общедоступный, как проезжий шлях, и не представляющий никаких определений, кроме подробного каталога «особых примет», знаменующих пол. Затем поставьте, в pendant к этому сильно действующему торсу, соответствующее число мужских торсов, которые тоже ничего другого, кроме особых примет, знаменующих пол, не представляют. И потом, когда все эти торсы надлежащим образом поставлены, когда, по манию автора, вокруг них создана обстановка из буафорских вещей самого последнего фасона, особые приметы постепенно приходят в движение и перед глазами читателя завязывается бестральная драма... Спрашивается, каких ещё более возбуждающих услад может требовать буржуа, в котором сытость дошла до таких геркулесовых столпов, что едва не погубила даже половую бестральность? («За рубежом»)

Иван Фёдорович Горбунов (1831-1895)

НАНА

Рассказ купца

— Ну, какое же, Василий Иванович, теперича ваше положение, опосля папашинной смерти?

— Хуже быть нельзя... острого! При тятеньке хоша и строгое положение было, а всё терпеть можно, а теперь... Ты думаешь — я купеческий сын? Арестант я и больше ничего.

При тятеньке, помнишь, в Париж раз с бухгалтером ездил, в Нижнем крутился... И не приберёт её Господь Царь Небесный!

Но, как и следовало ожидать, те самые особенности романа, которые пробуждали сарказм Щедрина, другую часть читателей совершенно обворожили. Романом зачитывались. Имя заглавной героини стало нарицательным. Посредственный, но предприимчивый художник М.Г. Сухоровский мигом оседлал успех романа Золя и создал «панорамы» «Нана» и «Дочь Нана», где живописное изображение «сильно действующего женского торса» представало в окружении подлинных «вещей самого последнего фасона». Как описывает эту «инсталляцию» Г.В. Иванов:

Часть прихотливо разбросанных у ложа красавицы «дессу» была нарисована, часть — настоящая. Но который из чулок от Артюра, а который — «от Сухоровского» — различить было невозможно даже из первого ряда. А ведь в большинстве смотрели знатоки, если не живописи, то «подробностей прелестных туалета»... («Китайские тени»)

Когда в 1881 году это художественное изделие привезли для экспозиции в Москву, Антоша Чехонте поместил в журнале «Будильник» объявление: «В Москву прибыли: Французская подданная Нана Сухоровская из Петербурга. Остановилась в Петровских дачах».

Именно эта картина и упоминается в рассказе И.Ф. Горбунова, к которому нам давно уже пора перейти.

— Кого, сударь?

— Бабушку! Ведь она опекуницей назначена. Ну и шабаш! Ни направо, ни налево! Сидит с монашенками, Бибелью аль Чикминей¹ по складам разбирают... То есть, завтра она умрёт, а послезавтра я всему оставшемуся капиталу решение сделаю... весь капитал с радостью пропью! Двух старцев теперича ко мне приставили для наставления. Оди-то ещё ничего... пьёт; а другой, окромя кровочислительных капсель, ничего не трогает. Намедни они меня до того довели:

¹ Имеются в виду Библия и Четырёх-Минен (повествования о жизни православных святых с соответствующими поучениями, распределённые по месяцам) — *Ped.*

Что про нас сочинили

— Бабушка, говорю, Маланья Егоровна, я очу-
млю!

— Это, говорит, тебе на пользу...

Веришь ты!.. (Плачет) Под векселя никто не
даёт, опасаются — несовершеннолетний, а этого
случая надо ещё два года ждать. За это время она
мне всю душу вымотает. Сестру тоже поедом
есть... Ну, той ничего! Та девушка такая — за ней
хоть в подзорную трубу смотри — ничего не уви-
дишь.

— Ну, а ляденька как?

— Тот дурак! Только кажется-то умным, а за-
ставь трём свиньям щи разлить — не сумеет. Уж то
возьми: в баню идёт — медаль надевает! Дурак ес-
тественный! Я всех умней, всей нашей фамилии, но
только я самый что ни на есть несчастный человек!
Вот хошь бы теперь в беду попал — за что? Страм
теперича пойдёт по городу. Уж из «Санкт-Петер-
бургского листка» приходили опрашивать. Двор-
ник сказал — дома нет, скрывается.

— В чём же беда-то ваша?

— Видишь ты, милый человек: иду я по Нев-
скому, смотрю — большое стечение публики. К го-
родовому:

— По какому случаю?

— А по такому, говорит, случаю — картину
рассматривают.

А господин какой-то говорит:

— Нана выставлена.

Вошёл, посмотрел — ничего нет удивительно-
го, а как облаковенно. Старичок только какой-то, в
чёрненьком паричке, хотел рукой погладить, да не
достал.

И сейчас этот старичок оборотился ко мне с
разговором:

— Вы, говорит, ещё не видали?

— Нет, — говорю.

— А я, говорит, десятый раз смотрю и всё на-
любоваться не могу.

— Что ж, говорю, бабеллина чудесная.

— А вы, говорит, роман «Нана» читали?

— Нет.

— Почитайте, вам, как молодому человеку,
очень приятно будет. Там, говорит, все обстоятель-
ства обозначены воясю!

И глаз это у него так и завертелся.

— И слова на этот счёт такие, что и пропеча-
тать их на нашем языке невозможно, надо по-фран-
цузски.

И вонзил он мне в самое сердце такой кин-
жал... как ни старался — не мог вытащить. Давай
«Нана» — да и шабаш! Книжку купил, пошёл к од-
ному знакомому приказчику в Перинную линию,
хвастался, что умест по-французски. Тот слов пять
разобрал — бросил: не при нём писано. Ну, а мне
всё одно — хошь умирать!

И сказали мне, что в Казанской улице живёт с
матерью девица и французским языком орудовать
может. К ней. Бедная, худая, волосы подрезаны в
скобку; мать тоже старуха, старая, слепая... Вид-
но, что дня три не ели... Грусть на меня напала!
Вот, думаю, обдела Господь.

— Можете, говорю, перевести на наш язык
французскую книжку?

Посмотрела.

— Извольте, — говорит.

— Что это будет стоить?

— Семьдесят пять рублей.

— Это, говорю, мы не в силах... За пятнад-
цать рубликов нельзя ли?

Она так глаза и вытаращила, а глаза такие до-
брые, чудесные. Инда мне совестно стало.

— Вы, говорю, не обижайтесь: мы этим това-
ром не торгуем, ден на него не знаем.

— Я, говорю, с вас беру очень дешёво, и то по-
тому, что нам с мамашей есть нечего... А по щёкам
слёзы, словно ргуть, скатились.

Жалко мне её стало, чувствую этакую церево-
рот в душе.

— Извольте, говорю, только чтоб перевод был
сделан на чести, чтобы все слова и обстоятельст-
ва...

Покончили.

Зашёл как-то через неделю наведаться, смот-
ро — сидит, строчит. Матери не в зачёт рубль дал
на кофий. Покончила она всё это дело да, не дож-
давшись меня, на Калашникову и припёрла. Вошла
в калитку-то, собаки как залыются — чужого на-
роду к нам не ходит... А бабушку в это время в
экипаж усаживали, в баню везти, бобковой мазью
оттирать...

— Что за человек? Зачем? К кому? По како-
му случаю?...

Вот дело-то и обозначилось.

Уж они меня с дядей терзали, терзали, старцы-
то меня точили, точили... Хотел удавиться!...
Сестра упростила глупости этой не делать. Бабушка
взяла эту книжку и тетрадку да в печку бросила.

И Нана, и все слова, и все обстоятельства — всё сгорело!..

В четверг повестка... к мировому. Бабушку за безобразия, меня, должно быть, за малодушество, а дядю, как он есть дикий, нескладный человек, за грубое обращение...

Ищу адвоката. Был у одного, не понравился.

— Чем, говорю, прикажете вас вознаградить, потому как всю нашу фамилию судить будут?

Встал этак, выпрямился:

— Мне кажется, говорит, что опосля изобретения денежных знаков ваш вопрос совершенно лишней.

В доме теперь смутение. Бабушка боится, что её будут к присяге пригонять; дядя сумневается насчёт своих слов нехороших, а я третий день дома не ночую — пьян без просыпа.

КОММЕНТАРИЙ

Ещё один повод пролить слезу об участии Сонечки доинтернетовской эпохи. Нам уже приходилось писать о том, какой образ переводчика рисует русская литература второй половины XIX — начала XX века («Под серым знаменем» — «Мосты» № 1, 2005). Этот род занятий считался уделом самых никчёмных из числа образованных людей — тех, кто ничем другим на жизнь заработать не умеет. Когда герой романа А.Ф. Писемского «Тысяча душ» (1858) собирается ехать в Петербург и сделаться литератором, его пугают:

— ...Вы напишете, может быть, ещё несколько повестей и поймёте, наконец, что всё писать никаких человеческих сил не хватит, а деньги между тем всё будут нужней и нужней. Вы насилуете себя, торопитесь, печатаете, мараете своё имя и потом из авто-ров переходите в фельетонисты, переводчики... и тогда все пропало: загублено и ваше время, и ваш талант, и даже ваше здоровье.

А вот размышления героини повести П.Д. Боборыкина «Однокурсники» (1901). Приехав в Москву учиться, Надя обдумывает, какое поприще себе избрать:

Курсы?... Будешь или женщиной-врачом, «жевешкой», как нелюбительно зовут краснобаи, или учительницей. Другой дороги нет. Литература — беллетристика требует таланта, а то век будешь переводчицей или плохой компиляторшей (...). Печататься в газетах, искать уроков?... Сотни их жаждут

того же. Если и перепадёт что-нибудь насчёт переводов, так от Вани. Да и не знает она достаточно хорошо ни французского, ни немецкого — даром что получала по пяти. Читать может французские книжки; но немецкие — труднее, да и самой надо владеть русским слогом, и не так, как годится для сочинений в гимназии.

Замечательный отрывок. Из него очень хорошо видно, какие требования предъявлялись к переводчику. С одной стороны, переводческое ремесло — в отличие от беллетристики — особых литературных дарований не требует. С другой — всё-таки «надо владеть русским слогом, и не так, как годится для сочинений в гимназии».

Но в рассказе Горбунова на первый план выдвигается другая сторона дела — сторона, «именуемая в дальнейшем ЗАКАЗЧИК». Что охочий до «клубнички» купчик за гроши нанимает для перевода человека, о котором только и известно, что «французским языком орудовать может», — тут ничего удивительного. В конце концов, перевод предназначался для собственных нужд, а нужды нехитрые: узнать «все слова и обстоятельства».

Ну а если бы Василий Иванович «этим товаром торговал»?

Писатель И.И. Панаев вспоминал, как в 1840 году издатель журнала «Отечественные записки» А.А. Краевский вместе с В.Г. Белинским решили опубликовать у себя в журнале роман приобретавшего тогда популярность в России Фенимора Купера «The Pathfinder, or The Inland Sea». (Роман незадолго до этого вышел во французском переводе под названием «Le Lac Ontario» и имел огромный успех во Франции). Чтобы ускорить работу, издатели прибегли к «расчленёнке», как называют сегодня на переводческом жаргоне практику, когда одно произведение переводят по частям несколько человек. Переводили роман трое: И.И. Панаев, М.Н. Катков и М.А. Языков. Как рассказывает Панаев:

Катков взял на себя перевод первых двух, а последних двух частей; Катков переводил с английского, а я с французского. Г. Краевский объявил нам, что за перевод он деньгами платить не может, а отпечатает нам 200 отдельных экземпляров, которые мы можем продать в свою пользу (...). Через месяц по отпечатании его «перевода — В.Л.» в журнале мне были

Что про нас сочинили

доставлены 200 условленных экземпляров, которыми мы могли, впрочем, распорядиться не прежде полугода.

Хотя к этому времени Панаев и Катков уже имели некоторый переводческий опыт, при таком методе работы и таких сжатых сроках о добротности перевода нечего было и думать. Но очень уж издателю не терпелось, обогнав конкурентов, напечатать модную новинку.

Не брезговал экономящей время «расчленишкой» и другой журнал, также вошедший в историю русской литературы: «Современник». В 1850 году он издал роман Теккеря «Vanity Fair», который, как доказал И. И. Введенский, «переводили для журнала несколько переводчиков, из которых ни один не прочёл оригинала полностью и не согласовывал своей работы с другими»². Качество получилось соответствующее.

Иринах Введенский (переводчик, споры о котором не смолкают по сей день) ввязался в полемику о переводе «Vanity Fair» отчасти с целью самозащиты. Он сам перевёл этот роман Теккеря, его перевод (под названием «Базар житейской суеты») публиковался в «Отечественных записках» параллельно с «современниковским» и стал предметом жестокой критики на страницах «Современника». Так что за обсуждениями достоинств обоих переводов скрывалась конкуренция между двумя журналами. (Кстати, и роман «Нана» наперегонки печатали газеты «Новое время» и «Новости» и журнал «Слово». Тут не до качества перевода: главное — конкурента обскакать).

Не бульварные листки какие-нибудь, а «Современник» и «Отечественные записки». И авторы — не заштатные кропатели детективов, а Купер и Теккерей.

Ясно, что в таких условиях особых талантов от переводчика действительно не требовалось.

А уж если бы заняться издательским делом вздумалось горбуновскому Василию

Иванычу, держись, литература! Набрал бы полуголодных переводчиков, согласных работать из расчёта пятнадцать рублей за роман (а то и знакомых приказчиков из Перинной линии), заменил бы требующую дополнительных расходов редактуру беглым исправлением опечаток, доверил бы издательскую политику менеджерам по продажам, да ещё и сам бы указывал переводчикам, как позабористее переславить «слова и обстоятельства». И — пожалуйста-с: очередной «всемирно известный бестселлер от автора “Наны”» рекламируется на всех перекрёстках.

Знакомая картина?

Поэтому, читая иной раз изувеченную в переводе шумную новинку, я не только сетую на бездарность переводчика, но и вспоминаю достопамятное: «Ндраву моему не препятствуй!». И думаю о том, что некоторые отечественные традиции можно было бы и не возрождать.

Н.С.Лесков — переводчику К.А.Греве, 5 декабря 1888 г.

С «Левшой и блохой» трудно будет Вам справиться. Тут знания немецкого просторечия недостаточно. Что Вы сделаете с созвучьями и игрой слов: «клеветон» вместо фельетон, «спираль» вместо спертый воздух, «досадительная укушетка» и т.п. Конечно, что-нибудь выйдет, но общего тона такой вещи передать на ином языке нельзя.

² Ю.Л. Левин. «Русские переводчики XIX века и развитие художественного перевода» — Л.: «Наука», 1985, с. 125.

Как я «удаляла простату»

А. И. Никольская

Я всегда боялась профессий, где ты отвечаешь за жизнь людей. Никогда бы мне не стать машинистом паровоза, да и о профессии лётчика всегда думалось с замиранием сердца. Как это они не боятся и за себя и за жизнь столько пассажиров? Сколько ответственности, мужества, нервов. По сравнению с этими, профессия переводчика, хоть и сопряжённая с психическими нагрузками, где-то в глубине души представлялась игрой, когда внимание в основном занято складыванием словесной мозаики и поиском удачных эквивалентов. Работа всегда была для меня связана и с радостью общения и обмена шутками с коллегами и кулуарах съездов и конференций. Темы мероприятий менялись, как в калейдоскопе, что делало профессиональную жизнь ещё более интересной и непредсказуемой.

Очень часто, среди всего прочего, мне приходилось — и до сих пор приходится — переводить медицину. Надо сказать, тематика эта сложная, и далеко не каждый переводчик-синхронист рискнёт пойти переводить медицинскую конференцию, потому что уж больно специфическое это дело. К такой работе надо долго готовиться, учить уйму терминов и сокращений, названия биохимических соединений, знать анатомию, эпидемиологию и много чего ещё. Удовольствие на любителя, прямо скажем. Часто, оgraботав особенно сложную и утомительную конференцию, организаторы которой умудрились включить 35 докладов в один рабочий день, мы говорили друг другу, полушутя: «Главное, чтобы они никого не пролечили по нашим рекомендациям».

Конечно, всякое бывало. Было дело, когда переводчик предложил дать больному 10 мл ртути, не расслышав, что оратор имел в виду 10 мм ртутного столба (речь шла о давлении). Врачи как-то нервно персглянулись, мол, зачем же так сразу, ведь можно, наверное, ещё попытаться как-то его спасти... Потом ошибка, конечно, была исправлена, и все вздохнули с облегчением.

Однажды, через неделю после окончания конференции по неврологии, вдруг раздался звонок от организаторов мероприятия. Мелькнула неприятная мысль: «Пролечили кого-то по нашей наводке». Осторожно интересуюсь, не случилось ли что. Ответ повергает в полное изумление: «Вы работали дольше, чем было оговорено, и мы решили вам доплатить».

Надо сказать откровенно, всё шло вроде ничего, и даже неплохо. И так бы, наверное, продолжалось и дальше, если бы жизнь не преподнесла мне сюрприз. Бывают такие конференции, когда с самого начала знаешь, что всё будет как-то сразу и неожиданно. Необязательно неприятно, но — не так, как всегда. Конечно, к таким мероприятиям в первую очередь относятся конференции с выездом. Особенно если организаторы не совсем представляют себе, что именно они хотят и что для этого нужно. В моём случае местные устроители пожелали перевод показательной операции. В самой заявке ничего особенного не было: перевод демонстрационной операции в Москве — дело обычное. При одном условии — должно иметься оборудование для синхронного перевода.

Cum grano salis

В последовательном режиме задача практически невыполнима по многим причинам. Во-первых, хирург не может делать паузы, необходимые для последовательного перевода во время операции. Он работает так, как привык, и говорит так, как ему удобно, комментируя свои действия и нисколько не заботясь о том, сколько времени длится его монолог — две минуты или десять. Во-вторых, переводческой записи такой текст не поддается, так как состоит из обрывков фраз и перечисления анатомических образований. Да и времени проговорить свой текст у переводчика, даже если он умудрился что-то записать, потом нет. Поезд ушёл, и хирург — уже в каких-то других, неведомых вам глубинах.

Есть и масса технических сложностей. Во-первых, операционная вряд ли находится рядом с конференц-залом. Кроме того, не редкость сегодня трансляция и из других стран, прежде всего по сети Интернет. Звук приходится усиливать и передавать на расстоянии, что неизменно сказывается на его качестве. Далее. Представим себе основное действующее лицо — хирурга: естественно, в маске, говорящего с японским или еще с каким-нибудь акцентом, бормочущего себе под нос сокращенные названия артерий и инструментария, — и картина будет практически полной. В некоторых случаях разобрать не удастся почти ничего, особенно если врач не снабжен хорошим высокочастотным микрофоном (например петличкой).

Итак, памятуя всё это, я пытаюсь объяснить организаторам трудности, связанные с реализацией их затеи. Меня убеждают, что конференц-зал и операционные оборудованы по последнему слову техники и что никаких проблем при переводе операции быть не должно. Верится с трудом, но возразить вроде нечего. Чётко разъяснив организаторам, что если не будет синхронного оборудования — не будет и перевода, я немного успокаиваюсь.

Прилетев на место и выдержав ночной банкет, организованный местной администрацией, на следующее утро с группой норвежских медиков отправляемся в клинику — знакомиться с пациентом. Пациент уже давно

ожидает операции по поводу рака простаты. Иностранцы обещали прооперировать его ещё осенью, но не получилось по каким-то техническим причинам. Дальше откладывать нельзя. Поговорив с пациентом, спускаемся в операционную, чтобы проверить, всё ли готово к операции. Тут выясняется, что часть привезённого норвежцами оборудования не подходит к системам, используемым в России, и, как и следовало ожидать, вообще много нестыковок. Становится понятно, что по ходу операции будет возникать множество вопросов к российской стороне, разрешить которые не представляет особого труда, если понятно, конечно, в чём состоят эти вопросы. Тут выясняется, что никто из местных операционных сестёр, в том числе и та, которая должна ассистировать бригаде с российской стороны, не говорит по-английски. А смотреть операцию присудят хирурги из многих областей России, и, конечно, российской стороне хотелось бы избежать любых недоразумений. Переживают и иностранцы — ведь работать на чужой территории всегда нелегко. Становится понятным, что переводчик, владеющий терминологией, должен присутствовать не в конференц-зале, а в операционной.

...Вечером накануне рокового дня было как-то особенно тоскливо. В голову лезли дурные мысли. А что если я упаду в обморок в самый ответственный момент? Не выдержу вида крови так близко? Что будет, если я не разберу названия инструментов или не пойму, какое оборудование им требуется? Что, если по моей вине случится что-то ужасное? Вспоминались случаи из чужой практики, когда, переводя операцию, переводчик то ли по незнанию, то ли по неопытности, услышав "Nurse, forceps!" порадовал всех переводом: «Сестра, пассатижи!». Так, проворочавшись всю ночь под аккомпанемент собственного бреда, помывшись из гостиничного графина горячей водой, судорожно вскипячённой привезённым с собой кипятивником («Кто же зимой горячую воду в гостиницу подаёт, ишь чего захотели»), с разламывающейся головой, утром я вяло побрела на закланье.

Надо сказать, что норвежцы выглядели не лучше. Морозы, непривычные даже для них, и русское гостеприимство, выражающееся в череде непрерывных банкетов, не добавляли бодрости никому.

По приезду в клинику нам предложили по 50 грамм — так, для храбрости. Норвежцы отшутились, сказали — потом. Переодевшись в пижамы, пошли в операционную. Про себя отметила, что голубое мне чудо как к лицу.

Пациент уже в операционной, с ним работает российская бригада анестезиологов. Выяснилось, что русские и норвежцы многое делают по-разному. По-разному моют пациента, по-разному моются перед операцией и сами хирурги. Да и медсёстрам в Норвегии предоставляется намного больше свободы действий, чем нашим. Всю основную подготовку проводят именно они, в то время, как в России пациента больше готовит сам хирург. Нашей сестричке пришлось действовать по норвежскому протоколу, и ее было очень жаль, потому что команды раздавались со всех сторон, а она только успевала поворачиваться.

Переставляем в операционной все столы, чтобы иностранной бригаде было удобнее работать. Наконец, пациента подготовили, и началась операция. Норвежский хирург, сделав разрез, просит наших ребят опустить головной конец стола. Я перевожу. Медики засуетились, стали что-то откручивать, и вдруг пациент вместе со столом стал резко опускаться вниз. Да нет, кричат, только голову. Я повторяю просьбу. Когда норвежцы начинают нервничать, команды подаются по-норвежски. Легче от этого не становится. Конечно, попробуй тут одновременно оперировать и соображать на иностранном языке. Тем более, что люди они небыстрые, вроде эстонцев.

Проходит два часа операции. Жарко, гудят приборы, ведётся видеотрансляция в зал, и слышны все комментарии российского хирурга по ходу вмешательства (было решено, что вместо переводчика в конференц-зал будет приглашён русский специалист с опытом проведения подобных операций. Он-то и будет рассказывать собравшимся о том, что происходит в операционной).

Ко мне подходит норвежская медсестра и говорит: "It's time to have a drink". Первое, что приходит в голову, — норвежцы хотят выпить. За что? Подонили к мочевому пузырю? Взяли высоту? Сестра терпеливо объясняет, что на этом этапе операции они дают врачам компот из лесных ягод, чтобы те не отключались и могли эффективнее концентрироваться. Все, что я могу сделать, это передать просьбу русским коллегам. Норвежцы требуют компот. Наши в недоумении, какой компот, ведь вчера ничего не заказывали. И вообще, «наши вон ничего, с бодуна, да по 6 часов оперируют, и без всякого морса». В душе просыпается патриотизм и гордость за родных врачей, таких мужественных и сильных духом. Решаем обойтись соком из пакетиков. Кто-то спешно бежит в ларёк и приносит маленькие пакетики сока. Но без трубочек, что существенно. Без трубочек нельзя, потому что хирург помыт и в руки может брать только стерильные предметы. Мы решаем порезать на трубочки катетер от капельницы. Норвежцы говорят, что они бы до такого не додумались.

Все идёт ничего, и названия инструментов в пределах доступного, пока не доходим до чего-то загадочного, что прозвучало в устах норвежца как «Catheter with membrane». Катетер с мембраной? Странно как-то. Бывает что-то похожее, но при операции на сосудах, для улавливания тромбов. Да и называется по-другому. Хирурги ждут. Я начинаю расспрашивать, чем это можно заменить. Выясняется, что на самом деле требуется катетер с мандрином (mandrin) — это такая жёсткая проволока, которая вставляется в просвет мягкого катетера для придания ему формы и твёрдости во время проведения через мягкие ткани.

Все заканчивается только через четыре с половиной часа. Главное, пациент остался жив, простату ему удачно удалили. Как это принято писать? «Усталые, но довольные, они покидали операционную».

Вслед за показательной операцией начался мастер-класс, лекции, — но всё это было уже в привычном режиме синхронного перевода. Приехала моя коллега по кабине и звукоинженер из Москвы, и мне стало намного легче. Кстати, не зря я беспокоилась насчёт

Cum grano salis

местного оборудования для перевода и качества звука. Во время второй операции, которую проводил в тот же день российский уролог; звука в конференц-зале, считай, не было, равно как и картинки. И, конечно, никакого оборудования местные организаторы мне бы не предоставили.

После состоявшейся в последний день конгресса пресс-конференции в зал вошла женщина с букетом цветов. Она сразу направилась ко мне и спросила: «Простите, вы переводчик?» Я радостно закивала, думаю, вот такого я точно не ожидала. — «Вы не переведёте пару слов норвежскому доктору, который оперировал моего мужа?»

Кстати, норвежский доктор немного обалдел, получив в подарок букет цветов. Он объяснил мне, что у них в стране врач может в лучшем случае рассчитывать на маленькую бутылку вина от своих пациентов на Рождество.

Потом опять потянулась вереница банкетов с переводом тостов «от урологов», но это — тема отдельной статьи. С тостами норвежских урологов могут сравниться только тосты норвежских гинекологов.

Первая премия за перевод британской литературы

16 марта 2006 года на ВВЦ в рамках весенней Книжной ярмарки состоялась презентация премии «Единорог и Лев». Её учредителями выступили Британский совет в России, журнал «Иностранная литература», газета «Книжное обозрение» и союз «Мастера литературного перевода». Премия за лучший перевод произведений авторов с Британских островов будет присуждаться в двух номинациях: перевод прозы и перевод поэзии.

Произведения для конкурса должны быть впервые опубликованы на языке оригинала с 1980-го по 2005 год; переводы на русский язык — с 2000-го по 2005 год. Выдвижение на соискание премии производится с 15 марта до 15 мая 2006 года, а объявление итогов конкурса состоится на Московском международном открытом книжном фестивале, который пройдет с 30 июня по 2 июля 2006 года.

Премия победителям — участие в Эдинбургском книжном фестивале в августе 2006 года.

Предполагается сделать конкурс ежегодным.

Подробности приведены по адресу:

<http://www.knigoboz.ru/news/news3341.html>

Звёзды мира переводов

16 марта 2006 года в РИА «Новости» прошла пресс-конференция «Развитие цивилизованного рынка услуг переводов в России». В этом году рынку переводов, как и большинству российских рынков, исполняется 15 лет. Руководители десятка ведущих бюро переводов Москвы рассказали на удивление

многочисленным журналистам о его состоянии и перспективах и получили из рук главного редактора журнала «Кто есть кто на рынке переводов» Дмитрия Фуфаева призы за различные достижения, символизирующие их статус путеводных звёзд переводческого бизнеса. На конференции выступил представитель МИДа Владимир Кураев, пожелавший собравшимся дальнейших успехов и призвавший их к сотрудничеству.

Лоция в море словарей

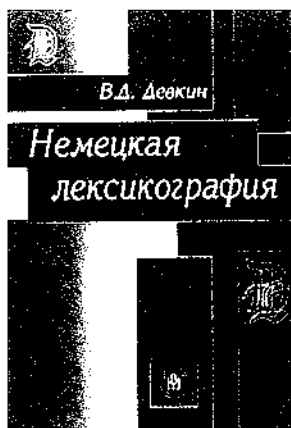
М.Я. Цвиллинг

Словарь, как известно, неременный спутник переводчика. Он нужен и школьнику, впервые взявшемуся перевести письмо иностранного друга, и многоопытному профессионалу, продирающемуся сквозь дебри заковыристого специального текста, либо одолеваящему словесные ухищрения ультрасовременного писателя-модерниста. Если посмотреть на сегодняшнее состояние лексикографической практики и её отражение на конъюнктуре словарного рынка, то окажется, что ориентироваться в этом море чрезвычайно трудно. Я не имею в виду одно только постоянно растущее количество языков, вовлечённых в процесс межнационального общения, для обслуживания которого требуются новые словари для вновь возникающих языковых пар, что чисто математически ведёт к экспоненциальному нарастанию лексикографической продукции, проще говоря, вызывает эффект «снежного кома». К этому добавляется и всё более дробная специализация словарей по давно освоенным языкам — тематическая, жанровая, лингвистическая, прикладная и т.д. Естественно, что переводчик, а тем более преподаватель перевода и переводовед, должен иметь достаточно конкретные представления о всей этой массе вспомогательных средств, с тем, чтобы эффективно использовать их в случае необходимости.

Именно этой задаче в известной мере служит рецензируемая монография профессора, доктора филологических наук Валентина Дмитриевича Девкина, известного

лексиколога и лексикографа, автора единственного в своём роде «Немецко-русского словаря разговорной лексики», многих других научных и справочных публикаций. Хотя рассматриваемая книга не адресована напрямую к переводчикам, а во многих местах апеллирует скорее к лингвистам и преподавателям, автор в полной мере учитывает и значение словаря для переводческой деятельности, и не игнорирует сложности и противоречия, связанных с использованием словаря в этих целях. Это, в частности, чётко сформулировано им в разделе «Словари в афоризмах»: «Чем меньший сегмент подлежит переводу, тем труднее обеспечить адекватность. Нет непереводимых текстов, но есть непереводимые слова. Поскольку словарь вынужден давать пословный перевод, трудности, естественно, возрастают. Принято считать дословный перевод плохим. А словари вынуждены давать только пословный перевод, который и грозит вылиться в дословный» (стр. 585).

Как бы то ни было, словарь рассматривается автором в первую очередь как средство и способ раскрытия и освоения языковой информации, мощный и надёжный инструмент изучения языка и овладения им. При таком подходе различия между одноязычными и двуязычными (многоязычными) словарями отходят на второй план, поскольку главное для него — насколько полно, точно и детально отображается значение (со всеми коннотациями) и употребление слова исходного языка, а «правая» часть статьи — дело техники (и выбора метаязыка,

В.Д. Девкин «Немецкая лексикография». М., Высшая школа, 2005. 670 стр., тираж 3000

Рецензия

которым в двуязычном словаре оказывается ПЯ, target language, Zielsprache). Строго говоря, это вполне согласуется с профессиональным опытом переводчиков, которые на практике то и дело убеждаются в превосходстве одноязычных словарей над двуязычными по разнообразию, полноте, актуальности и достоверности.

С точки зрения потребностей переводческой практики, основными достоинствами книги являются, с одной стороны, полнота отражённого в ней массива разнотипных русскоязычных, немецкоязычных и двуязычных лексикографических изданий – только непосредственно в библиографическом разделе книги представлено свыше 700 названий, и помимо этого многие источники фигурируют в ссылках и списках, сопровождающих отдельные главы монографии, и с другой – нестандартный подход к отбору рассматриваемых проблем, усиленное внимание к словарно-переводческим проблемам, ранее оставшимся на периферии научного интереса.

Настоящая рецензия не претендует на полноту освещения всех вопросов, затронутых в этом обширном фундаментальном труде, её задача – ознакомить читателя журнала главным образом с теми моментами, которые обладают непосредственной релевантностью для теории, методики и практики перевода.

Так, в главе «Введение в лексикографию» специальный раздел посвящён явлению гипер-/гипонимии и, в частности, его сопоставительному представлению в словарях. Здесь обращено внимание на специфический вид семантической асимметрии, создающий определённые трудности при переводе. К примеру, на бутерброд может быть что-нибудь положено (колбаса, сыр, ломтик рыбы) либо намазано (масло, маргарин, плавленый сыр). В немецком языке продукты первого типа объединены понятием „Belag“, а второго типа – понятием „Aufstrich“, в русском языке такая дифференциация отсутствует. Переводчик вынужден прибегать в таких случаях к приёмам конкретизации – генерализации (в зависимости от направления перевода), и потому в процессе обучения, на стадии целенаправленного накопления соотносительных языковых знаний и формирования профессиональных навыков, опора на словарную информацию, безусловно, сыграет положительную роль.

В этом же разделе автор выделяет и ещё один характерный для русского языка тип гипер-/гипонимических отношений, весьма релевантный в переводческом аспекте. Сахар одновременно и гипероним („Zucker“, сахар как продукт) и гипоним („Würfelzucker“, рафинад, кусковой сахар в противопоставлении сахарному песку). Аналогичное раздвоение существует и в таких словах, как мясо (всякое мясо и не-свинина), или рыба (любая рыба и не-селедка), а также пить (поглощать любую жидкость и злоупотреблять спиртным). Исследование этой проблемы в переводоведческом плане может оказаться весьма плодотворным.

В главе «Лексикография субстандарта» переводчика в первую очередь интересует раздел «Русские параллели» (немецких субстандартизмов). Приёмы компенсации, уместные при переводе связного текста, зачастую оказываются непригодными для словарной статьи. Фразу сниженно-разговорного стиля „Der neue Trupp Baufrühen ist mit einem Güterwagen gekommen“ можно передать, используя приём компенсации, русским предложением «Новый отряд строителей прибыл с товарняком». «Подвижность сем-колоризаторов при переводе может использоваться для перелачи общего духа текста ... Словарю это недоступно.» (стр. 123).

Очень важным для переводчика является также осознание необратимости двуязычного словаря, с особой наглядностью проявляющейся как раз на примере колюквальной лексики. Это убедительно продемонстрировано на таких парах слов, как Waschlappen – тряпка, Klamotten – шмотки.

Несомненный интерес представляет в этой главе также раздел «На дне» лексики, где автор, в частности, уделяет немалое внимание русскому мату, социолингвистической характеристике, его месту в аксиологической иерархии выразительных средств, функционированию и жанрово-стилистической динамике (в синхроническом и диахроническом плане). Для переводоведов соображения автора полезны на стадии «предпереводческого» анализа, но рекомендаций по переводу текстов, содержащих соответствующую лексику, Валентин Дмитриевич, к сожалению, не высказывает. Кстати, в другом его словаре „Der russische Tabuwortschatz“ (по-русски эвфемистически

озаглавленном «Русская сниженная лексика»¹ нецензурная лексика также вполне последовательно приводится без перевода, с примерами и толкованиями на русском же языке.

Безусловно познавательна глава «Лексикографические маргиналии», к числу которых отнесены словари окказионализмов, идиолектизмов и раритетов. Многочисленные примеры и приведённая здесь библиография, несомненно, могут помочь переводчику в семантизации малопонятных слов при переводе специфического текста (художественного, рекламного и т.п.). Эта глава является как бы откликом на известное положение о том, что в переводе нередко носителями наиболее значимой информации оказываются именно наиболее редкие и неожиданные лексемы, которыми нередко пренебрегают лексикографы.

Лингвострановедение и словари

Одна из центральных глав, чрезвычайно богатая конкретным материалом — «Лингвострановедение и словари». Кроме общих вопросов, таких, как типология и классификация лингвострановедческих словарей, рассматриваются перспективы лексикографирования фоновых различий или «семантических культур» (коннотации, ассоциации, бихевиоремы, сценарии), дивергирующих в разных языках. Здесь анализируется возможность лексикографической фиксации таких лингвокультурных тонкостей, как расхождения в обычном порядке приёма пищи, различия в ведении телефонных разговоров, несовпадение систем нумерации жилых домов, и многое другое. В этой главе автор, естественно, обращается и к проблеме безэквивалентности, предлагая для её преодоления два пути — исчерпывающее описание и приблизительный перевод. Оба приёма продемонстрированы на конкретных примерах-образцах (фрагменты словарей или, скорее, учебных пособий — справочников, напр., университетская лексика).

Много полезного для себя найдёт переводчик-германист, да и переводовед широкого профиля, в главе «Словарь и юмор». Автор задаётся вопросом, насколько словарь спосо-

бен отразить комизм слова, в какой степени достоверны и точны используемые пометы, какими лексическими приёмами обеспечивается комизм лексического новообразования. Значительное место в главе отведено рассмотрению «несерьёзных словарей», по существу представляющих собой один из жанров развлекательной литературы. Хотя здесь имеются в виду практически только одноязычные произведения, но профессиональному переводчику и они могут в соответствующих случаях оказать неоценимую помощь. Ведь, пожалуй, едва ли есть что-либо более трудно постижимое, чем иноязычный юмор.

Не обойдены в книге вниманием и словари афоризмов. В.Д. Девкин анализирует критерии включения тех или иных высказываний в специальный словарь, даёт классификацию словарей этого жанра и детально анализирует отдельные произведения. К сожалению, в книге речь идёт только о беспереводных изданиях, но и они представляют известную ценность как источник пополнения паремнологического тезауруса переводчика.

Наконец, в одной из глав книги речь идёт «О “неродившихся” словарях немецкого и русского языков». Здесь намечаются проекты будущих словарей, не имеющих прецедента в лексикографической практике. Некоторые из предлагаемых пособий, несомненно, будут с благодарностью восприняты переводческим сообществом, как, например, словари обращений, этикетных фраз, метакоммуникативных выражений, речевых стимулов и реакций и т.п., которые, в частности, смогут послужить полезным пособием для подготовки устного переводчика.

Выход книги В.Д. Девкина — событие в отечественной лексикографии и германистике, и она ещё раз подтверждает необходимость самого тесного сотрудничества переводов со словарниками, плодотворность совместной работы в интересах общего дела — обеспечения эффективной межъязыковой коммуникации.

¹ Valentin D. Devkin. Der russische Tabuwortschatz. Русская сниженная лексика. Langenscheidt Verlag Enzyklopädie. Leipzig u. a., 1996

Всероссийский (Всесоюзный) центр переводов научно-технической литературы и документации (ВЦП)
создан, по решению Правительства СССР, в 1973 г. на базе Бюро переводов ВИНТИ, которое, в свою очередь, было образовано в 1960 г. Таким образом, можно считать ВЦП старейшей переводческой организацией страны.

Несмотря на то, что ВЦП по статусу – федеральное государственное унитарное предприятие, мы не являемся бюджетной организацией и с первого дня своего существования работаем на принципах полного хозрасчета. С 1986 г. директором ВЦП является доктор филол. наук, профессор Убин И.И. (в ВЦП работает с 1974 г.). Штатный состав ВЦП невелик: всего 25 опытных сотрудников, но наше основное богатство – это нештатные переводчики, которых в нашем банке переводчиков более 300 человек. Такой подход позволяет нам выполнять переводы с самых разных языков и по различным тематикам. Так, в 2005 г. мы сделали почти 12 тыс. переводов с 30 иностранных языков на русский и с русского – на основные европейские языки. Основные потоки наших переводов: различная техническая литература и документация, нормативно-технические документы (ГОСТы, СНИПы, ТУ), юридическая и деловая документация, финансовая документация и личные документы.

Значительная часть заказов на переводы поступает к нам от государственных структур, банков, крупных коммерческих и научных организаций, промышленных и других предприятий, но среди наших заказчиков также достаточно много физических лиц – граждан России и стран ближнего и дальнего зарубежья.

По желанию заказчика, ВЦП обеспечивает нотариальное завершение и легализацию (проставление апостиля). Переводы, не подлежащие нотариальному завершению, могут быть заверены специальным штампом и нашей гербовой печатью.

В последнее время заметно сократились сроки выполнения переводов. Так, средний срок перевода больших текстовых материалов у нас составляет 3 календарных дня на один авторский лист (40 тыс. символов), для небольших текстов и документов – срок 1-2 дня. Срочные переводы выполняются намного быстрее. Нередко перевод и заверение личных документов и небольших текстов осуществляется в присутствии заказчика в течение 30-60 минут.

ВЦП уделяет серьезное внимание повышению квалификации переводчиков. За последние годы у нас повысили свой профессиональный уровень около двухсот переводчиков из 26 регионов страны. Мы также продолжаем издавать сборники статей, словари, и др. пособия по тематике наших переводов.

Все о нас и наших услугах можно узнать непосредственно у нас самих.

Приходите, звоните, пишите, читайте!

Наш адрес: 117218, Москва, ул. Кржижановского, 14, корп.1.
(ст.м. «Профсоюзная»).

Тел. (495)124-72-63, (495)124-72-65; факс – (495)124-70-24;
e-mail: vcp-mail@list.ru, vcp-mail@umail.ru.

www.vc-p.ru

КАДРЫ РЕШАЮТ ВСЕ

И.А. Пушкин, И.И. Убин
(Всероссийский Центр Переводов)

К публикации данной статьи нас побудили размышления о сложившейся в настоящее время в стране ситуации в переводческом деле, о поиске обоснованных и реальных путей разрешения нарастающих противоречий в общей системе подготовки дипломированных переводчиков, о необходимости своевременного повышения квалификации переводчиков и их периодической аттестации, о лицензировании переводческой деятельности — как обязательных слагаемых успешного решения всех возникающих переводческих задач.

Совершенно бесспорно, что в нынешнее время международные связи в самых различных сферах жизни стали повседневным явлением. Многократно расширились и переводческие услуги — как по объему, так и по номенклатуре разных видов перевода. Сегодня перевод обслуживает не только корпоративные интересы различных государственных и предпринимательских структур, он образует и самостоятельную отрасль современного предпринимательства, именуемую переводческим бизнесом. Только в Москве работают более 400 бюро переводов самой различной направленности и специфических оттенков по реализации потребностей заказчиков в исполнении перевода.

Процесс возрастания переводческого обеспечения имеет устойчивую тенденцию к дальнейшему развитию. Ныне труд переводчика активно востребован в самых разных областях жизни нашего общества: в международных отношениях и предпринимательской деятельности, в культурных связях и туризме, наконец, перевод по-прежнему играет важнейшую роль в инновационном процессе всемирного научно-технического прогресса.

Вместе с тем, анализ современного состояния рынка переводческих услуг со всей очевидностью убеждает, что, как и прежде, самыми востребованными остаются профессиональные переводчики, выполняющие письменные переводы научно-технической литературы самых различных отраслей знаний, деловой и юридической документации, а также там, где требуется оперативное внедрение уже признанных или вновь появившихся «ноу-хау».

В переводческом деле главенствующая роль принадлежит так называемому человеческому фактору — а это значит, что все зависит от профессионализма, компетентности, уровня общенаучного интеллекта собственно переводчика, способного с использованием технических инноваций квалифицированно решать все возникающие переводческие задачи. Поиск таких профессионалов сегодня заняты государственные и предпринимательские структуры, руководители различных компаний переводческого бизнеса. И в этой сфере, пожалуй, больше вопросов, чем ожидаемых положительных ответов.

Объективно говоря, число языковых вузов и переводческих факультетов в стране не сократилось, а, пожалуй, даже возросло, не меньше выпускается и дипломированных переводчиков, но кадровый голод на квалифицированных профессионалов в сфере научно-технического, целевого перевода не снижается.

Как это ни печально, но факт, что в большинстве вузов страны — на переводческих факультетах и отделениях — практически не обучают переводу научно-технической литературы и деловой документации. Обучение ведется в основном на материале художественного и газетно-информационного перевода.

В ныне действующем Государственном образовательном стандарте высшего профессионального образования в его профессиональной части по квалификации «Лингвист, переводчик» обучению научно-техническому и деловому переводу уделяется совершенно недостаточно внимания. Это — одна из причин того, что выпускники многих переводческих факультетов и отделений

На правах рекламы

не отвечают требованиям, которые сегодня предъявляет им жизнь. Второй причиной — и это проявляется главным образом на недавно созданных переводческих факультетах — можно назвать острую нехватку преподавателей перевода, и в особенности перевода научно-технической и деловой литературы и документации.

Следует отметить, что преподаватель перевода не входит в номенклатуру специальностей, предусмотренных нашими образовательными стандартами. Поскольку обязательным условием успешного преподавания перевода является личный переводческий опыт, то, как нам представляется, подготовку специалистов этого профиля целесообразно вести в рамках системы второго высшего образования.

Ситуация с профессиональной подготовкой переводчиков усугубляется ещё и тем, что в настоящее время в нашей стране не существует никакой системы обязательного регулярного повышения квалификации таких специалистов. В России фактически нет государственного нормативного акта, чётко регулирующего создание и функционирование подобной системы.

Подтвердить данный вывод можно следующим. В далеко не всем известном Постановлении Правительства № 610 от 10 марта 2000 года обозначена весьма расплывчатая и ни к чему не обязывающая формулировка:

«Повышение квалификации проводится по мере необходимости, но не реже одного раза в 5 лет в течение всей трудовой деятельности работников. Периодичность прохождения специалистами повышения квалификации устанавливается работодателем».

Полагаю, дальнейшие комментарии к такому определению излишни.

Реальная ситуация с подготовкой дипломированных специалистов и фактическим спросом на профессионально подготовленных переводчиков на рынке переводческих услуг, отсутствие системы периодического и обязательного повышения квалификации переводчиков, закономерно ставит вопрос, кто же сегодня на профессиональной основе занимается научно-техническим, деловым, юридическим и другими отраслевыми видами перевода.

Попытаемся дать пояснения по данному вопросу, опираясь на собственный опыт. Всероссийский центр переводов научно-технической литературы и документации, как государственное предприятие, на протяжении многих лет занимается проблемами повышения квалификации переводчиков в данной специфической сфере перевода. За последние пять лет курсы повышения квалификации у нас прошли переводчики многих научно-исследовательских и научно-производственных учреждений, крупных металлургических и машиностроительных объединений, нефтегазового, энергетического и военно-промышленного комплексов страны из 26 крупнейших регионов Российской Федерации. Это позволяет нам сделать определённые объективные выводы.

Подавляющее большинство штатных переводчиков, работающих в самых различных отраслях производства — это выпускники педагогических вузов (56,4%), большинство из них имеет квалификацию учителя иностранного языка (69,9%) и лишь незначительная часть (9,6%) окончили специализированные переводческие факультеты и получили квалификацию — переводчик (15,0%). В переводческих структурах вышеупомянутых предприятий, учреждений и объединений около 50% составляют переводчики молодого возраста, большая часть штатных переводчиков имеют опыт работы до пяти лет (57,9%).

Данная, мягко говоря, весьма не радужная ситуация, усугубляется тем, что в действующем Российском законодательстве зафиксировано немало противоречий в оценке требований к уровню профессиональной подготовки лиц, стремящихся заниматься переводческой деятельностью. Это можно проследить, к примеру, в Трудовом, Гражданском и Таможенном кодексах Российской Федерации, в которых нет чётко обозначенных требований к уровню профессионального образования переводчика. Фактически у нас в стране юридическое право выполнять официальные переводы имеют как специалисты, имеющие диплом о высшем переводческом образовании, так и лица, имеющие другой документ государственного образца, формально

подтверждающий его право выполнять этот вид работ. В подтверждение этого можно привести тот факт, что более половины специалистов с высшим образованием, предлагающих ВЦП свои услуги в качестве штатных переводчиков, не в состоянии справиться с пробным переводом достаточно несложного технического или юридического текста.

И ещё об одной проблеме, касающейся важности и необходимости периодического прохождения курса повышения квалификации штатными переводчиками. Это связано с активно развивающимся техническим оснащением переводческой деятельности современными электронными лексикографическими средствами, автоматическими и полуавтоматическими системами перевода.

В настоящее время в России создано немало добротных электронных общих и тематических двуязычных и многоязычных словарей. Можно согласиться с тем, что их самостоятельное и практическое освоение под силу каждому переводчику профессионально занимающемуся переводом электронные словари, действительно, как минимум на 50% сокращают затраты времени, по сравнению с тем, когда работают лишь с традиционными «бумажными» словарями.

Однако рост требований к срокам выполнения письменных переводов и к унификации специальной терминологии в научно-техническом и других видах специального перевода привели к необходимости широкого внедрения современных средств автоматизации перевода по принципу «переведи один раз, напиши один раз, сохрани один раз – используй сколько угодно раз». Наиболее практичны в этом смысле системы класса «Translation Memory», например, TRADOS, DEJA VUE, TRANSIT, которые весьма широко используются переводчиками всех западноевропейских стран. Однако самостоятельное освоение названных систем не под силу отдельному переводчику. Здесь нужна специальная подготовка под руководством специалиста профессионально владеющего данной системой перевода и переводом в целом. Это возможно только в рамках специализированных программ по повышению квалификации переводчика.

В нынешнее время собственно повышение квалификации переводческих кадров, по нашему мнению, должно органично сочетаться и с их периодической аттестацией и сертификацией. Хотелось бы подчеркнуть, что в странах ЕС, ряде других государств такая система уже действует не один десяток лет. В этих странах обязательным условием допуска к самостоятельному выполнению переводов является сдача сертификационного экзамена, либо членство в объединении переводчиков, право на которое также необходимо доказать своим профессионализмом. Сертификационный экзамен принимается специализированными экспертными комиссиями высокого уровня. Ведущая роль в сертификации переводчиков принадлежит государственным структурам. Так, в Германии сертификационный экзамен поручено проводить земельным департаментам образования, в Испании – Министерству юстиции, в Мексике – Верховному суду.

По нашему мнению, создание общегосударственной системы повышения квалификации и периодической аттестации переводческих кадров в сфере научно-технического (специального или отраслевого) перевода, а также лицензирование переводческой деятельности являются сегодня для нашей страны объективной необходимостью.

Пушнов Игорь Алексеевич – генерал-майор в отставке, последняя должность – начальник Львовского военно-политического училища. Окончил Московское высшее общевойсковое командное училище, Военно-политическую академию. Военный переводчик. Работает во ФГУП ВЦП с июля 2000 года.

Убин Иван Иванович – доктор филологических наук, профессор МГЛУ. Окончил переводческий факультет МГПИИЯ им. М.Тореза. Директор Всероссийского центра переводов. Автор более 100 опубликованных работ по различным аспектам традиционного и автоматизированного перевода и лексикографии. В том числе несколько словарей и монография.

Берди Мишель – письменный и устный переводчик, специалист по межкультурной коммуникации. Автор рубрики “Word’s Worth” в газете “Moscow Times”.

Бродский Михаил Юрьевич – переводчик-синхронист, преподаватель перевода и стилистики. Кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой перевода в Институте международных связей (Екатеринбург). Окончил факультет иностранных языков Свердловского государственного педагогического института (ныне Уральский государственный педагогический университет). Автор научных работ по лингвистике и переводу, словарей.

Бузаджи Дмитрий Михайлович – письменный и устный переводчик, преподаватель перевода, аспирант кафедры перевода английского языка МГЛУ. Окончил переводческий факультет МГЛУ.

Гусев Владимир Викторович – профессиональный переводчик. Окончил переводческий факультет и аспирантуру МГПИИЯ им. М.Тореза. Работал заведующим редакцией переводной литературы издательства «Вагриус». Преполагает на кафедре перевода английского языка МГЛУ. Автор ряда теоретических и методических работ.

Ермолович Дмитрий Иванович – синхронный и письменный переводчик, лингвист и лексикограф. Доктор филологических наук. Профессор кафедры перевода английского языка МГЛУ. Окончил переводческий факультет МГПИИЯ им. М.Тореза. Сотрудничает с международными организациями. Автор научных работ по лингвистике и теории перевода, учебных пособий и словарей.

Зубанова Ирина Владимировна – устный переводчик (синхронный и последовательный) и преподаватель устного перевода. Окончила МГПИИЯ им. М.Тореза (сегодня МГЛУ) и с тех пор в нём преподаёт, в последнее время на Факультете переводческого мастерства. Соавтор словаря «Американа».

Ланчиков Виктор Константинович – переводчик художественной литературы, преподаватель перевода. Кандидат филологических наук, профессор кафедры перевода английского языка МГЛУ. Окончил переводческий факультет МГПИИЯ им. М.Тореза. Автор ряда теоретических работ.

Масловский Евгений Константинович – переводчик и редактор научно-технической литературы. Окончил Ленинградский институт инженеров железнодорожного транспорта. Автор, редактор и соавтор ряда тематических и научно-технических книг и словарей. Член правления Союза переводчиков России, руководитель секции научно-технического перевода и специальных словарей.

Некрасова Тамара Петровна – начальница отдела переводов российской юридической компании “Пепеляев, Гольцблат и партнеры”. Окончила МГПИИЯ им. М.Тореза.

Никольская Анна Игоревна – синхронный переводчик. Окончила Московскую международную школу переводчиков. Долгое время преподавала в Карлтон-колледже (США). Преподаватель синхронного перевода в МИПШ.

Палащенко Павел Русланович – синхронный и письменный переводчик, дипломат, журналист. Многолетний сотрудник ООН. Переводчик М. Горбачева и Э. Шеварднадзе. Окончил МГПИИЯ им. М.Тореза. Автор ряда книг и словарей.

Цвиллинг Михаил Яковлевич – кандидат филологических наук, профессор МГЛУ. Один из ведущих теоретиков устного перевода. Составитель ряда немецко-русских и русско-немецких словарей.

Bridging the Communication Gap

1(9)/2006

Bridges

Translators and Interpreters' Journal

M. Berdy, V. Lanchikov

**Pevear and Volokhonsky:
The Sweet Smell of Success?**

P. Palazchenko

**Seven Deadly Sins (and Seven Gifts
of the Holy Spirit): A Useful Discussion
on the Internet**

V. Gusev

**On how to stave off infringements
and abuses of translators' copyright**

T. Nekrasova

**What does it mean, or Russian
legislation fog patches in translation
into English**

as well as

theory, practice and useful information for translators,
teachers and students from top professionals

ISBN 5-93439-195-X

9 785934 391950

